

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

На правах рукописи

ЯЩЕНИНА Юлия Сергеевна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С МИЛИТАРНЫМ КОМПОНЕНТОМ)**

Специальность **10.02.19** – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Борисова Татьяна Ивановна

Саратов – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И КОНТЕКСТНО ОБУСЛОВЛЕННЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	10
1.1 Основные свойства и функции фразеологизмов в немецком и русском языках.....	10
1.1.1 История возникновения термина «фразеологизм» и формирования фразеологии как науки.....	10
1.1.2 Структурно-семантические характеристики фразеологизмов.....	14
1.1.3 Структурно-семантическая классификация фразеологизмов в немецком и русском языках.....	20
1.1.4 Классификации модификаций фразеологизмов.....	29
1.1.5 Стилистические функции фразеологизмов	36
1.2 Лингвокультурные особенности изучения фразеологизмов.....	38
1.2.1 Культурологический аспект изучения языка.....	38
1.2.2 ФЕ в свете лингвокультурологии.....	41
1.2.3 Национально-культурный компонент семантики фразеологизмов.....	46
1.3 Структура и функции лингвистического контекста.....	50
1.3.1 Свойства и классификации видов контекста.....	50
1.3.2 Функционирование фразеологизмов в языковом контексте	58
1.3.3 Публицистический стиль как среда для функционирования фразеологизмов.....	69
Выводы по главе 1.....	74
ГЛАВА 2 ВЛИЯНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА НА СЕМАНТИКУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С МИЛИТАРНЫМ КОМПОНЕНТОМ.....	78
2.1 Характеристика фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языках.....	78
2.1.1 Фразеологизмы с милитарным компонентом в русском языке.....	78
2.1.2 Фразеологизмы с милитарным компонентом в немецком языке...	83
2.2 Языковой контекст как среда для функционирования ФЕ.....	87
2.2.1 Актуализирующий объем контекста.....	90
2.2.1.1 Актуализирующий объем контекста в русском языке	90
2.2.1.2 Актуализирующий объем контекста в немецком языке...	93
2.3 Структурные особенности актуализирующих контекстов.....	96
2.3.1 Структурные особенности актуализаторов значения ФЕ.....	96
2.3.1.1 Структура актуализаторов в русском языке.....	96
2.3.1.2 Структура актуализаторов в немецком языке.....	103

2.3.2	Позиционные закономерности расположения актуализаторов...	113
2.3.2.1	Позиция актуализаторов в русском языке.....	113
2.3.2.2	Позиция актуализаторов в немецком языке.....	121
2.3.3	Актуализация модифицированных фразеологизмов.....	130
2.3.3.1	Актуализация модифицированных фразеологизмов в русском языке.....	130
2.3.3.2	Актуализация модифицированных фразеологизмов в немецком языке.....	135
	Выводы по главе 2.....	140
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	144
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	150
	СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА.....	171
	СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая парадигма обуславливает новые подходы к традиционным проблемам лингвистики. Одним из активных современных направлений является исследование фразеологии в когнитивном и культурном аспектах в связи с ее репрезентативной функцией в языке.

В семантике фразеологизмов заложены культурные знания народа-носителя языка, которые выступают как значимые понятия для многих представителей данной лингвокультуры. К числу фразеологизмов, отражающих самобытную культуру и конкретные исторические условия, относятся и фразеологизмы с милитарным эксплицитным и имплицитным компонентами (далее – фразеологизмы с милитарным компонентом) в русском и немецком языках.

В рамках современной парадигмы рассмотрение фразеологизмов предполагает изучение коммуникативных функций, процесса формирования и передачи знаний о реальной действительности, коммуникативных интенций говорящего. Непрерывные изменения в современном обществе, связанные с политическими, социальными, культурными и экономическими процессами, находят отражение на страницах средств массовой информации (далее – СМИ). Особенностью публицистического стиля является его экспрессивность, которая нередко достигается благодаря активному использованию фразеологического пласта языка. В связи с этим можно говорить о прагматическом эффекте, который реализуется путем включения фразеологизмов в текст.

Фразеология военной сферы в разных языках не единожды оказывалась в центре внимания работ по фразеологии, однако в рамках этих исследований роль русских и немецких фразеологизмов в создании соответствующих языковых образов мира была раскрыта не в полной мере, поскольку для этого требуется привлечение прагматической парадигмы знаний.

Фразеологизмы с милитарным компонентом в русском и немецком языках и всесторонняя характеристика контекстно обусловленных

закономерностей их функционирования до настоящего времени не являлись объектом специального изучения. Так, взаимодействие фразеологизмов и лингвистического контекста получило довольно широкое освещение в научной литературе, однако внутриконтекстное взаимодействие языковых единиц, в том числе фразеологизмов с милитарным компонентом требует дальнейшего изучения, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Объектом исследования является лингвистический контекст как средство актуализации семантики фразеологизмов с милитарным компонентом.

Предмет исследования – контекстуальные актуализаторы семантики фразеологических единиц (далее – ФЕ) в русскоязычных и немецкоязычных СМИ.

Целью работы является выявление роли лингвистического контекста и элементов его структуры в актуализации семантики ФЕ немецкого и русского языков. В соответствии с поставленной целью были выдвинуты следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать семантическую и структурную специфику фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языках;
- 2) выявить виды языкового контекста, необходимого для реализации значения фразеологизмов с милитарным компонентом в текстах СМИ;
- 3) выделить внутриконтекстные языковые единицы, актуализирующие семантику фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языках;
- 4) определить позицию выделенных внутриконтекстных языковых единиц в контексте, их семантические и структурные особенности;
- 5) выявить особенности актуализаторов модифицированных фразеологизмов с милитарным компонентом в контексте.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых в следующих областях: общего языкознания,

лексикологии и фразеологии, лингвокультурологии, этимологии, психологии и философии (В. В. Виноградов, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, А. А. Потебня, Е. Ф. Арсентьева, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, Г. А. Багаутдинова, Л. К. Байрамова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, М. Л. Ковшова, А. В. Кунин, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, И. И. Чернышева, Н. М. Шанский, Д. О. Добровольский, Н. Burger, W. Fleischer, Th. Schippan и др.); теории текста (В. Скаличка, Г. О. Винокур, Н. С. Поспелов, В. Хайнеманн, К. Бринкер) и контекста (Г. В. Колшанский, Н. Н. Амосова, Д. Н. Шмелев, С. И. Канонич, К. Штейнбух, М. Пинкаль, В. А. Колеватов, В. Шмидт, Т. Слама-Казаку); функционирования фразеологизмов в текстах различных функциональных стилей (А. Buhofer, A. Sialm, B. Wotijak, G. Gréciano, В. П. Жуков, Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, О. В. Ломакина, Д. О. Добровольский, J. Wirrer, Н.-Н. Lüger).

В качестве лексикографических источников **материала** для исследования послужили одно- и двуязычные фразеологические, этимологические, толковые, синонимические словари русского и немецкого языков, в ходе выборки из которых было отобрано 700 фразеологизмов с милитарным компонентом: 353 фразеологизма в немецком языке и 347 фразеологизмов в русском языке.

Для определения специфики семантики фразеологизмов исследуемой группы, а также для анализа особенностей функционирования данных фразеологизмов в контексте высказывания и выявления языкового окружения, актуализирующего значение фразеологизмов, была проведена сплошная выборка контекстов употребления, в рамках которых реализуется семантика фразеологизмов с милитарным компонентом, из русскоязычных и немецкоязычных газет за 2010 – 2022 гг. Источником фактического материала являются немецкоязычные и русскоязычные разножанровые тексты 42 периодических изданий центральных и региональных газет РФ и Германии: «Новая газета», «Российская газета», «Аргументы и факты», «Известия»,

«Bild», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Handelsblatt», «Die Tageszeitung», «Süddeutsche Zeitung», «Berliner Zeitung» и др. Основная масса изучаемых текстов представлена в электронных версиях газет. Объем исследуемого материала составляет 617 контекстов (153 400 словоупотреблений) – 323 немецкоязычных и 294 русскоязычных.

Методы исследования. Согласно объекту исследования, его целям и задачам, в качестве ведущего метода использовался описательный метод с применением контекстуального анализа, а также компонентного, дефиниционного, семантического и количественного анализа, метода сплошной выборки. Материал исследования представлен двумя языками, в связи с чем были использованы элементы сопоставительного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвокультурологический подход позволяет выявить национально-культурную специфику фразеологизмов с милитарным компонентом, поскольку их семантика связана с историей военного дела и различными событиями военной истории.

2. Фразеологизмы с милитарным компонентом широко используются в политическом, экономическом, спортивном, массмедийном дискурсе в русской и немецкой лингвокультурах.

3. Семантизация значения ФЕ с милитарным компонентом происходит в результате актуализации данных единиц в развернутых и макро-контекстах.

4. Структурная организация актуализирующих внутриконтекстных элементов обусловлена семантической связью с актуализируемыми фразеологизмами и необходимостью разъяснения значения фразеологизмов в зависимости от степени его мотивированности.

5. Актуализаторы семантики ФЕ гетерогенны. Реализация модифицированного фразеологизма требует дополнительной актуализации внутриконтекстными языковыми средствами – окказиональными актуализаторами, поддерживающими дополнительный оттенок семантики,

приобретенный в результате модификации фразеологизма в лингвистическом контексте.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые исследуются фразеологизмы с милитарным компонентом в немецкоязычных и русскоязычных текстах СМИ, контекст и внутриконтекстные языковые единицы, актуализирующие семантику немецких и русских фразеологизмов с милитарным компонентом, и критерии их выделения. В исследовании представлена типология актуализаторов семантики фразеологизмов с милитарным компонентом, которые были выявлены и проанализированы на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в разработку проблем общего языкознания, теории лингвистического контекста, общей и сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, лингвострановедения, межкультурной коммуникации и теории перевода.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов исследования при составлении толковых, фразеологических, лингвокультурологических, историко-этимологических, идеографических словарей, при изучении русского и немецкого языков как иностранного, в курсах по общему языкознанию, общей и сопоставительной фразеологии, лингвострановедению, межкультурной коммуникации, сравнительной типологии русского и немецкого языков, при разработке спецкурсов для студентов, изучающих русский и немецкий языки.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и региональных конференциях: X Международная научно-практическая конференция «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 21 – 22 февраля 2018 г.); Всероссийская научная конференция «Филология и

журналистика в XXI веке» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 25 – 26 апреля 2018 г.); Межвузовская научная конференция «Немецкий язык в Саратовском регионе: теоретический и прикладной аспекты» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 17 – 18 октября 2019 г.); III Всероссийская научная конференция – Школа молодых ученых «Актуальные проблемы социально-гуманитарных и экономических знаний» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГТУ имени Гагарина Ю. А.», 21 мая 2020 г.); XIV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н. Г. Чернышевского», 24 – 25 февраля 2022 г.).

По теме работы опубликовано 6 статей, в том числе 3 – в реферируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации: данная диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников материала, списка условных сокращений и содержит два рисунка.

ГЛАВА 1 СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И КОНТЕКСТНО- ОБУСЛОВЛЕННЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Основные свойства и функции фразеологизмов в немецком и русском языках

1.1.1 История возникновения термина «фразеологизм» и формирования фразеологии как науки

Фразеология, как сравнительно молодая наука, рассматривается в качестве одной из основных областей современных лингвистических исследований и учений. Причина интереса фразеологов к всестороннему изучению устойчивых словосочетаний фразеологического типа лежит во все более активном употреблении этих единиц в письменной и устной речи.

Под фразеологией, с одной стороны, принято понимать раздел лексикологии, «изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии, с другой стороны, это вся совокупность фразеологических единиц языка» [Телия 1998: 559-560]. Такое понимание фразеологии как составляющей лексикологии основано на категориальной соотнесенности фразеологизмов со словом. Однако фразеология может быть рассмотрена и как самостоятельная дисциплина, предметом исследования которой являются фразеологизмы. В становлении фразеологии как самостоятельной дисциплины важное место занимают работы советских исследователей в области языкознания, в первую очередь, В. В. Виноградова. В отечественной и европейской, в частности, немецкоязычной лингвистике активное становление фразеологии как науки закладывается в работах А. А. Шахматова [1941], В. В. Виноградова [1947], А. В. Щербы [1947], Ф. Ф. Фортунатова [1956], Ш. Балли [1961], И. И. Чернышовой [1970], Н. М. Шанского [1972], А. А. Потебни [1989], G. Gréciano [1991], Ch. Palm [1995], Д. О. Добровольского [1995; 2009], W. Fleischer [1997],

H. Henne [1998], H.-H. Lüger [1999]; A. Sabban [1998]; H. Burger [2007; 2015], E. Donalies [2009]. Учение о фразеологизмах немецкого языка формируется в лингвистике лишь в 1970-е годы [Donalies 2009: 3]. Интерес к устойчивым сочетаниям слов в истории немецкоязычной германистики существовал и ранее, однако сводился к созданию словарей пословиц, а не к рассмотрению особенностей фразеологизмов, отграничению фразеологизмов от прочих устойчивых сочетаний слов и выделению фразеологизмов в особый класс языковых единиц.

Самыми ранними работами на немецком языке, включающими пословицы, были труды М. Ф. Петерса «Der Teutschen Weißheit» 1604 – 1605 гг., Й. Г. Шоттеля «Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haupt-Sprache» 1663 г., в который кроме пословиц были включены поговорки. Й. Г. Готшид рассматривал фразеологизмы только как необходимую составную часть обучения языку. Первой работой, посвященной изучению этих языковых явлений с точки зрения лингвистики, стал научный труд Ц. Ф. Шнитцера «Begriff und Gebrauch der Redensart» 1871 г. В своей работе исследователь попытался классифицировать устойчивое глагольно-именное словосочетание, а также провести анализ соотношения между пословицами и фразеологическими оборотами и их употреблением. Важной работой для становления немецкой фразеологии как науки стал известный труд Ф. Зайлера «Deutsche Sprichwörterkunde» 1922 г., в которой автор разграничил фразеологические обороты и пословицы и дал определение этим терминам. В конце 1970-х появляются сборники фразеологических оборотов, например, труды В. Фридриха (1976), Л. Рериха (1974), Г. Гернера (1979).

Несмотря на значительное число работ, посвященных вопросам фразеологии, исследование этих языковых единиц в теоретическом аспекте приобретает известность только в 1960-1970-е годы [Fleischer 1997; Donalies 2009]. Первыми теоретическими работами по фразеологии немецкого языка считаются научные труды Р. Клаппенбах «Feste Verbindungen in der deutschen Gegenwartsprache» и Е. Агриколы «Wörter und Wendungen» 1961 г.

Р. Клаппенбах представляет классификацию фразеологизмов и обозначает предмет исследования фразеологии как науки. В работе Е. Агриколы особое внимание уделяется классификации фразеологизмов по семантическому принципу [Lüger 1999; Donalies 2009]. Важной ступенью в развитии теоретических основ фразеологии немецкого языка и становлением ее как науки стал научный труд И. И. Чернышевой 1964 г., изложившей общее представление по фразеологии немецкого языка. В круг вопросов, к которым обратилась автор, вошли не только определение предмета фразеологии, классификация фразеологизмов, но и вопросы полисемии и синонимии фразеологизмов, фразеологической деривации. Значительное влияние на развитие фразеологии немецкого языка как науки оказали такие исследователи, как U. Fix [1979], A. Buhofer [1980; 1982; 1987; 1989], H. Burger [1980; 1998; 2007; 2015], D. O. Dobrovol'skij [1997; 2001; 2009; 2015], W. Fleischer [1997], A. Sialm [1992], H.-H. Lüger [1999], A. Sabban [1998]. Важно отметить, что фразеологизмы в немецком языке изначально рассматривались с точки зрения стилистики и лексикологии, то есть в рамках науки об отдельном слове. В настоящий момент, напротив, фразеология является самостоятельной дисциплиной лингвистики [Donalies 2009: 5 – 6].

Несмотря на быстрое развитие фразеологии в сравнении с другими лингвистическими направлениями, многие ее проблемы до настоящего времени остаются дискуссионными. Так, спорными остаются критерии выделения признаков ФЕ [Маслов 2007; Donalies 2009; Fernandez Bravo 1999] и трактовка самого термина «фразеологизм», что является причиной разнообразия методов и подходов к анализу структуры фразеологической единицы, ее функций и классификаций. Ш. Балли обозначает фразеологизмы как «сочетания, прочно вошедшие в язык» [Балли 1961: 90]; Н. М. Шанский под фразеологизмом понимает «воспроизводимую единицу языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостной по своему значению и устойчивой в своем составе и структуре» [Шанский 1972: 170]. В. Н. Телия определяет фразеологизм как «общее название семантически

связанных слов и предложений, которые, в отличие от исходных с ними по форме синтаксических структур не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Телия 1988: 174; Виноградов 1977; Молотков 1994; Fleischer 1997]. Х.-Х. Люгер под фразеологизмом понимает языковые единицы, объединяющие два и более слов, вплоть до объема предложения, обладающие лексико-семантической устойчивостью и воспроизводимые в фиксированном виде [Lüger 1999]. В. Фляйшер, уточняя понятие фразеологизма, к перечисленным выше свойствам этой языковой единицы добавляет наличие базового, основного элемента [Fleischer 1997]. Другим подходом к определению понятия «фразеологизм» стала позиция Л. Лемницера, видевшего эту языковую единицу лишь как структуру, равную предложению [Lemnitzer 1997].

В настоящее время исследователи фразеологии не пришли к единому мнению в определении термина «фразеологизм». Основываясь на критерии полилексичности, исследователи склоняются к выбору терминов «фразема», «фразеологизм», «синтагм». Важность критерия идиоматичности становится очевидной в определении терминов «идиома», «идиоматическое выражение», «идиоматическая фраза» [Donalies 2009: 30]. П. Валентин пишет следующее о выборе того или иного термина исследователями: «Некоторые авторы предпочитают термин «фразеолексема», другие используют термин «фразема»; Д. О. Добровольский (1995) оперирует термином «идиома», говоря об условности терминологии» [Bravo 1999: 16]. Дав определение термину «фразеологизм», Б. Вотьяк характеризует его как стабильную, воспроизводимую в речи языковую единицу [Wotijak 1999]. В своей работе мы придерживаемся широкого понимания фразеологии и к фразеологизмам также относим пословицы, поговорки, крылатые выражения.

1.1.2 Структурно-семантические характеристики фразеологизмов

Функционирование фразеологизмов в устной и письменной речи обусловлено их структурно-семантическими свойствами, взаимодействие которых с лингвистическим контекстом и его элементами позволяет обеспечить функционирование фразеологизмов.

Основными свойствами фразеологизмов являются воспроизводимость, устойчивость компонентного состава, раздельнооформленность состава и целостность значения. В отечественной и немецкой фразеологии принято выделять воспроизводимость и устойчивость значения и компонентного состава (идиоматичность) [Баранов, Добровольский 2008; Burger 2007; Кунин 1972; Смирницкий 1956; Телия 1996]; раздельнооформленность (структурную расчлененность) [Шанский 1972], хотя интерпретация каждого из признаков фразеологичности языковой единицы может быть разной.

Другим подходом к характеристике немецких фразеологизмов можно назвать точку зрения Э. Дональс, разделяющей характерные особенности фразеологизмов на морфологические, семантические и синтаксические, что также отличает их от свободных сочетаний слов [Donalies 2009].

Одним из основных морфологических признаков фразеологизма является полилексичность, то есть объем фразеологизма, состав которого требует участия не менее двух слов [Lüger 1999; Bravo 1999; Donalies 2009]. Х. Бургер, говоря о границах фразеологизма, подчеркивал необходимость фиксации лексических границ, числа составляющих фразеологизм языковых единиц [Burger 2007]. В данном вопросе нет единого мнения: ученые расходятся в определении минимальной и максимальной границы фразеологизма, что связано с классическим разделением слов на знаменательные (аутосемантические) – слова со своим значением и служебные (синсемантические) [Burger 2007].

К синтаксическим особенностям относится устойчивость состава фразеологизма (синтаксическая аномалия), когда компонентный состав не допускает последующих синтаксических изменений [Donalies 2009].

В настоящее время устойчивость характеризуется двумя аспектами – «структурным и узуальным признаком» [Баранов, Добровольский 2008: 50]. Это можно объяснить тем, что «признак устойчивости определяется степенью смысловой неразрывности, семантической неразложимости» ФЕ [Алефиренко 2008: 5], но признак устойчивости можно обнаружить и в «способности быть извлеченным в комплексе формальных и содержательных составляющих – лингвистических, прагматических, культурных» [Там же]. В ходе изучения специфики структурного аспекта отмечается ограничение на вариативность и трансформацию ФЕ, относительную синтаксическую непроницаемость. В настоящее время устойчивость структуры и непроницаемость компонентного состава не рассматриваются как абсолютные категории, а скорее, как относительные [Баранов, Добровольский 2008; Давлетбаева 2012; Малышева 2008; Dobrovol'skij 2001; Donalies 2009].

Устойчивость как узуальный аспект тесно связана с «частой повторяемостью выражения в речи широкого круга носителей языка» [Баранов, Добровольский 2008: 50], «с предсказуемостью возникновения их компонентов» [Гинзбург 1979: 78] и, как следствие, с воспроизводимостью фразеологизма [Абдуллина 2007; Бондаренко 1995; Жуков 2006; Телия 1996]. Н. М. Шанский определяет устойчивость состава компонентов фразеологизма «постоянством состава и местоположения компонентов» [Шанский 1972: 171].

Ф. Фляйшер обращает особое внимание на критерий воспроизводимости, обозначая его определяющей синтаксической особенностью фразеологизма, нередко рассматриваемой как основной критерий [Fleischer 1997: 63]. Воспроизводимость традиционно интерпретируются как свойство фразеологических единиц, согласно которому ФЕ не создаются в процессе общения в отличие от свободных словосочетаний, а воспроизводятся как слово, «извлекаются из памяти в готовом виде в

качестве целостных образований аналогично отдельным словам» [Donalies 2009: 40-41; Wolf-Farré 2021].

Ряд исследователей считают целесообразным объединить устойчивость компонентного состава и воспроизводимость в качестве взаимосвязанных категориальных признаков фразеологизма. Эти признаки также имеют некоторые отличия и варианты в интерпретации (ср.: [Шанский 1972; Мокиенко 1989; Алефиренко, Золотых 2000]).

Так, на трактовку раздельнооформленности фразеологизма большое влияние оказывают «структурно-грамматические, или морфологические и синтаксические, характеристики языка, расхождения в теоретических взглядах конкретных ученых на проблему противопоставления слова и словосочетания, словосочетания и предложения» [Баранов, Добровольский 2008: 28].

Фразеологизм нельзя разделить на части, отсюда следует, что в предложении он выполняет роль одного из его членов. Например, такое выражение как *von Ort zu Ort* – «с места на место» внутри контекста не терпит изменения состава и формы и всегда будет одним членом предложения: *Reisen Sie mit uns von Ort zu Ort*.

Следующей отличительной чертой фразеологизмов является идиоматичность. Иными словами, целостность с позиции смысла; устойчивость и немотивированность; частичная или полная деактуализация; непрозрачность значения фразеологизма из значений его компонентного состава [Алефиренко, Золотых 2008; Баранов, Добровольский 2008; Жуков 2006; Мокиенко 1989; Lüger 1999; Chrissou 2000].

Идиоматичность присуща фразеологизмам, коллокациям, комплексу морфем в производном слове, свойства которых не выводятся из свойств его компонентов [Гинзбург 1979; Мельчук 1997]. Идиоматичность в отношении ФЕ проявляется в «асимметрии плана содержания и плана выражения» [Алефиренко, Золотых 2008: 5]. В других работах категория идиоматичности раскрывается как понятие семантической целостности [Бабкин 1970;

Мокиенко 1980), немотивированности [Ахманова 1957; Смирницкий 1956; Шанский 1971; Lüger 1999].

Важно отметить, что несмотря на разный подход к интерпретации критерия идиоматичности, исследователи говорят о ее так называемом диалектическом единстве (смысловой целостности, немотивированности) и структурной устойчивости, воспроизводимости ФЕ.

Идиоматичность в лингвистике трактуется как «устойчивость речевого оборота, значение которого не определяется значением входящих в его состав отдельных слов, «необычное соотношение», как писал В. Фляйшер, «между значениями отдельных компонентов и значением всей фразы» [Donalies 2009: 20]. Идиоматичность относится к семантическим особенностям. Однако у разных исследователей степень идиоматичности, необходимая для отнесения воспроизведенной в речи единицы к фразеологической, трактуется по-разному. Ряд исследователей определяют идиоматичность как немотивированность [Ахманова 1957; Смирницкий 1956; Шанский 1972], но, в основном, делается акцент на возможности разного типа мотивации семантики фразеологизмов [Виноградов 1977; Lüger 1999; Donalies 2009]. Х. Бургер разделяет номинативные идиомы по степени идиоматичности на три вида – идиомы, частичные идиомы и коллокации (фразеологические сочетания). Знаменательное слово в составе идиомы не имеет прямого значения, у частичных идиом некоторая часть входящих в состав компонентов сохраняет свое первоначальное значение, тогда как коллокациями называются фраземы, которые имеют слабый идиоматический характер [Burger 2015].

По мнению Б. Хандверкера, критерий идиоматичности позволяет рассматривать фразеологизмы в широком (коллокации) и узком смыслах [Handwerker 2010]. Г. Хенне не ограничивает фразеологический фонд только ФЕ и также включает в него коллокации («узуальные, ожидаемые словосочетания», например, *harmloses Vergnügen* – «безобидное развлечение») [Henne 1998: 62]. Однако исследователем отмечается различие в семантике идиом и коллокаций: значение идиомы представляет собой нечто

большее, чем общее число значений составляющих элементов идиомы. Значение коллокаций, напротив, «суммарно в той степени, в которой оно может выводиться из каждый раз специфической конструкции ее частей» [Там же].

Расхождения в отнесении устойчивых единиц к фразеологизмам в лингвистической литературе (ср.: [Баранов, Добровольский 2007; Молотков 1978; Телия 2009]) продиктованы различными подходами в определении семантической целостности, немотивированности значения фразеологизма, то есть с одной из основных категорий идиоматичности ФЕ [Баранов, Добровольский 2008], поскольку это свойство может быть неотъемлемой чертой как мотивированных, так и немотивированных устойчивых сочетаний.

Помимо этого, к категориальным признакам фразеологизмов относятся номинативность, экспрессивность и способность выражать культурно-исторический смысл. Так, номинативность считается важным свойством ФЕ. В. Н. Телия пишет, что предметом фразеологии как науки непосредственно должны стать такие языковые единицы, которые имеют принадлежность к номинативному инвентарю языка. Таким образом, рассматриваемые единицы языка являются частью его лексико-семантической системы [Телия 1996]. Поскольку ФЕ благодаря ее признакам (воспроизводимость, цельность, устойчивость) приравнивают к слову, отношение между частями ФЕ идиоматично, что позволяет утверждать о семантической цельности и о включении ФЕ в речь как одной единицы [Смирницкий 1956].

Нередко необходимыми свойствами фразеологизма называют экспрессивность и образность [Алефиренко, Золотых 2008; Мокиенко 1980; Donalies 2009]. Благодаря последним названным признакам фразеологизм наделяется своей функциональной задачей внутри лексико-семантической системы. Семантика фразеологизмов заключается не только в денотативном значении, но часто содержит коннотативно-оценочные элементы, определяющие отношение и оценку говорящего. Уровень экспрессии во фразеологизмах проявлен сильнее, чем у других языковых единиц, что

отмечается лексикографическими источниками с точки зрения стилистики (нейтральный, возвышенный, книжный, разговорный, шуточный, вульгарный и т. д.). Эти семантико-стилистические категории, которые представлены в словарях, можно рассматривать только в контексте, в котором фразеологизмы раскрывают свое значение [Wolf-Farré 2021].

В последнее десятилетие исследователи уделяют особое внимание когнитивному рассмотрению ФЕ. Н. Ф. Алефиренко предлагает принимать во внимание асимметрию плана содержания и плана выражения. Такая тенденция продиктована тем, что одним из принципиально важных признаков ФЕ стала способность выражать культурно-исторический смысл [Bravo 1999; Lüger 1999; Алефиренко, Золотых 2008; Donalies 2009; Wolf-Farré 2021].

В семантике и внутренней форме идиом и пословиц заключена культурная ценность, но важность этого признака в других видах устойчивых сочетаний может быть менее проявленной. ФЕ проявляют себя как «хранилище общественного опыта, передают в сжатой концентрированной форме понятие ценностей языковой общности» [Lüger 1999: 57–58]. Фразеологизмы обозначаются как «коллективная память», они хранят в себе характерные особенности, опыт, взгляды, убеждения, нормы той или иной языковой общности [Földes 1990; Lüger 1999].

Необходимо обратиться и к понятию «креативность фразеологизма», что подразумевает их модификации и дополнения, возможные благодаря их синтаксической структуре [Donalies 2009]. Как правило, компоненты фразеологизма располагаются строго друг за другом. Любое изменение состава, формы фразеологизма может привести к возникновению незарегистрированных толковыми словарями современных литературных языков устойчивых экспрессивных оборотов, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы модификацией известных прежде паремий, крылатых слов, фразем [Мокиенко 2003], что зачастую становится причиной возникновения контекстно обусловленной модификации фразеологизма (оказиональное изменение

фразеологизма в тексте или в высказывании, обусловленное контекстуальным окружением единицы, т. е. прагматическими предпосылками [Burger 2010]). Х. Бургер писал, что не существует таких модификаций фразеологизмов, которые в контексте не были бы возможными и уместными. Фразеологизмы в таком виде функционируют до тех пор, пока реципиент готов воспринимать модификации состава фразеологизма и считать их использование релевантным, уместным, актуальным. Подобные модификации принято считать проявлением креативности [Dobrovol'skij 2001].

1.1.3 Структурно-семантическая классификация фразеологизмов в немецком и русском языках

Рассматривая проблему неоднозначного определения термина «фразеологизм», вопрос о классификации фразеологизмов тесно связан с вопросом о том, какие единицы следует относить к фразеологизмам и что должно служить основанием для такого отнесения. До сих пор ведутся споры относительно того, стоит или нет включать пословицы, поговорки, крылатые слова и афоризмы в понятие фразеологизма. В. Н. Телия останавливает свое внимание на возможности включения пословиц, поговорок и крылатых слов во фразеологический состав языка.

Существуют разные точки зрения относительно классификации фразеологизмов, однако стоит рассмотреть одну из общепринятых классификаций фразеологических оборотов, которая основана на семантической слитности компонентов, т. е. на степени спаянности компонентов. Большинство отечественных лингвистов являются приверженцами семантической классификации В. В. Виноградова.

По степени идиоматичности, или семантической слитности, фразеологизмы, вслед за лингвистами Ш. Балли и В. В. Виноградовым принято разделять на три вида или разряда: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. Фразеологические сращения немотивированны и непроизводны, их значение независимо от их

лексического состава, абсолютно невыводимо из значений составляющих компонентов. Фразеологическое сращение лишено внутренней формы. Например, русские фразеологизмы *держат в ежовых рукавицах*; *показать кузькину мать*; *бить баклуши*; *очертя голову*.

Вторая группа фразеологических оборотов – фразеологические единства – являются семантически неделимыми и целостными. Во фразеологизмах этого типа еще сохранилась внутренняя форма, ощущается мотивированность значения фразеологизма. Отличительной чертой фразеологических единств от фразеологических сращений выступает семантическая производность, семантическая неделимость фразеологических единств, наоборот, сближает их с фразеологическими сращениями. Примерами могут служить следующие фразеологизмы: *держат камень за пазухой*; *выносить сор из избы*; *плясать под чужую дудку*; *закинуть удочку*; *тянуть лямку*; *зарыть талант в землю*; *первый блин комом*; *положить зубы на полку*.

Значения фразеологических единств являются производными, мотивированными и вытекающими из семантики образующих их слов. Во фразеологическом единстве отдельные слова подчинены единству образа.

К фразеологическим сочетаниям В. В. Виноградов относит такие фразеологизмы, в которых один из компонентов имеет фразеологическую связанность, другой же компонент остаётся свободным [Виноградов 1977]. Так, некоторые лингвисты благодаря наличию в фразеологическом сочетании фразеологически связанного компонента говорят о его устойчивости и воспроизводимости, что сближает его с ФЕ. Так, можно сказать *заядлый курильщик*; *закадычный друг*, но нельзя сказать *заядлый друг* и *закадычный курильщик* [Шанский 1957; Виноградов 1977].

Автор одного из первых учебников по фразеологии современного русского языка Н. М. Шанский, рассматривая фразеологические обороты с точки зрения слитности, предлагает выделить кроме трех основных групп фразеологизмов по классификации В. В. Виноградова четвертую группу – фразеологические выражения. Н. М. Шанский включает в эту группу

пословицы, поговорки, крылатые выражения, цитаты, изречения [Шанский 1985]. Основанием для отнесения афористических выражений к фразеологии является общность их характеристик: устойчивость компонентного состава структуры и значения, воспроизводимость в речи в готовом виде, общеупотребительность.

Некоторые ученые (Н. Н. Амосова, С. И. Ожегов), исходя из того, что многие крылатые выражения, пословицы и поговорки, изречения представляют собой коммуникативные единицы, равные предложению, предлагают не включать их в состав фразеологии.

С позиции выполняемых функций и соотнесенности с частями речи, ФЕ можно разделить на субстантивные, глагольные, глагольно-пропозициональные, адъективные, адverbиальные, междометные. Субстантивные (именные) фразеологизмы в предложении выполняют роль подлежащего, дополнения или именной части сказуемого, объединены семантически и грамматически. Они объединяются в один разряд общим наличием у них грамматических категорий рода, числа и падежа и соответствующих форм выражения их связей и отношений со словами. Приведем несколько примеров: *козел отпущения; ни рыба ни мясо* [Шанский 1985].

Глагольные ФЕ объединены общим значением процессуального признака. Они объединены формами выражения их связей и отношений со словами, которые закрепляются за глагольным компонентом. Если рассматривать роль, выполняемую ими в предложении, глагольные фразеологизмы являются сказуемым, у данной группы фразеологизмов можно выделить категории вида, времени, лица и залога: *цепляться к мелочам; ломать голову; заметить следы*.

Н. М. Шанский выделяет отдельную группу глагольно-пропозициональных ФЕ. Они объединены общим значением состояния (динамического или статического), грамматическими категориями вида и времени, обязательными связями со словами. Глагольно-пропозициональные

фразеологизмы выражают по своему значению действие или состояние, но структурно сходны с предложением: *душа уходит в пятки; руки не доходят; песок сыплется; светлая голова; пустой карман; конь еще не валялся; каша в голове* [Шанский 1985].

Адъективный тип оборотов имеет общее значение качественной характеристики лица или не-лица и качественного состояния, грамматические категории рода и числа. В предложении адъективные ФЕ выполняют функции определений: *легкий на подъем; не лыком шит; как огурчик* [Шанский 1985].

Группа адвербиальных ФЕ объединена общим значением качественной характеристики действия или степени качественной характеристики лица или предмета. Адвербиальные фразеологизмы сочетаются с глаголами и прилагательными. Примеры адвербиальных ФЕ представлены фразеологическими единицами: *под рукой; по уши; сломя голову; рука об руку; на каждом шагу; в пух и прах; как баран на новые ворота; на авось; скрепя сердце; во все лопатки; под занавес* [Шанский 1985].

Междометный тип фразеологизмов, как и междометия, используются обычно для выражения разного рода эмоций, чувств, эмоциональных реакций говорящего (восторга, восхищения, досады, огорчения, испуга), синтаксически не связаны со словами и функционируют либо как вводные элементы предложения, либо как эквиваленты предложений: *Еще не вечер!; Собери все мужество в кулак!; Ни пуха, ни пера!; Держи хвост пистолетом!* [Сюткина 2019].

Известная классификация отечественного ученого В. В. Виноградова получила признание и среди многих зарубежных лингвистов как механизм упорядочивания фразеологии различных языков, особенно немецкого [Fleischer 1997; Burger 2007]. Некоторые советские ученые [Зиндер 1977] совершенствовали данную классификацию, что стало важным моментом для немецкой фразеологии. Так, к примеру, М. Д. Городникова рассматривает фразеологические сращения и фразеологические единства как одну группу и

называет их идиомами, а в противопоставление им ставит фразеологические сочетания, называемые ею лексическими единствами [Городникова 1985].

Принятая за основу структурно-семантическая классификация В. В. Виноградова, а также функциональная классификация, появившаяся в советской германистике в 1960-х гг., стали фундаментальными при разработке структурно-семантической классификации И. И. Чернышевой, которая определяет фразеологию как один из разделов лингвистики, посвященный устойчивым словесным комплексам, а также включает в составляющие фразеологического фонда немецкого языка три класса: фразеологические единства, фразеологические выражения, фразеологические сочетания [Чернышева 1970].

Фразеологические единства в немецкой фразеологии представляют наиболее обширную группу. Фразеологическое значение в таких единицах, как правило, создается не посредством изменения значения отдельных компонентов словосочетания, а в результате изменения значения всего комплекса фразеологизма. Индивидуальный смысл же слов компонентов во фразеологическом единстве при этом теряется. Только этой группе фразеологизмов присуще семантическое единство или семантическая целостность.

Однако образная мотивированность фразеологического единства может в последствии перейти к полной демотивации, когда, например, некоторые обычаи народа исчезают: *bei jmdm. in der Kreide stehen* – «быть чьим-либо должником» (букв. «быть у кого-либо в мелу»), который восходит к обычаю, когда хозяин трактира записывал долги мелом на доску. Стоит отметить, что демотивация фразеологического единства, с одной стороны, не влияет на его экспрессивность, а с другой, на его функционально-стилистическую принадлежность. Это связано с тем, что значение подобных фразеологизмов имеет абсолютную экспрессивность, или оно экспрессивно вне зависимости от контекста. Следовательно, звуковой состав демотивированных фразеологических единств будет восприниматься носителем речи как

определенный комплекс слов, имеющий традиционное закрепленное значение, экспрессивную окраску и функционально-стилистическую принадлежность.

Ф. Фляйшер внутри этой группы с лексико-грамматической точки зрения выделяет глагольные, именные и наречные фразеологизмы. Непосредственно, в составе наречных фразеологизмов мы встречаем ФЕ с точно фиксированными структурными особенностями, например, с синтаксической структурой предложной группы (*durch die Bank* – «без исключения»; *um ein Haar* – «на волоске»), кроме того бывают парные сочетания слов (*Feuer und Flamme* – «быть увлеченным»; *alt und jung* – «стар и млад») и компаративные фразеологизмы, другими словами, выражения, имеющие вид традиционного сравнения (*arbeiten wie ein Roboter* – «работать как робот»).

Что касается фразеологических выражений, то это единицы, являющиеся предикативными сочетаниями слов и предложениями. По коммуникативной значимости можно выделить 1) общеупотребительные пословицы: *Es ist nicht alles Gold, was glänzt* – «не все то золото, что блестит»; *der Degen macht die Länder arm, der Pflug stärkt sie* – «пflug кормит, а лук (оружие) портит» (букв. «шпага разоряет страны, а пflug укрепляет их»); 2) поговорки: *Da liegt der Hund begraben* – «вот где собака зарыта»; *ein Degen halt den anderen in der Scheide* – букв. «одна шпага сдерживает другую в ножнах»; 3) устойчивые и воспроизводимые междометия и модальные выражения: *Du lieber Himmel!* – «Бог ты мой!».

Нельзя не отметить, что состав первой и второй групп фразеологических выражений можно дополнить единицами, истоки которых обнаруживаются в античной литературе, мифологии, библии, художественной литературе и публицистике, например: *Auge um Auge* – «око за око»; *Zahn um Zahn (Bibel)* – «зуб за зуб». Именно такие фразеологизмы традиционно принято называть «крылатые слова» и также могут быть выделены в отдельную группу. Что касается структурного и семантического отношения,

однако, они не отличаются от других фразеологических выражений, следовательно, отдельно здесь рассмотрены не будут.

По словам М. Д. Степановой, фразеологические сочетания – это фразеологизмы, появившиеся в результате единичного соединения одного семантически измененного компонента. Семантика подобных ФЕ характеризуется семантической отдельностью компонентов и, кроме того, аналитичностью. Важным моментом является тот факт, что фразеологические сочетания могут носить как терминологический, так и нетерминологический характер: *die goldene Zahl* – «золотое число»; *der schwarze Markt* – «черный рынок»; *die silberne Hochzeit* – «серебряная свадьба».

В системе немецкой фразеологии количество фразеологических сочетаний немногочисленно. Это можно объяснить тем, что единичная сочетаемость компонентов с переносным значением не является типичной для немецкого языка [Степанова 2003; Fleischer 1997].

Таким образом, благодаря классификации И. И. Чернышевой становится возможным распределить ФЕ по характеру их значения, возникающего как результат взаимодействия структуры ФЕ, сочетаемости и семантического изменения компонентного состава.

Особый интерес представляет классификация фразеологизмов В. Фляйшера, поскольку разработанная им морфолого-синтаксическая классификация является одной из фундаментальных классификаций фразеологизмов и подходит для анализа функций фразеологизмов в тексте.

Учитывая принадлежность компонентов к разным частям речи и возможной роли в предложении, по своей лексико-грамматической структуре В. Фляйшер выделяет субстантивные, адъективные, адвербиальные и вербальные классы фразеологизмов. Следует отметить, что пропозициональные, интеръекционные и прономинальные фразеологизмы ученый отдельно не рассматривает [Fleischer 1997].

Субстантивные фразеологизмы в немецком языке выполняют в предложении роль подлежащего, дополнения или именной части сказуемого,

как и в русском языке. Они объединяются в один разряд на основании наличия у них грамматических категорий рода, числа и падежа и соответствующих форм выражения их связей и отношений со словами. Главный компонент субстантивных ФЕ – имя существительное: *der Eiserne Kanzler* («железный канцлер» – характеристика человека с непоколебимыми принципами, с твердым характером) – прозвище первого рейхсканцлера Германской империи (в 1871 – 1890 гг.) Отто фон Бисмарка; *der kleine Mann* – (букв. «маленький человек» – о несправедливости, о беззащитности человека перед обстоятельствами) [Duden 2008].

Как было отмечено выше, В. Фляйшер не рассматривает пропозициональные ФЕ отдельно, а включает их в группу глагольных. В. Фляйшер говорит о том, что эта группа является самой продуктивной и многочисленной. Главный компонент пропозициональных ФЕ – глагол, деепричастие. Они объединены общим значением действия, а в предложении выполняют роль сказуемого: *(an den) Hungerpfoten saugen* – «голодать, жить впроголодь»; *abgebrannt sein* – «разориться вконец» (букв. «погореть» ср. русск. «погореть на каком-л. деле»; *an den Bettelstab kommen* – «обеднеть, впасть в нищету» [Duden 2008].

Адъективные фразеологизмы имеют значение качественной характеристики и выступают в предложении в функции определения илименной части сказуемого. Фразеологизмы обозначают качественную характеристику лица или качественную характеристику предмета *blank (und bloß) sein* – «гроша за душой не иметь»; *gut dastehen* – «быть хорошо обеспеченным».

Как и наречия, адвербиальные фразеологизмы характеризуют качество действия и выполняют в предложении роль обстоятельств: *bis in die Puppen* – «очень долго»; *gut im Zeuge stehen* – «жить в достатке»; *ihm ist so wohl wie dem Vogel im Hanfsamen* – «он как сыр в масле катается»; *im Gedränge sein* – «быть в стесненном материальном положении» [Duden 2008].

Однако данная классификация фразеологизмов не является окончательной. Так, вслед за Н. М. Шанским, И. Г. Ольшанский выделяет еще одну дополнительную группу междометных ФЕ [Ольшанский 2005]. Эта группа фразеологизмов служит для выражения различных чувств, эмоций, волевых побуждений, выступая как отдельные нерасчлененные предложения: *Hals- und Beinbruch!* – «ни пуха, ни пера!»; *Kopf hoch!* – «выше нос!»; *Nur Mut!* – «не робей!»; *Halte die Ohren steif!* – «не вешай нос!»; *Ausgerechnet Bananen!* – «выражение разочарования» [Duden 2008].

Наиболее удачно морфолого-синтаксическая классификация фразеологизмов В. Фляйшера применима к анализу функций фразеологизмов в предложении. Например, фразеологизмы могут использоваться в качестве одного из однородных членов предложения и за счёт такого употребления в предложении создавать связность в тексте.

Х. Бургер предлагает более подробную классификацию ФЕ немецкого языка, рассматривая многие классы фразеологизмов, которые не описаны или недостаточно полно описаны В. Фляйшером и другими исследователями немецкой фразеологии. Опираясь на критерий функции знака, Х. Бургер различает референциальные ФЕ (соотнесены с объектами, ситуациями) – *jmdn. übers Ohr hauen* – «надуть, обмануть кого-л.»; *Schwarzes Brett* – «доска (для объявлений)»; структурные (осуществляющие грамматические связи) – *in Bezug auf* – «в отношении»; *sowohl... als auch* – «как..., так и...»; коммуникативные фразеологизмы или рутинные формулы (установка, определение, выполнение и завершение коммуникативных действий): *Guten Tag!* – «Добрый день!»; *Ich denke, ...* – «Я думаю (считаю)...». Референциальные ФЕ Х. Бургер подразделяет на номинативные и пропозициональные.

Так, номинативные фразеологизмы Х. Бургер соотносит с предложением («satzgliedwertig») и подразделяет на коллокации – *sich die Zähne putzen* – «чистить зубы», частичные идиомы – *dumm wie Bohnenstroh* –

«набитый дурак» и, собственно, идиомы – *ins Gras beißen* – «сыграть в ящик, умереть».

Подкласс пропозициональных ФЕ представлен устойчивыми фразами – *jmds. Thron wackelt* – «престол / трон (опасно) качается» и формулами-топиками (пословицы и банальности) – *Hunger ist der beste Koch* – «Голод не тетка»; *Man lebt ja nur einmal* – «один раз живем» [Burger 2010: 38 – 42].

При этом, автор систематизирует особые классы, рассматривая 1) образования по модели (Modellbildungen): *Geld hin Geld her* – «деньги деньгами»; *Krise hin Krise her* – «кризис кризисом»; 2) парные сочетания (Zwillingsformeln): *kurz und bündig* – «коротко и ясно»; компаративные ФЕ («Komparative Phraseologismen»): *frieren wie ein Schneider* – «мерзнуть как цуцик, сильно зябнуть»; 3) крылатые слова («Geflügelte Worte»): *der Mensch lebt nicht vom Brot allein* – «не хлебом единым жив человек»; 4) авторские ФЕ; 5) кинеграммы («Kinegramme»): *die Achseln zucken* – «пожимать плечами»; *die Nase rümpfen* – «морщить нос», перен. «воротить нос, выказать свое пренебрежение чем-л.»; 6) фразеологизмы-онимы («Onymische Phraseologismen»): *der Ferne Osten* – «Дальний Восток»; 7) клише (Klischees): *mit freundlichen Grüßen* – «с наилучшими пожеланиями» и 8) фразеологические термины (Phraseologische Termini): *Künstliche Intelligenz* – «искусственный интеллект» [Burger 2010: 44 – 52].

1.1.4 Классификации модификаций фразеологизмов

ФЕ подвержены своего рода модификациям, которые возможны из-за сохранения у фразеологизмов внутренней формы и относительной устойчивости [Губарев 1991]. Во фразеологии принято выделять три основные группы модифицированных фразеологизмов: 1) преобразования, которые изменяют содержательную сторону фразеологизмов, но не нарушающие их структуру; 2) преобразования, изменяющие структуру фразеологизмов и вносящие некоторые изменения в их содержание; 3) сложные преобразования,

которые комбинируют в себе два или несколько приемов окказиональных преобразований [Fleischer 1997].

Фразеологизмы с измененной семантикой, в которых вследствие структурного изменения происходит изменение содержания, можно объединить общим термином «модифицированные ФЕ» («трансформированные ФЕ»), понимая под ними ФЕ с любым отклонением в структуре или семантике от нормы, зафиксированной словарями [Мелерович 2005; Саютина 2012]. Третью группу, в свою очередь, составляют такие структурно-семантические способы преобразования ФЕ, для которых введен термин «окказионализм» – индивидуально-авторское новообразование, для которого характерно достаточно сильное нарушение деривационной модели, в результате чего образуется новая единица, не тождественная первой [Мелерович 2005].

Фразеологизмы, как в устной, так и в письменной речи, могут употребляться по-разному. Следует различать узусальное и окказиональное употребление фразеологизмов. Так, узусальное употребление фразеологизма – это употребление без какого-либо отклонения от привычного его использования. Именно в такой форме фразеологизмы представлены в словарях. В ряде работ можно встретить термин «узус», который означает в лингвистике общепринятое употребление языковой единицы (слова, фразеологизма и т. д.) в отличие от его окказионального (временного или индивидуально-авторского) употребления. Окказиональное употребление означает, что фразеологизм не соответствует общепринятому употреблению, носит индивидуальный характер, обусловленный специфическим контекстом. Окказиональное значение – это значение, приобретаемое словом в контексте конкретного речевого употребления и представляющее собой отступление от обычного и общепринятого [Ахманова 2010].

С. Н. Денисенко отмечает, что в процессе постоянного традиционного употребления фразеологизмы теряют значительную долю первоначальной экспрессивности, что приводит к их «обесцвечиванию» [Денисенко 1972].

Отсюда автор делает вывод, что такие фразеологизмы становятся штампами и легко подвергаются изменениям. Лингвисты, исследующие как стандартные, так и индивидуально-авторские преобразования ФЕ, дают различные классификации этих преобразований. Однако традиционно принято выделять три уровня преобразований: семантический; структурный; структурно-семантический [Ельцова 2008].

Данные преобразования основываются на изменениях в семантике и в форме. Семантические изменения заключаются в замене одного значения другим; расширении значения фразеологизма; подчеркивании какого-либо оттенка значения; возможности сочетаний, несовместимых по валентности слов. Изменения в форме выражаются в виде замены компонентов фразеологизма их лексическими вариантами; возобновлении внутренней формы ФЕ; преобразовании, затрагивающем формальные варианты компонентов ФЕ; усечении формы ФЕ по типу речевых эллипсов [Мелерович 2005].

Во многих лингвистических источниках можно увидеть разное количество приемов модификаций фразеологизмов. В терминологии также присутствует полная свобода наименований, поэтому один и тот же прием может иметь разные названия. Н. М. Шанский выделяет такие приемы «индивидуально-художественной обработки и употребления общенародного фразеологического фонда», как 1) наполнение фразеологического оборота новым смысловым содержанием или переосмысление фразеологизма; 2) употребление фразеологического оборота одновременно как фразеологического, так и свободного сочетания слов; 3) контаминация двух фразеологизмов [Шанский 1963].

По мнению И. Б. Голуб, трансформации фразеологизмов происходят за счет разрушения образного значения фразеологизма, преобразования состава фразеологизма [Голуб 2005]. Под разрушением образного значения здесь понимается стилистический прием переосмысления фразеологизмов, т. е.

буквализация фразеологического значения или двойная актуализация, восприятие фразеологизма в его необразном значении.

Необходимо отметить, однако, что некоторые лингвисты различают буквализацию и двойную актуализацию как два разных приема трансформации фразеологизмов для создания новой образности путем семантического преобразования [Трибунская 2011]. Такое разделение Н. В. Трибунская аргументирует тем, что при буквализации на первый план выходит исходное, прямое значение свободного словосочетания – обратная основа ФЕ. В этом случае исходное значение будет противопоставлено фразеологическому. Более сложным стилистическим приемом является двойная актуализация, когда происходит одновременное использование ФЕ в двух значениях – прямом и переносном. Нередко это приводит к фразеологическому каламбуру [Богатырева 2005].

Не стоит забывать, что фразеологизмы имеют структуру словосочетания, компоненты которого сохраняют характеристики отдельного слова, поэтому благодаря относительной устойчивости фразеологизмов, структура их допускает вариации узуального и окказионального характера, на основе которого можно восстановить фразеологическую основу.

В современном немецком языке можно встретить следующую классификацию модификаций фразеологизмов, предложенную В. Фляйшером. Лингвист рассматривает три типа трансформаций ФЕ, а именно: морфологические и частично синтаксические изменения компонентного состава. Эти изменения затрагивают 1) число (*seine Hand/ seine Hände im Spiel haben*) – «быть одним из участников» 2) падеж (*mit den Achseln/ die Achseln zücken*) – «пожимать плечами»; 3) использование артикля (*etw. mit [den] Händen greifen können*) «это очевидно»; 4) уменьшительно-ласкательные формы (*jmdm. kein Haar/Härchen krummen*) «пальцем не тронуть»; 5) тип отрицания (*jmdm. keinen / nicht den Bissen Brot gönnen*) «отказывать кому-л. в куске хлеба»; 6) звуковую структуру (*etw. ist gehüpft/gehüpft wie gesprungen*) «что в лоб, что по лбу»; 7) факультативный характер расширяющих

компонентный состав фразеологизма слов (*sich [seitwärts] in die Busche schlagen*). Данные модификации также называются структурными, они не затрагивают внутреннюю организацию ФЕ. Другим типом модификаций лингвист Ф. Фляйшер называет обмен компонентов фразеологизма или фразеологические вариации, например, *böhmische / arabische / spanische Dörfer*, что не выходит за рамки узувального употребления фразеологизма.

Однако замена может также быть окказиональной и повышать экспрессивность высказывания как следствие контраста между структурной схемой и неожиданным окказиональным употреблением. Замены могут производиться на уровне существительных, прилагательных, глаголов, наречий. В этом случае возникают трансформированные или модифицированные фразеологизмы: *mit dem Dach ins Haus fallen* (образовано от: *mit der Tür ins Haus fallen = ein Anliegen unvermittelt vorbringen*) – «ввалиться в дом через дверь»; *was die Wimper hält* (образовано от: *was das Zeug hält = kräftig*) – «что есть духу». Третий вид модификаций представлен расширением или сокращением компонентного состава. В. Фляйшер выделяет подвиды расширения компонентного состава благодаря 1) присоединению определения к именному компоненту; 2) присоединению обстоятельства, относящемуся к глаголу или ко всему фразеологизму; 3) включению в состав фразеологизма глагола; 4) включению в состав парных слов третьего элемента; 5) композиции с именным элементом фразеологизма; 6) контаминации или пересечению нескольких фразеологизмов [Fleischer 1997].

Сокращение компонентного состава, как указывает В. Фляйшер, ведет к процессу «автономизации» – независимости, или самостоятельности, оставшихся компонентов. В случае если группа компонентов станет самостоятельной группой слов, такое образование называют фразеологической деривацией, за счет которой возникает новая ФЕ.

Необходимо также отметить классификацию Д. О. Добровольского, у которого помимо морфологических модификаций также можно встретить такие, которые автор называет тексто-семантическими. К ним автор относит

ссылки, замечания в контексте, нарушение семантического условия отбора, нарушение тексто-лингвистических условий, двойную актуализацию [Dobrovolskij 1997].

Выше были рассмотрены некоторые классификации способов трансформации ФЕ. В настоящее время нельзя встретить единой классификации, но в ходе исследования фразеологии русского и немецкого языков было выявлено достаточно много общего и национально-характерного. Так, Н. В. Саютина отмечает, что в большей степени общие закономерности в процессе модификаций ФЕ проявляются в русских и немецких публицистических текстах. Это касается как одинаковых способов модификаций фразеологизмов, так и их сходных функций, реализуемых в тексте. В данном диссертационном исследовании предпринята попытка разработать новую классификацию трансформаций ФЕ, причем в основе предложенной классификации лежит классификация трансформаций ФЕ, предложенная А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко. Так, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко в «Фразеологизмы в русской речи» выделяют семантические трансформации, структурно-семантические трансформации и окказионализмы [Мелерович 1997].

Н. В. Саютина также выделяет эти три типа модификаций. Семантические преобразования, по классификации Н. В. Саютиной, реализуются благодаря приобретению фразеологизмом дополнительного семантического оттенка, переосмыслению ФЕ, изменению коннотативного содержания и семантическим преобразованиям, базирующимся на образности фразеологизма, двойная актуализация, буквализация значения ФЕ, народноэтимологическое переосмысление внутренней формы ФЕ [Саютина 2012]. Среди структурно-семантических трансформаций автор исследования выделяет 1) изменение компонентного состава фразеологизма за счет расширения компонентного состава; 2) замену компонента фразеологизма словом или словосочетанием; 3) сокращение компонентного состава (эллипсис).

В качестве структурно-семантической трансформации Саютина Н. В. выделяет также изменение в расположении компонентов, внутри которого встречаются 1) дистантное расположение компонентов, связанное с их смысловым выделением, обособлением и 2) синтаксическая инверсия как средство усиления экспрессивности, смыслового выделения компонентов, которое, однако, редко встречается в немецком языке из-за фиксированного порядка слов в немецком синтаксисе. Кроме того, Н. В. Саютина к структурно-семантическим трансформациям относит и образные сравнительные обороты, в которых образ сравнения возникает на базе образной основы фразеологизма: *тоlochь комплименты как воду в ступке; ответ положить как на блюде* [Саютина 2012].

Автор исследования также выделяет сложную структурно-семантическую модификацию – контаминацию ФЕ, а именно объединение двух или более фразеологизмов в одну окказиональную ФЕ: *Они сто раз судились, плевали на расстрел. Сухими выходили из самых мокрых дел* (А. Вознесенский, «Последняя электричка»).

Третьим типом модификаций структурно-семантического характера по классификации Н. В. Саютиной являются синтаксические и морфологические преобразования ФЕ. Под морфологическими преобразованиями ФЕ понимаются нормативные видоизменения грамматической формы компонентов ФЕ в пределах морфологической парадигмы (ср.: *сдавать в архив – сдающий в архив* и т. д.). Помимо этого, автор классификации выделяет такой тип модификаций, как переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот: *Умом Россию не понять, /Аршином общим не измерить* (Ф. Тютчев, «Умом Россию не понять»).

Принимая во внимание данную классификацию, важно отметить, что в ряде случаев в одном употреблении фразеологизма можно встретить несколько типов трансформаций одновременно [Семушина 2011]. В этом случае следует обратить внимание на такое явление, как конвергенция стилистических приемов. Под стилистической конвергенцией принято

понимать «сложный стилистический прием, который основан на взаимодействии стилистических средств одного или разных уровней языка в результате выполнения ими единой стилистической функции» [Приходько 2008: 122].

В нашей работе для обозначения фразеологизмов с измененной семантикой и/или структурой мы используем термин «модифицированные» фразеологизмы, понимая под этим термином фразеологизмы с любым отклонением в семантике или структуре от нормы, зафиксированной словарями. Так, окказиональное употребление фразеологизмов, обладающих свободой варьирования компонентов и их составляющих, является стилистическим приемом, позволяющим придать фразеологизму новизну и яркость, большую выразительность в речи. Однако, как нами было замечено выше, следует различать такие понятия, как «окказионализм» и «окказиональное употребление». Для окказионализма характерно образование новой ФЕ, не тождественной ее узואльному варианту вследствие достаточно сильного нарушения деривационной модели. Окказиональное употребление, в свою очередь, достигается благодаря семантическим, структурным или структурно-семантическим трансформациям при использовании фразеологизма в речи.

1.1.5 Стилистические функции фразеологизмов

Проблема функций языкового знака – одна из наиболее насущных проблем языкознания на всей протяженности его развития. [Fedulenkova 2013]. Обращаясь к дефиниции понятия «функция», можно говорить о роли языковой единицы в деятельности той структуры, в которую данная единица помещена [Fedulenkova 1999]. Вопрос о функциях ФЕ считается одним из наиболее дискуссионных вопросов современной фразеологии [Алефиренко 2008; Кунин 1996; Федуленкова 1997; Fedulenkova 2002; Иванова 2011; Шанский 2012; Ковшова 2013]. Анализ научной литературы по данному

вопросу показывает, что единого мнения о роли фразеологизмов в языке и речи не существует [Дубровина 1995; Федуленкова 1998; Ануфриева 2005; Коваленко 2009].

Выделение языковых и речевых функций фразеологизмов определяют подходы к типологии функций фразеологизмов. Как отмечает Ю. А. Гвоздарев, следует различать общеязыковые функции ФЕ и речевые функции ФЕ. Понимая под функцией цель и характер ее использования в речи, внутри общеязыковых функций Ю. А. Гвоздарев выделяет номинативную функцию, дифференцирующую функцию и синтаксическую функцию. К речевым функциям Ю. А. Гвоздарев относит обогащающую, оценочно-характеризующую, экспрессивно-образную и стилеобразующую [Гвоздарев 1989].

Дискуссионным представляется и вопрос о том, какие из этих функций являются более значимыми. Например, А. В. Кунин основной функцией фразеологизмов считает нейтрально-назывную функцию [Кунин 1996], К. Н. Дубровина к числу важнейших и частотных для фразеологизмов функций относит экспрессивно-оценочную, но не номинативную [Дубровина 1995].

В стилистических функций языковеды включают разные частные функции фразеологизмов. Так, А. В. Кунин к стилистическим функциям относит экспрессивно-образную функцию, эмоционально-экспрессивную функцию, функцию лаконизации речи, функцию семантической компрессии, функцию гиперболизации и интенсивности [Кунин 1996].

Рассматриваемая теория относительно стилистических функций фразеологизмов И. В. Арнольд интересна тем, что в ней называются и описываются следующие особенности стилистической функции: 1) аккумуляция – один и тот же мотив, одно и то же настроение или чувство передаются, если они имеют большое значение для целого, параллельно несколькими средствами; 2) способность проходить и в текстовой импликации, и в подтексте, поскольку существует опора на коннотации,

ассоциации и импликации языковых знаков; 3) способность к иррадиации, т. е. один стилистический компонент может окрасить всё высказывание в целом [Арнольд 1990]. В свою очередь, И. В. Арнольд подчеркивает, что единой классификации стилистических функций в лингвистической литературе пока не существует.

При этом подчеркивается, что стилистическая функция фразеологизмов имеет контекстную природу: наиболее ярко свою стилистическую функцию фразеологизмы проявляют в речи. Участвующие в ней стилистические средства помогают читателю правильно расставить акценты и выделить главное, т. е. служат защитой сообщения от искажений.

1.2 Лингвокультурные особенности изучения фразеологизмов

1.2.1 Культурологический аспект изучения языка

Культурологический и лингвострановедческий аспект немецкой и русской фразеологии можно рассматривать сквозь призму лингвокультурологии. Лингвокультурология в современной науке бесспорно занимает одно из ведущих мест в активно развивающейся системе дисциплин. Это молодое направление в науке оформилось в 1990-е гг. XX века как стремление соединить культурологию и лингвистику. Появление лингвокультурологии было обусловлено интересом к взаимодействию культуры и языка. Сам термин «лингвокультурология» мы встречаем в работах В. фон Гумбольдта [1859], В. Н. Телии [1996], В. Т. Клокова [2000], Н. Д. Арутюновой [1999], В. И. Карасика [2013], Н. Ф. Алефиренко [2009], И. Г. Ольшанского [2005], М. Л. Ковшовой [2016], E. Donalies [2009], Н. Burger [2015], D. Dobrovol'skij [1997], Н.-Н. Lüger [1999] и многих других исследователей.

Поиск механизмов взаимодействия культуры и языка остается одной из самых главных исследовательских проблем. Важную роль при этом играет исследование языка в качестве средства отображения этнической культуры.

Стремление понять феномен культуры как специфическую форму существования человека в окружающем его мире дало, без сомнения, толчок к развитию такого направления в науке как лингвокультурология. Язык сквозь призму лингвокультурологии выступает как средство интерпретации человеческой культуры и, что не менее важно, ментальности народа.

Бесспорно, что лингвокультурология в современной науке занимает одну из ведущих ролей в активно развивающейся системе дисциплин, возникшая как ответ на то кризисное состояние классической лингвистики, которое наблюдали. Крайне сложно сказать, кто первый предложил идею связать такие феномены как язык и культура. Можно предположить, что взаимосвязь между культурой и языком первыми определили древние греки [Donalies 2009; Burger 2015].

Принято считать, что истоки лингвистического и культурологического подходов по отношению к языку напрямую связаны с переходом к междисциплинарной парадигме понимания становления общества. Здесь стоит отметить подход к языку Вильгельма фон Гумбольдта – основателя не только лингвокультурологии, но и общей лингвистики и философии языка.

В. фон Гумбольдту удалось дать теоретическое обоснование ведущих идей лингвокультурологии и тем самым обеспечить равновесие между языком, культурой и мышлением. Его взгляд на язык отвечает относительно широкому контексту связанной с ним проблематики в той же степени, что и философия, культурология, с одной стороны, и лингвистика – с другой. В частности, то, как исследователь рассматривает самые разнообразные аспекты языка и связанной с ним проблематики, глубина и сила их рассуждений убеждают нас, что В. фон Гумбольдт постепенно разрабатывает метод, с помощью которого можно стать ближе к изначальному единству языка, культуры, мышления [Гумбольдт 1984]. Так В. фон Гумбольдт заложил основу лингвистического и культурологического подходов к лингвистике.

Методологическую и теоретическую базу лингвокультурологического подхода В. фон Гумбольдта составляет антропоцентризм XIX века. Важным

аспектом при изучении языка становится неразрывная связь с культурой, мышлением и сознанием человека. Анализ языка в исследованиях В. фон Гумбольдта показывает, что «язык разделяет природу целого органического, где одно проявляется через другое, общее в частном и целое имеет пронизывающую силу» [Гумбольдт 1984: 81]. Таким образом, основополагающим звеном в его концепции становится тождественность «духа народа» и его языка.

В 1920-х гг. XX века в Германии и США появляется неогумбольдтианское направление современного языкознания. Согласно неогумбольдтианской концепции, язык определяет мышление человека и процесс познания, поэтому люди, разговаривающие на разных языках, создают различные картины мира.

Подводя итог, можно утверждать, что учение В. фон Гумбольдта определило лингвокультурологический подход к языку и теоретизировать связь развития национального языка с развитием национальной культуры [Nübling 2013; Патрушев 2003].

К концу XX века появилось большое количество аргументов в пользу системного изучения проблемы «язык – культура». Е. С. Кубрякова отмечает, что «междисциплинарный характер лингвокультурологии делает проблематичным установление однозначного статуса последней» [Кубрякова 1995: 225]. Необходимость возникновения этой дисциплины очевидна, что подтверждается наличием широкого спектра исследований в данной области.

Наиболее детально определяет статус лингвокультурологии как научной дисциплины В. В. Воробьев, по словам которого «главным объектом здесь становятся взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования» [Воробьев 1997: 14].

С точки зрения науки, страноведение и этнолингвистику как две теоретические и описательные дисциплины, исследующие объекты в функционирующей системе культурных ценностей, нередко противопоставляют лингвокультурологии. Важно упомянуть, что культура в

этом случае понимается в широком этнографическом смысле в качестве системы идей, традиций, образа жизни, менталитета, национального характера [Воробьев 1997].

Современные исследователи рассматривают «язык-культура-этнос» как своеобразную цепь взаимодействий. Например, Г. Нецименко рассматривает культуру как «духовное освоение действительности» [Нецименко 2000: 37]. Язык здесь рассматривается как «одно из важнейших средств объективации культуры, он принимает активное участие во всех этапах освоения реальности: в производстве и хранении духовных ценностей, в их распространении и восприятии» [Нецименко 2000: 37].

Итак, подводя итоги вышесказанному, видится возможным выделить четыре подхода к определению места лингвокультурологии в современной лингвистике: 1) лингвокультурология как часть исследований общей теории культуры (Б. Малиновский); 2) лингвокультурология как часть социолингвистических исследований (А. Д. Швейцер); 3) лингвокультурология как часть исследований на стыке психологии, культурологии, философии, лингвистики (Ф. И. Тарасов); 4) лингвокультурология как часть исследований на границе двух наук – культуры и лингвистики (В. Воробьев).

1.2.2 ФЕ в свете лингвокультурологии

Ранее нами было отмечено, что лингвокультурологическое исследование предполагает поиск культурной информации, значимой для социума. Одним из универсальных, основных кодов становится естественный язык, посредством которого происходит выражение, сохранение и трансляция культурных смыслов. Сама же культурная информация закреплена в устойчивых языковых формах, к которым, в действительности, принадлежат фразеологизмы [Dobrovol'skij 1997]. Так, можно утверждать, что «важнейшим объектом лингвокультурологии являются такие вербальные знаки культуры,

как фразеологизмы» [Ковшова 2009: 6]. Без сомнения, фразеологизм – это та единица, где находят отражение языковой, исторический, культурный, мифологический контексты. В своей диссертации М. Л. Ковшова обозначает фразеологизм как культуруносный знак, который насыщен культурными смыслами, «он совершает своеобразный цикл, начиная от возникновения на стыке языка и культуры и заканчивая актуализацией культурных смыслов. Это движение осуществляется благодаря культурной интерпретации фразеологизма, его референции к предметной области культуры. В изучении этого процесса и описании содержания, вытекающего из него, сущность лингвокультурного метода усматривается во фразеологии» [Ковшова 2009: 17]. Именно поэтому в самой структуре фразеологизма можно обнаружить как лингвистические (к примеру, грамматическое содержание, лексическая наполняемость), так и экстралингвистические параметры, хранящие, в сущности, символичные значения или образные ассоциации, возникновение которых мы можем наблюдать при прочтении фразеологизма. ФЕ можно назвать душой любого национального языка, в которых, по сути, неповторимым образом выражается дух и своеобразие нации.

По словам Ф. И. Буслаева, фразеологизмы – это своеобразные модели микромиров, содержавшие внутри «как нравственный закон, так и здравый смысл, выраженный в кратком изречении, завещанном предками в руководство потомков» [Буслаев 1854: 37]. ФЕ всегда ориентированы на сам субъект, и их возникновение связано с необходимостью интерпретировать, оценивать и выражать к субъекту субъективное отношение.

Как отмечает в своих работах по фразеологии В. Н. Телия, фразеологический фонд – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1966: 82]. Фразеологизм отражает особое видение мира или ситуаций, например, информацию о жизни и т. д. Передача культурно-национальной окраски заключается уже во внутренней форме большинства ФЕ. В частности, культурные сведения происходят из внутренней формы фразеологизма, где

можно найти «следы» культуры, отражающие не только исторические события, но и составляющие материальной культуры. В формулировке ФЕ, иными словами, в выборе образов, можно отследить связь ФЕ с национальными и культурными стереотипами. Затем информация воссоздается «в коннотациях, представляющих собой зеркальное отражение отношения образной и ассоциативной основы к культуре» [Телия 1966: 84]. Как правило, язык вбирает в себя и фразеологизирует те пласты информации, которые ассоциируются с культурно-национальными стереотипами или эталонами. Кроме того, процессу фразеологизации может быть подвергнута информация исторического характера, традиции, быт и т. д. В действительности, прослеживается тесная связь между проблемой осознания человеком мира и отражением этого сознания в языке и пониманием национально-культурной специфики ФЕ. Другими словами, фразеологизмы – это «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий менталитет и его культуру от поколения в поколение [Телия 1966: 88].

Лингвистический и культурологический подход к фразеологии впервые был обозначен в работах В. Н. Телии и ее школы, среди которых, например, были М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков, Е. В. Захаренко. Неслучайно фразеологический фонд языка становится важнейшим объектом исследования лингвокультурологии. При семантическом анализе ФЕ обнаруживался их «культурный след». Важно, что сам анализ всегда проводился с этимологическим и страноведческим комментарием.

Из вышесказанного следует, что ФЕ – «это такие особые словесные знаки, которые несли в себе культурную память, а сама фразеология непосредственно связывает культуру прошлого и настоящего, иными словами-дух народа» [Ковшова 2016: 8]. Здесь мы переходим от изучения национальных и культурных специфичных черт фразеологизмов к лингвокультурной цели исследования, к изучению механизмов, составляющих смысловую составляющую фразеологии и включении культурной информации в ФЕ и, кроме того, процесса обратного ее извлечения из

фразеологизмов в язык. Важно сказать, что развитие лингвокультурного метода во фразеологии происходит в тесной связи с методами других направлений в лингвистике, связанных с проблемой взаимодействия языка, культуры и сознания.

Важно упомянуть о таком понятии как «национальные фраземы» [Donalies 2009: 40]. Исследователи отличают их от интерфразем, интерфразеологизмов («в таких фразеологизмах культурно-специфические различия находят соответствия в других языках, что связано с внешне-языковыми факторами и общностью культурного наследия и с схожими условиями жизни, географическое положение, климат и прочие особенности. Названные факторы и определяют похожие ассоциации и их отражение в языке» [Braun: 1990]) или от заимствований одних фразеологизмов в другие языки и наоборот. При сравнительном анализе языков все чаще исследователи встречают такие фраземы, которые свойственны только одному языку и культуре. Д. О. Добровольский писал: «Каждый язык имеет в каждом временном отрезке своего исторического развития устойчивые и присущие только своей культуре словосочетания, которые употребляются в этой языковой общности в повседневном общении» [Dobrovol'skij 1997]. Национальные фраземы характерны только для языка одной культуры, например, в немецком языке существует *blauer Brief* «уведомление об отставке». Происхождение данного фразеологизма относят к XIX веку, к синим конвертам прусской канцелярии, которые использовали офицеры, чтобы попрощаться [Balzer 2004]. Такие национальные особенности во фразеологическом фонде языков усложняют межкультурную коммуникацию и часто становятся проблемой при работе переводчиков [Donalies 2009].

Как пишет Х.-Х. Люгер [Lüger 1999], фразеологизмы рассматриваются с точки зрения языка, но не менее значимую роль они несут в качестве социальных и культурных маркеров, поскольку они появлялись как ответная реакция на общественный опыт, передавая в сжатой форме ценности и толкования системы языкового сообщества.

Понятие «национальной культуры» может включать в себя максимально возможное число языковых явлений. Такое понимание национальной культуры, в которой язык был тождественен духу, было заложено в работах В. фон Гумбольдта, и эта идея получила развитие позже в неогумбольдтианской традиции. По словам Д. О. Добровольского: «Духовное освоение мира происходит под воздействием родного языка, так как мы можем воспринимать мир с помощью концептуального аппарата, который нам подготовил язык» [Dobrovol'skij 1997: 44].

В отечественной лингвистике в исследовании фразеологии В. Н. Телия также придерживается сходной позиции. В. Н. Телия пишет о национально-культурная специфика идиом, которая заключается в возможности интерпретации их значения культурными категориями. Многие идиомы содержат в себе образную мотивированность благодаря составляющим их компонентам, которая неразрывно связана с окружающей действительностью языковой общности, что говорит об их культурной коннотации [Телия 1996: 214; Sabban 1999]. Подчеркивается, что большая часть фразеологии конкретного языка возникает на национальной основе, поэтому менталитет народа становится особенно заметным в фразеологизмах, отражающих события военной истории страны [Мальцев 1991; Ахметсагирова 2010; Телия 1996; Lüger 1999; Donalies 2009].

С точки зрения немецкого и русского языков фразеологизмы военного происхождения были рассмотрены в кандидатской диссертации Л. И. Ахметсагировой [Ахметсагирова 2010]. Автор диссертации предпринял первую попытку изучения языковых картин мира немецкой и русской лингвокультур, что позволило выявить национально-культурную специфику фразеологизмов и раскрыть особенности мировидения и понимания мира немцами и русскими. Однако стоит отметить, что раскрыть весь потенциал и роль фразеологизмов в немецком и русском языках возможно только при прагматическом рассмотрении. Коммуникативно-ориентированный подход в исследовании Л. И. Ахметсагировой предпринят не был и анализ

фразеологизмов был посвящен только рассмотрению языковых картин мира с точки зрения лингвокультурологии. В связи с этим можно говорить о необходимости изучения фразеологизмов с милитарным компонентом в контексте. Дальнейшее исследование в рамках нашей работы будет посвящено рассмотрению контекстуальных особенностей этих фразеологизмов. Прежде чем перейти к рассмотрению контекста, внутриконтекстных актуализаторов ФЕ и контекстуальных особенностей фразеологизмов с милитарным компонентом, разберем, какие фразеологизмы будут подвергнуты прагматическому анализу.

1.2.3 Национально-культурный компонент семантики фразеологизмов

Рассмотрение понятия культурной или национально-культурной специфики в исследованиях по фразеологии имеет давнюю традицию. Все чаще в работах, посвященных данному вопросу, приводится утверждение, что фразеологизмы являются национально-специфическими особенностями языка, в которых запечатлен культурный потенциал языковой общности. А. М. Бабкин отмечает, что «идиоматика – святая святых национального языка. Именно в ней проявляются дух и своеобразие каждой нации» [Бабкин 1979: 7].

Согласно В. Н. Телии, связь языка и культуры реализуется через культурную коннотацию, посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Исследуя понятие культурной специфики и национально-культурного компонента, В. Н. Телия выделяет два типа культурно-маркированных единиц в языке. К первой группе исследователь относит единицы, в которых информация, значимая с позиции культуры, находит воплощение в денотативном аспекте значения. Ко второй группе относятся языковые единицы, в которых культурно значимая информация выражается с позиции коннотации и происходит на основе

рефлексивного – бессознательного или осознанного – соотнесения их значения в конкретной речевой ситуации с известными говорящему культурными установками [Телия 1996]. В. Н. Телия характеризует систему образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, как «нишу» для кумуляции мировидения, которая связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях [Там же]. Национально-культурное своеобразие фразеологизмов является неотъемлемым компонентом их значения. Появление фразеологизмов в языке основано на образном представлении действительности, отражающей исторический опыт народа и процесс его духовного становления.

А. В. Кунин о фразеологизмах пишет, что они часто выступают в качестве наименования познанных человеком явлений, порой новых сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций, вследствие чего ФЕ заполняют лакуны в лексической системе языка. История народа, своеобразие его культуры и быта находят непосредственное отражение во фразеологическом фонде [Кунин 1996]. Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание, а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном пространстве данного языкового общества. Такого рода интерпретация и составляет содержание культурно-национальной специфики [Телия 1996].

Е. Ф. Арсентьева при сопоставительном анализе русского и английского языков рассматривает три уровня выявления культурно-национальной маркированности ФЕ. Так, национально-культурная специфика фразеологизмов может проявляться 1) в совокупном фразеологическом значении, что подразумевает безэквивалентные или лакунарные ФЕ; 2) в значении отдельных лексических компонентов (ФЕ, имеющие в своем составе обозначение национально-культурной реалии); 3) в прямом значении

свободного сочетания, которое было образно переосмыслено (т. е. в прототипах ФЕ) [Арсентьева 2006]. Кроме того, Е. Ф. Арсентьева подчеркивает, что не следует преувеличивать роль национально-культурного компонента во фразеологической картине мира, поскольку в фразеосоставах русского и английского языков существует значительное количество интернационализмов, а также «фразеологизмов, связанных с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира» [Арсентьева 2006: 67].

Рассматривая лингвострановедческий, контрастивный, лингвокультурологический и когнитивный подходы к раскрытию национально-культурного содержания ФЕ, Е. Е. Чикина подчеркивает цельность всех четырех подходов при анализе фразеологизмов: 1) выявление безэквивалентных экстралингвистических факторов, отраженных во фразеологизмах; 2) выявление структурно-семантических особенностей межъязыковых фразеологических аналогов; 3) выявление национально-культурных коннотаций ключевых слов и концептов культуры, заключенных во фразеологизмах; 4) выявление особенностей национального членения языковой картины мира и особенностей функционирования национального менталитета как лингвокреативного мышления [Чикина 2004].

Национальная специфика фразеологизма может отражать историю народа, своеобразные традиции, обычаи, явления, изначально заложенные в его прототипе. Рассмотрим примеры фразеологизмов, в которых национально-культурная специфика обусловлена внутренней формой. Так, исконно русский фразеологизм *потемкинская деревня* – «показное, мнимое благополучие, показной блеск» связан с именем князя Г. А. Потемкина, который приказал построить на пути следования Екатерины II, совершающей поездку по Крыму, бутафорские, показательные селения с расписными избами, в результате чего они получили название «потемкинских» [Телия 1996].

Характерным является то, что многие ученые указывают на очень тесную связь событий военной истории и отражением их в языке. Так,

например, И. А. Солодилова и В. Е. Вятчина в своей статье отмечают, что немецкая культура делает большой упор на традиции и историю своей страны [Солодилова 2005]. Подчеркивается, что большой пласт фразеологии того или иного языка возникает именно на национальной основе, поэтому ментальность народа особенно ярко проявляется во фразеологизмах, отражающих события истории страны [Мальцева 1991].

Один случай из истории страны также отражается во фразеологизме *mein Name ist Hase (ich weiss von nichts)* – «знать не знаю и ведать не ведаю» (букв. «мое имя Хазе, я ничего не знаю»). Эти слова приписываются некоему Виктору Хазе в связи с передачей своего удостоверения беглому студенту-преступнику. В ходе допроса им были произнесены слова: «*Mein Name ist Hase, ich verneine die Generalfragen, ich weiß von nichts*», впоследствии они в сокращенной форме вошли в поговорку [Мальцева 1991].

Так, при общности значения в основу ФЕ может быть заложен самобытный образ, различный в немецкой и русской лингвокультурах. Приведем в качестве примера фразеологизм *ein unsicherer Kantonist* «ненадежный человек». Образ этого фразеологизма возник при делении Пруссии во второй половине XVIII века на кантоны для вербовки ректоров. Однако многие из них уклонялись от набора, поэтому образ «*der Kantonist*» означает ненадежного человека, на которого нельзя положиться. В основу аналогичного русского фразеологизма *в разведку не пойдешь с кем-л.* положен уже образ «разведки», что позволяет сделать вывод о наличии в русском и немецком языках таких фразеологизмов, у которых положенные в их основу образы полностью не совпадают.

Таким образом, культурно-ментальная составляющая фразеологического концепта показывает, какие культурные знания о ценностных представлениях народа, его нормативных установках, субъективных оценках, о жизни и быте, истории народа содержатся в данном компоненте. Без знания фразеологии не представляется возможным дать оценку яркости и выразительности речи, понять шутку, а иногда и смысл всего

высказывания. Немецкая и русская фразеология очень богата и разнообразна и имеет большое количество ФЕ, которые отличаются многозадачностью и стилистическим разнообразием. Отсюда следует, что изучение культурологических особенностей ФЕ в немецком и русском языках представляет собой ценный материал для понимания основ культуры и речи.

1.3 Структура и функции лингвистического контекста

1.3.1 Свойства и классификации видов контекста

Понятие «контекст» широко известно в гуманитарных науках и используется в повседневной жизни. Контекст является предметом изучения социологии, философии, культурологии, психология и психолингвистики, истории науки, культурной антропологии [Blommaert 2005] и, в частности, лингвистики. Связь языковой структуры с лингвистическим и экстралингвистическим контекстом была объектом исследования в последней трети XX века как функциональный и прагматический вектор в лингвистике. Н. С. Валгина пишет об интеграции функционального и прагматического аспектов: «понимание текста как текста в действии приводит к выдвиганию на первый план его функционального аспекта, а ориентация текста на коммуникативный процесс акцентирует внимание на прагматике текста» [Валгина 2003]. С позиции функционального рассмотрения, отдельные компоненты анализируются с точки зрения их роли при организации текста, что помогает раскрыть содержательную сторону целого текста. Прагматическое рассмотрение текста позволяет изучить условия использования языка в актах речевого общения, на которые могут оказывать влияние коммуникативные цели, психологические особенности говорящего. Л. П. Водясова указывает на связь функционального и прагматического вектора, говоря о том, что «прагматический анализ текста вытекает из функционального логически, продолжает и развивает его» [Водясова 2012: 25]. Вследствие этого, грамматика текста и лингвистика текста за счет

расширения объяснительных возможностей лингвистического и экстралингвистического контекстов для анализа семантики слова, предложения и других единиц языка, отказывались от чисто структурного подхода. В анализе структуры языка текст, а не слово или предложение, становится основным. При этом текст изучается в динамической проекции «как постоянная семантизация многих значений, которые могут актуализироваться или не актуализироваться в конкретной ситуации» [Нефедов 2020: 85]. Так, семантизация и понимание значения языковой единицы, которая не считается семантической константой с заданным значением лексикона, но как зависящая от текста и обусловленная им составляющая, возникают не только исходя исключительно из их лингвистических характеристик, но также на основании контекстуальных характеристик и межтекстовых связей [Чернявская 2012; Schmidt 1976]. Предметом критического анализа становится контекстуализация как динамическая сторона контекста, интеллектуальный процесс передачи сообщения адресантом и процесса понимания адресатом некоторых составляющих контекста как основных и существенных смысловых опор, устанавливающих основу и перспективу для интерпретации передаваемого в виде языковых структур содержания [Kuk-Hyun 2000].

Исследователи, рассматривая категорию контекста, классифицируют его с разных позиций. В социальной антропологии появилось понятие «широкого компаративного контекста» [Касавин 2008], который имеет следующие отличительные черты: окружение (языковой контекст) и поведенческая среда, возраст и так далее (экстраситуационный контекст). В рамках прагмалингвистических и дискурсивно-аналитических исследований контекст понимается как экстралингвистическая среда всего текста.

Согласно когнитивному подходу, контекст можно рассматривать как «ментальную модель, а именно, как когнитивную конструкцию, включая уникальный опыт участника общения и коллективное знание, разделяемое всеми представителями лингвокультурного сообщества» [Нефедов 2020: 92].

И. Т. Касавин рассматривая понятие контекста с разных позиций, упоминает о филологической герменевтике, сравнивает ее появление с «открытием Востока», разрушившим социальные границы, когда слова приобретали непривычное употребление, что порождало необходимость в их истолковании. В связи с этим начинают звучать фразы, что значение слова – это его употребление, а смысл слова произведен от его контекста. Однако, важно заметить, что понятие контекста в пределах герменевтики не получает эксплицитной тематизации, хотя проблематика индивидуальности говорящего и понимающего (Ф. Шлейермахер), время и временность в экзистенциальном проекте (М. Хайдеггер), история, традиция и язык герменевтического опыта (Х.-Г. Гадамер) – все эти концепции включают понятие контекста, которые несмотря на некоторые различия аналогичны известным понятиям теоретической лингвистики [Касавин 2008].

Являясь герменевтической проблемой, проблематика понимания контекста не ограничивается немецкоязычной традицией. Герменевтика в качестве философии языка получает распространение и в лингвистической философии, в которой понятие контекста играет не менее важную роль [Heintel 1972].

Ю. В. Гаврилова обращает особое внимание на работы Б. Малиновского, Дж. Руперта Фёрса, М. Халлидея, в которых обобщен опыт Ф. де Соссюра и отдельные идеи В. фон Гумбольдта. Опираясь на опыт их исследований, автор анализирует контекст в своей работе с позиции использования языка (контекст ситуации) и языка как системы лексики и грамматики (контекст культуры), находящегося вне ситуативного контекста. Контекст ситуации, по словам Ю. В. Гавриловой, «предопределяет смысл высказывания, то есть он выступает как связь между языком и невербальными компонентами общения, которые они могут сопровождать» [Гаврилова 2014а: 76]. В работе о становлении основ теоретических идей М. Халлидея, основавшего системную функциональную лингвистику, более подробному рассмотрению подвергается понятие «социального контекста», в котором

«контекст ситуации» и «контекст культуры» являются составляющими ситуации [Halliday 1999: 23]. Исходя из положений теории М. Халлидея, исследователь Ю. В. Гаврилова формулирует определение языка как «семиотической системы, в которой сам язык действует как система ресурсов для формирования так называемого значения» [Гаврилова 2014б: 18].

В. Я. Мыркин в рамках социального контекста рассматривает понятие «коммуникативного контекста» и выделяет шесть оппозиций: 1) вербальный и ситуативный контексты; 2) физический и психологический контексты; 3) контекст культуры и психологический контекст; 4) лингвистический и паралингвистический контексты; 5) линейный и структурный контексты; 6) операционный и коммуникативный контексты [Мыркин 1978]. Под коммуникативным контекстом В. Я. Мыркин понимает «организацию средств, организацию контекстов и опору на контексты для передачи смысла сообщения» [Мыркин 1978: 98].

Исследователи, рассматривающие гипотезу лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Л. Уорфа, также упоминают культурный контекст языка как системы. Термин «контекст культуры» не использовался в работах Э. Сепира, но термин «язык» включал в себя средства выражения ментальной жизни говорящего, на основе чего и была разработана гипотеза Сепира – Уорфа [Dobrovolskij 1997; Donalies 2009; Доминикан 2017]. Согласно данной гипотезе, язык «развивался как часть любой человеческой культуры, с помощью которого подтверждались и транслировались в социальную реальность базисные восприятия и интерсубъективный опыт индивидов... В этом смысле культура обеспечивает языковой контекст, в котором интерпретируются слова и грамматические системы» [Доминикан 2017: 126].

Важное понимание контекста, его значение в познании раскрывает К. Бюлер. Психолог формулирует так называемую «теорию окрестности» (Umfeldtheorie): «Важнейшая и наиболее значимая окрестность языкового знака представлена его контекстом. Единичное являет себя в связи с другими

себе подобными, и эта связь выступает в качестве окрестности, наполненной динамикой и влиянием» [Bühler 1965: 155].

В лингвистике выделяют следующие виды контекста: лексический, синтаксический, логико-семантический, парадигматический, стилистический, микро- (узкий) и макро- (широкий) контекст. Помимо лингвистического контекста существует экстралингвистический (паралингвистический, вертикальный, глобальный) контекст. Дж. Лайонз пишет о том, что «некоторые исследователи этой области языка пытаются более детально представить вид контекста по различным признакам, чем достигается более глубокий анализ контекста» [Лайонз 2003: 47].

Исследуя функции контекста, Н. К. Соколова, считает важной «разработку проблемы стилистического контекста, отличие которого от лингвистического контекста заключается в том, что лингвистический контекст представляет собой функциональное пространство слова или грамматической формы, стилистический, или поэтический, контекст – функциональное пространство единицы поэтической речи, или экспрессемы» [Соколова 1983].

И. Р. Гальперин обозначал контекст как «лингвистическую ситуацию, в которой наблюдаются, анализируются и конкретизируются особенности языковых факторов, являющихся объектом исследования» [Гальперин 1974: 67]. А. А. Реформатский определяет контекст как «окружение слова» и подразделяет его на словесный (речевой) и бытовой контекст. Под словесным контекстом А. А. Реформатский понимает «те слова, которые окружают или сопровождают данное слово и придают ему необходимую однозначность», под бытовым рассматривается «обстановка или ситуация речи: кто говорит, где и когда говорит, кому говорит, зачем говорит и т. п.» [Реформатский 2005: 237].

В отечественной лингвистике интерес представляет теория контекста, разработанная Н. Н. Амосовой, рассматривающей многозначное слово – «ядро», и указательный минимум окружения – «единицы-индикаторы», благодаря которым осуществляется выбор слова в тексте и его актуализация

[Амосова 1963]. Н. Н. Амосова предлагает под лингвистическим контекстом понимать «сочетание семантически реализуемого слова (т. е. слова, относительно реализации которого контекст вычленяется) с указательным минимумом (т. е. элементом речевой цепи, несущим требуемое семантическое указание)» [Амосова 1963: 131]. Контекст занимает таким образом основополагающую роль в раскрытии значения языковой единицы. С его помощью осуществляется выявление смысла отдельных высказываний и целостных фрагментов текста.

Как отмечает А. Шафф, лингвистические исследования языковых единиц показали, что они приобретают определенное значение (т. е. осуществляется выбор одного из многих возможных значений), только в контексте [Шафф 1963].

В. И. Шаховский и Е. И. Шейгал подчеркивают, что при контекстуальном анализе, как правило, внимание исследователя сосредоточено на описании языковой единицы в определённом контексте, а также на связях с другими единицами языка [Шаховский, Шейгал 2008].

В лингвистической литературе существуют различные подходы для определения критериев классификации типов контекста. Наиболее наглядным для классификации нам представляется критерий, основанный на принципе оппозиций или противопоставления. Как пишет А. В. Кулешова, оппозиция в лингвистике «представлена лингвистически существенным различием между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания» [Кулешова 2014: 5]. С позиции логики, оппозиция означает «категорию отрицающих, исключаящих, противопоставленных друг друга понятий, несовместимых между собой» [Ожегов 1992].

В. И. Карасик в «Лингвоконцептологии» выделяет восемь типов контекста, построенных по принципу оппозиций: собственно «лингвистические (вербальные) и экстралингвистические (например, жесты), эксплицитные и имплицитные, разрешающие и поддерживающие,

компенсирующие и погашающие» [Карасик 2009: 39]. Е. Ю. Мощанская отмечает, что смысл речи складывается из глобального коммуникативного контекста, состоящего из единства ситуации с актом коммуникации, иными словами, из «глобального контекста», самого выражения вместе с жестами, словами – «эксплицитного контекста» и текста, произнесенного или написанного – «вербального, или дискурсивного, контекста». Таким образом, можно говорить о классификации видов контекста по способу выражения – «вербальный» и «невербальный» контексты [Мощанская 2014: 30-34].

О. В. Коряжкина, анализируя роль вертикального и горизонтального типов контекста, рассматривает в своем исследовании работы О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет о явлении вертикального контекста, в которых доказывается, что анализ контекста не менее важен с точки зрения его структурной организации. О. С. Ахманова о вертикальном (экстралингвистическом) контексте пишет, что это «...филологическая проблема, вопрос о том, как и почему тот или иной писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую информацию, объективно заложенную в созданном им литературном произведении» [Коряжкина 2019; Ахманова, Гюббенет 1966]. В данном случае под горизонтальным (лингвистическим) контекстом понимается «языковая среда языковой единицы... и вообще семантически завершенный раздел письменной речи, позволяющий определить значение содержащегося в ней слова или предложения» [Коряжкина 2019: 19]. Категория вертикального контекста подразделяется О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет на два типа – контекст филологический (цитаты, аллюзии) и социально-исторический (топонимы, исторические имена), что зависит от типа введения вертикального контекста [Коряжкина 2019; Зубова 2013]. При этом важно отметить, что определение горизонтального контекста оказывается сходным с общепризнанной формулировкой языкового контекста. Кроме того, в некоторых интерпретациях они могут иметь общие черты с контекстом ситуации, в то время как вертикальный контекст может быть условно

скоррелирован с культурным контекстом. По этой причине можно сделать вывод, что основным принципом при классификации контекста здесь служат его размер и границы.

Поскольку текст разворачивается линейно, контекст может располагаться либо слева, относительно рассматриваемой языковой единицы, либо справа. Под левосторонним контекстом понимается предыдущая языковая среда, то есть языковые единицы, стоящие перед данным словом. Этот тип контекста играет важную роль в первичном восприятии текста, поскольку «он предвосхищает восприятие значения этого слова, активизирует лингвистическую догадку и анализирует значения многозначного слова» [Раренко 2010: 69]. Правосторонний контекст подразумевает не только языковую среду, которая стоит после данного слова, но и, кроме того, формирование правостороннего контекста возможно благодаря лексическому окружению слова, которое может охватывать также значительные отрывки текста [Witger 1998; Вербицкий 2015]. Как отмечает Л. Д. Захарова, «правосторонний контекст характеризуется приращением новых смыслов, формирует образную структуру текста» [Раренко 2010: 71]. Основой классификации в этом случае является положение контекста относительно анализируемой языковой единицы [Елькина, Кононова 2019].

По области охвата можно классифицировать контекст на микро- (локальный) и макроконтэкст (глобальный). Г. В. Колшанский рассматривает микроконтэкст (грамматический контекст) в пределах предложения, макроконтэкст в пределах абзаца или диалогического единства, текстовый, тематический контекст совпадает с объемом всего произведения в целом [Колшанский 1980]. С. И. Походня называет макроконтэкст – мегаконтэкстом [Походня 1989]. Приведенные типы контекстов соотносятся с понятием лингвистического контекста, который включает непосредственно языковое окружение единицы языка в тексте [Раренко 2010].

В рамках лингвистического вида контекста различают лексический, грамматический и смешанный типы [Елисеева 2005]. При лексическом

контексте выбор значения единицы определяется лексическим значением слов-индикаторов. При грамматическом контексте в роли индикатора выступает грамматическая функция слова. Однако необходимо учитывать и лексические, и грамматические индикаторы, то есть смешанный контекст. Так, при переводе именно контекст определяет выбор того или иного соответствия или поиск другого способа переводческого решения. Широкий контекст (макроконтекст) в лингвистике подразумевает языковое окружение единицы за рамками предложения в текст, то есть он не имеет точных рамок. Границы текстового контекста определить сложно, в него могут входить ряд предложений, абзацев, даже глав. Наиболее узкое понимание контекста ограничивается ближайшим окружением избранной для анализа языковой единицы – в пределах словосочетания или предложения.

Анализ отечественных и зарубежных работ по исследованию понятия контекста и контекстного анализа позволяет сделать вывод о наличии разных точек зрения о понимании контекста, его границ, классификации его видов, что связано, прежде всего, со спецификой предметной области, в которой данное понятие применяется, задачами, которые ставят перед собой исследователи, и разными подходами. Широкое рассмотрение понятия контекста в современных предметных и междисциплинарных исследованиях свидетельствует о разных вариантах контекстного подхода.

1.3.2 Функционирование фразеологизмов в языковом контексте

В настоящее время фразеологизмы активно рассматриваются в лингвистике с прагматической точки зрения, так как они обозначают не только сами предметы и явления окружающей нас действительности, но и выражают отношение к ним говорящего, тем самым фразеологизмы содержат в себе два компонента значения – сигнификативно-денотативный и коннотативный. Из вышесказанного следует, что в силу сложности своего значения фразеологизмы предрасположены к прагматическому функционированию в

речи. Так, именно в речи каждая ФЕ наполняется своим смысловым содержанием [Кунин 2010]. Соответственно, проблема взаимосвязи ФЕ и текста, в котором она функционирует, становится объектом современных научных исследований. И это закономерно, поскольку познание и выявление сущностных характеристик любой языковой единицы, в том числе и фразеологической, можно осуществить только путём изучения её связей с другими единицами текста [Красных 2017].

В лингвистике под контекстом в большинстве случаев традиционно понимается вербальная среда той или иной языковой единицы. С. И. Канонич рассматривает контекст как коммуникативное единство, он подчеркивает связь текста и контекста – «текст как единица контекста» [Канонич 1955: 20], что вновь возвращает нас к понятию контекста как части текста и наоборот. Нельзя не согласиться с концепцией контекста, предложенной Т. Слама-Казасу, которая отмечает, что контекст формируется и может быть выражен языковыми средствами, жестами, мимикой, а главное ситуацией, определяющей значение слова, в окружении которой оно находится [Slama Cazacu 1974]. Представители некоторых теорий контекста считают, что для осуществления речевого общения необходимо, чтобы сходные образы знака и означаемого и связи этих образов существовали в сознании тех, кто общается. Только тогда слова говорящего породят соответствующие образы слушателя. Эта картина мира, «формирующая общий знак говорящего и слушающего и определяющая восприятие (значение) знака, есть то, что лингвисты сейчас называют «предпосылкой», «презумпцией» или «пресуппозицией» подразумевающей контекст» [Переверзева 2017: 53].

Без контекста невозможно правильно интерпретировать смыслы слов и устойчивых сочетаний, так как, по убеждению В. Г. Гака, нельзя говорить на языке, зная только его систему: нужно знать норму применения этой системы в соответствии с ситуациями и контекстами [Гак 1977]. Контекст, подразумевающий своей составной частью не только языковые привычки, но и навыки оформления информации в языковом плане, включает в себя и

определяемую этими факторами повторяемость готовых конструкций, образ которых постоянно присутствует в сознании носителей языка. Таким образом, трудно не согласиться с тем, что «современный объект современных научных исследований не может быть «атомарным», т. е. он не может быть оторван от широкого историко-социокультурного контекста и должен рассматриваться не сам по себе, но только с учетом данного контекста и на его фоне» [Красных 2017: 177]. Поэтому для изучения функционирования фразеологизмов важным является анализ лингвистического (вербального) контекста, в котором используется фразеологизм [Israel 1990; Burger 1982].

Остановимся подробнее на особенностях лингвистического контекста. Как было отмечено выше, лингвистический контекст это «лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи», а также «...законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [Ахманова 2004]. Под лингвистическим контекстом понимается «...фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [Dimler 1981: 6]. Г. В. Колшанский называет контекстом «адекватные условия восприятия отдельных высказываний, которые определяются лишь в пределах, гарантирующих однозначность функционирования этих единиц, другими словами в пределах некоторого текста» [Колшанский 1980: 5]. Как было отмечено ранее, понятие лингвистического контекста тесно связано с понятиями левостороннего и правостороннего контекстов как его составляющих, где левосторонний обычно указывает на причину употребления той или иной языковой единицы, а правосторонний – следствие. Левосторонний контекст играет важную роль при первичном восприятии текста, что связано с его функцией, данный вид контекста «предвосхищает восприятие значения данного слова» [Елькина 2019: 144]. Правосторонний контекст может выходить за пределы абзаца,

благодаря чему «возникают приращенные смыслы в тексте, формируется образная структура текста, рождаются аллюзии» [Там же]. Лингвистический контекст, в противопоставлении экстралингвистическому, по способу выражения является вербальным типом контекста. В зависимости от выполняемых функций, выделяются некоторые типы вербального контекста: разрешающий контекст, поддерживающий, погашающий, компенсирующий, интенсифицирующий контекст. Разрешающий и поддерживающий контексты позволяют при многозначности слова или фразеологизма снять полисемию лексической единицы и обеспечить повторяемость ее значения в тексте. Созданию нового значения, не сходного с типичным значением ФЕ, способствует погашающий контекст, а интенсифицирующий контекст позволяет приращивать иные смыслы в процессе восприятия текста, прибавляя новые значения к уже употребленной единице. В противоположность погашающему и интенсифицирующему контекстам, компенсирующий позволяет обеспечить адекватное восприятие значения, когда какой-либо из элементов языковой единицы не был выражен [Мощанская 2014].

По мнению Н. Н. Амосовой, исследование изолированного от контекста слова не даст исчерпывающей о нем информации, поскольку контекст не сужает широкое значение слова, а конкретизирует значение слова [Амосова 1963]. Лингвистический контекст актуализирует значение не только слова (как отмечалось выше), но и ФЕ, независимо от того, многозначна или однозначна ФЕ [Schmidt 1981; Michel 1989].

В зарубежной лингвистике исследованием фразеологизмов в тексте занимались Н. Burger [2007], А. Buhofner [1989], А. Sialm [1992], В. Wotijak [1992], G. Gréciano [1994]. Х. Бургер, А. Х. Бухофер и А. Сиальм первыми провели исследование более обширного корпуса различных типов письменных и устных текстов с точки зрения количественного распространения в них фразеологических классов [Burger 1982]. Помимо газетных комментариев рассматривались также тексты из области устной

коммуникации. Функциями идиом в тексте в своих многочисленных трудах занималась Г. Гречиано [Gréciano 1994]. Важно также отметить первые работы по фразеологии В. Коллера, составленные на основании корпусного анализа. Данные исследования представляют значительный вклад в изучение ФЕ в лингвистическом контексте [Koller 1977]. В. Коллер рассматривает распространенность и функции фразеологизмов в некоторых областях языка прессы. Х. Регер при помощи анализа корпусов немецкого языка изучает метафорику и идиоматику в прессе и литературных текстах [Reger 1980].

У. Густафссон и Е. Пиирайнен исследовали корпус газетных текстов, разделив все тексты на следующие темы: политика, культура, экономика, родная страна и спорт. Результаты этого исследования значительны: между исследуемыми газетами удалось обнаружить четкие различия в насыщенности и распределении фразеологизмов [Gustafsson 1985].

Рассмотрению контекстуального функционирования ФЕ были посвящены также работы В. П. Жукова, Н. Н. Амосовой, А. В. Кунина, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, О. В. Ломакиной, Д. О. Добровольского, J. Wirrer, M. Drescher, H.-H. Lüger.

М. Дрешер, исследовавшая функционирование фразеологизмов в лингвистическом контексте, отмечает связь вербального контекста и фразеологизма. Лингвистический контекст, согласно ее исследованиям, направляет значение фразеологизма и внутри контекста фразеологизмы способны ярче раскрыть свои эмоционально-оценочные функции [Drescher 1998]. Х.-Х. Люгер, рассматривая фразеологизмы также с прагматической стороны, пишет о том, что попадая в контекстное окружение, они выполняют в нем различные функции, а выбор фразеологизмов в лингвистическом контексте зависит от описываемой ситуации и неразрывно связан с образом, заложенным внутри фразеологизмов и подходящего для использования внутри данного контекста [Lüger 1999].

Контекст помогает разграничить фразеологические варианты и синонимы (ср.: В области фразеологии вопросу синонимии посвящены работы

многих лингвистов, среди которых Л. А. Введенская [1968], Е. А. Иванникова [1966], Ю. Д. Апресян [2004], Н. А. Кирсанова [1964], Е. Н. Миллер [1990], И. И. Чернышева [1970], А. В. Кунин [1996] и др.). Ю. Д. Апресян пишет о синонимии в целом как о понятии неопределяемом и указывает на использование его в качестве некоторой опоры, фундамента для определения других семантических понятий, особенно для определения понятия смысла. По его мнению, ФЕ «выступают в качестве фразеологических синонимов в том случае, если они совпадают в своем стержневом значении и отличаются оттенками значений» [Апресян 2004 : 10]. Благодаря этому условию возникает лингвистическая связь, в процессе которой они «способны заменять друг друга, но только в ряде строго определенных контекстов, в которых они употребляются в идентичной синтаксической конструкции и, кроме того, сочетаются с одним и тем же лексическим окружением» [Апресян 2004: 17].

Таким образом, «конкретное значение слова всегда определяется контекстом его применения» [Переверзева 2017: 55]. Функционирование фразеологизмов в условиях вербального, лингвистического контекста непосредственно связано с актуализацией их значения, которое происходит с помощью «лексического окружения, то есть ближайших связей с микроконтекстом» [Тиунов 1990: 22-23]. Э. Ризель выделяет «мини-контекст, развернутый контекст и макроконтекст» [Riesel 1975: 147], которые различаются своими структурными особенностями. Так, мини-контексты в немецком языке представлены сложным словом, словосочетанием и предложением. Развернутый контекст включает ряд предложений и абзацев, а макроконтекст может быть завершенным текстом разного объема. Данные типы контекстов входят в более широкое понятие лингвистического контекста и при рассмотрении функционирования фразеологизмов в контексте соотносятся с понятием фразеологического контекста как одного из типов лингвистического [Burger 1987].

Объем функций, выполняемых фразеологическим контекстом, зависит от коммуникативного задания, типа фразеологизма, жанра литературного произведения. В контексте могут разграничиваться фразеологизм и совпадающее с ним по лексическому составу переменное словосочетание. Так, именно в речи и тексте каждая ФЕ наполняется своим смысловым содержанием [Aschenberg 1999].

Впервые вопрос о фразеологическом контексте был рассмотрен в работах Н. Н. Амосовой. Исследователь подходит к рассмотрению ФЕ с позиции контекстологического анализа и определяет фразеологизмы единицами постоянного контекста [Амосова 1963]. Таким образом, по мнению Н. Н. Амосовой, фразеологизм представляет из себя текст с набором контекстных значений и интерпретаций в процессе коммуникации. Контексты фразеологизмов можно классифицировать по различным признакам и критериям в зависимости от цели и поставленных перед исследователем задач, а также от той информации, которая интересует исследователя. Фразеологический контекст, в зависимости от выполняемых функций, можно разделить на контекст функционирования и контекст порождения (оба термина принадлежат В. И. Кодухову [Кодухов 1973: 26]).

В языке фразеологизмы существуют со своими значениями, от которых зависит возможность их сочетания с определенным окружением. Контекст функционирования осуществляет реализацию и специализацию значения фразеологизма, зафиксированного в языке. Другим способом контекстной реализации фразеологизмов являются окказиональные изменения фразеологизмов. В контексте подобные связи фразеологизмов могут взаимодействовать с их внешними связями, что свидетельствует о способности фразеологических порождать окказиональные речевые смыслы. В процессе речевой реализации ФЕ данные смыслы могут быть включены в языковое значение фразеологизма. По В. И. Кодухову, контексту присуща функция порождения речевых значений, что подразумевает контекст порождения [Кодухов 1973]. А. В. Кунин продолжил традиции

Н. Н. Амосовой, перенеся их на фразеологию английского языка. Исследователь рассматривает функционирование ФЕ в лингвистическом контексте и в связи с этим вводит понятие фразеологического контекста и фразеологического актуализатора. Данный вид контекста представляет собой достаточный объем контекста для реализации значения фразеологизма [Кунин 1996; Ломакина 2015]. По объему контекстной реализации значения фразеологизма А. В. Кунин выделяет три типа фразеологического контекста: внутрифразовый, фразовый и сверхфразовый контексты [Кунин 1996]. Все виды фразеологического контекста тесно связаны с фразеологизмом, с его актуализаторами значения и непосредственно лингвистическим контекстом, в котором используется фразеологизм.

Вслед за Л. Лемнитцером и Г. Цинсмайстером под фразеологическим контекстом исследуемой единицы в данной работе понимается определенное количество языковых единиц в лингвистическом контексте, употребленных в одном и том же тексте. Эти лингвистические единицы (актуализаторы, индикаторы значения фразеологизма) определяют функцию и актуализируют значение исследуемой ФЕ [Lemnitzer 2015]. Под фразеологическим актуализатором понимается «слово, словосочетание, предложение или группа предложений, семантически связанных с употребляющимися в данных контекстах фразеологизмами, вводящих их в речь при узуальном или окказиональном использовании» [Кунин 1996: 199]. Внутрифразовый фразеологический контекст включает в себя сам фразеологизм и его актуализатор, выраженный словом или группой слов, но в границах простого или сложного предложения. В случае реализации значения фразеологизма в лингвистическом контексте, когда актуализация значения происходит благодаря простому или сложному предложению, можно говорить о фразовом фразеологическом контексте [Кунин 1996]. Отличительным признаком сверхфразового фразеологического контекста от фразового фразеологического контекста является актуализатор значения фразеологизма, выраженный двумя и более простыми предложениями [Кунин 1996].

А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, дополняя теорию контекста А. В. Кунина, предлагают рассматривать терминологическую триаду, понимая под этим фразеологическую конфигурацию, т. е. фразеологический контекст, фразеологизм, фразеологический актуализатор [Ломакина 2016]. Под фразеологической конфигурацией исследователи понимают «структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое фразеологической единицей и фразеологическим контекстом» [Мелерович, Мокиенко 2008: 346].

Ученые обозначают два вида фразеологических конфигураций, которые напрямую связаны с основной функцией фразеологического актуализатора: во-первых, это конфигурации, служащие для определения смыслового содержания фразеологизма в контексте и семантизации фразеологизма, во-вторых, конфигурации, реализующие стилистический контекст фразеологизма, обозначающие его стилистический контекст и определяющие видоизменения семантико-стилистической тональности [Ломакина 2015; Мелерович 2008].

Характеризуя ФЕ и ее взаимодействие с контекстным окружением, В. П. Жуков пишет о невозможности семантической реализации фразеологизма в контексте без слов-сопроводителей, или слов свободного употребления, выполняющих синтаксические функции [Жуков 1986].

М. В. Влавацкая пишет об осуществлении способности языковых единиц связываться в определенных лингвистических условиях, понимая под последними контекст или окружение. Исследователь рассматривает понятие дистрибуции – «сумма всех окружений, в которых встречается данный элемент языка» [Влавацкая 2011: 39]. Само понятие дистрибуции лежит в основе дистрибутивного анализа единиц, представляя собой метод исследования в лингвистике, при котором «классификация языковых единиц и изучение их свойств производится исключительно на основе распределения рассматриваемых единиц в потоке речи, т. е. на основе их сочетаемости с другими единицами, окружением, или контекстом, рассматриваемых единиц»

[Влавацкая 2011: 40]. О. С. Ахманова под дистрибуцией понимает «совокупность (класс) всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может, т. е. место, порядок, сочетаемость и свойства ее употребления в плане расположения отдельных частей высказывания относительно друг друга» [Ахманова 2004: 137]. В объем понятия дистрибуции ФЕ включается не только их сочетаемость, но и соотнесенность, сцепление, присоединение, что позволяет обозначать дистрибуцию как совокупность всех видов их связей с окружающим контекстом [Влавацкая 2011]. Следует различать пять основных типов дистрибуции, т. е. внешних связей фразеологизмов. С точки зрения позиционной противопоставленности различаются контактная и дистантная сочетаемость. Контактная сочетаемость означает примыкание семантически реализуемой ФЕ к слову или словосочетанию, являющимся его актуализатором как в постпозиции, так и в препозиции. Многие виды контактной сочетаемости являются широко распространенными, например, сочетание глагольной ФЕ с глаголом или существительным, наречной ФЕ с прилагательным или глаголом и т. п. Другим типом позиционной дистрибуции выступает дистантная сочетаемость, в которой фразеологизм и его актуализатор разделены словом, словосочетанием, предложением или знаком препинания. Следующий тип дистрибуции соотнесенность может занимать контактную или дистантную позиции, в которой фразеологизм реализуется в зависимости от сообщения о ситуации. В этой позиции встречаются только междометные и немеждометные фразеологизмы с модальным значением. Еще один тип дистрибуции – сцепление, а именно сочинительная связь предложений, в том числе и фразеологизмов со структурой предложения (поговорки и пословицы). Другой тип дистрибуции представлен присоединением, выраженным подчинительной связью предложений, в том числе и фразеологизмов со структурой предложения, в составе сложноподчиненного предложения. И последний тип – бессоюзное

соединение предложений, т. е. соединение двух или более предложений без сочинительной или подчинительной связи [Влавацкая 2011].

Происходящие динамические процессы в области фразеологии, характеризующиеся движением от языка к речи, заметны в первую очередь благодаря контексту, что связано с обнаружением новых смыслов языковых единиц [Ломакина 2015]. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко в соответствии с этим предлагают классифицировать фразеологические актуализаторы на узуальные и окказиональные. В зависимости от способа актуализации значения ФЕ узуальные выполняют функцию специализации фразеологического значения и связаны с контекстами функционирования фразеологизмов. Окказиональные фразеологические актуализаторы служат прежде всего для актуализации окказионального смыслового содержания ФЕ и окказиональных ФЕ и представляют контекст порождения [Кунин 1996; Ломакина 2015; Мелерович 2008].

Таким образом, фразеологические актуализаторы являются языковыми средствами, служащими раскрытию смыслового содержания фразеологизмов в тексте, где узуальный актуализатор (семантизирующий) поясняет, раскрывает узуальные значения фразеологизмов, а окказиональный актуализатор направляет смысловое содержание ФЕ и способствует приращению новых смыслов, проявляясь в структурно-семантических преобразованиях, которые могут быть связаны с изменением компонентного состава фразеологизма.

Кроме выделенных типов актуализаторов значения фразеологизма в лингвистическом контексте существует также и нелингвистический актуализатор значения фразеологизма, которым, по мнению А. В. Кунина, является литературное произведение.

В отечественной лингвистике выделяют «микрконтекст» и «макрконтекст». Под «микрконтекстом» принято понимать контекст слова, словосочетания или предложения, минимальное окружение единицы [Колшанский 1980]. Макрконтекст, который противопоставляется

микрконтексту, выходит за пределы предложения и не имеет точных рамок. Макрконтекст может быть представлен рядом предложений, абзацем и целым текстом.

В исследованиях на материале немецкого языка предложена сходная, но более подробная классификация актуализирующих контекстов: мини-контекст, развернутый контекст и макрконтекст [Riesel 1975: 147]. Основным критерием при разграничении этих типов контекста становится их структурная особенность.

В нашей работе мы опираемся на классификацию контекстов Э. Ризель и Э. Шендельс [Riesel 1975], поскольку, исходя из характеристик актуализирующих контекстов в отечественной и немецкой лингвистиках, речь идет о сходных явлениях. Под микроконтекстом в своей работе мы понимаем контекст слова, словосочетания или предложения, тогда как развернутый контекст представлен рядом предложений, абзацем. Макрконтекст, в свою очередь, включает в себя весь текст статьи.

1.3.3 Публицистический стиль как среда для функционирования фразеологизмов

Несомненно, СМИ являются одним из наиболее распространенных источников различных фактов и знаний, которые мы получаем о мире. Кроме того, СМИ оказывают исключительное влияние на формирование общественного мнения, а также являются своеобразным инструментом власти. Думается, что современное состояние научного осмысления феномена массово-информационной коммуникации свидетельствует, скорее, не об устаревании понятия публицистического стиля как такового, а о терминологических колебаниях, столь свойственных науке в период глобальных изменений качественных характеристик ее объекта. Поскольку статус текста данного стиля в настоящий момент приобрели многие неизвестные советской и зарубежной публицистике текстовые разновидности, например, рекламные тексты, PR-тексты, материалы таблоидной и желтой

прессы, пестрящее разнообразие форм интернет-коммуникации и др. – все чаще стиль текстов СМИ именуется в литературе как массмедийный, стиль СМИ, массово-информационный и т. п.

В настоящее время можно наблюдать период интенсивного развития медиадискурса. Происходящие изменения делают возможными углубление и расширение процессов развития оценочности, использование различных пластов лексики.

Выделение публицистического стиля в ряду других функциональных стилей обусловлено существованием политики как формы общественного сознания и соответствующей ей сферой деятельности и общения. Исходя из этого, логичнее было бы именовать «публицистический стиль политическим или политико-идеологическим. Однако в традиции употребления утвердился термин «публицистический», который мы и используем» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 342]. Постепенно в научной литературе начинают появляться достаточно многочисленные синонимы публицистическому стилю.

Г. Я. Солганик в Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка приводит в скобках через запятую четыре лексических единицы, взаимозаменяющих друг друга: газетно-публицистический, газетный, политический, газетно-журнальный [Солганик 2003: 312]. Очевидно, что все четыре типа еще менее соответствуют сегодняшней медиареальности, что напрямую связано с тем, что печатные СМИ уступают ведущую роль СМИ электронным, а содержание СМИ далеко не исчерпывается политической тематикой.

Публицистический стиль представляют такие СМИ, как газеты, журналы, радио, телевидение, документальное кино. Охват тем публицистического стиля практически неограничен: политика, идеология, философия, культура, спорт, экономика, повседневный быт, а также текущие события, которые, однако, рассматриваются через призму политико-идеологических установок.

Задачами публицистического стиля выступают сообщение новостей и их комментирование, оценка фактов и событий. В связи с этим В. Г. Костомаров говорит о двух важнейших функциях публицистического стиля – информационной и воздействующей [Костомаров 1994]. Публицист, журналист сообщает о событиях, людях, фактах. Таким образом, публицистический текст в своей речевой структуре содержит информацию о существенном, актуальном событии и интерпретацию содержания такой информации [Вакуров 1983]. Однако такое «заинтересованное» толкование сопровождается довольно выразительным в эмоционально-экспрессивном отношении стилистическим оформлением [Wirrer 1998].

В настоящее время можно наблюдать широкое влияние СМИ на общественное сознание и на формирование языковой культуры общества. Целью публицистического стиля становится привлечение внимания читателя, поэтому выразительность и экспрессия при передаче информации в таком стиле приобретают большее значение по сравнению с другими функциональными стилями.

Изначально исторически сложившейся функцией газеты как старейшей формы в системе средств СМИ является информационная функция. Г. О. Винокур писал о специфике газетной речи в установке на информацию, на «голое сообщение» [Винокур 1982].

В. И. Максимов выдвигает на первый план функцию воздействия, называя ее общественной. Лингвист отмечает, однако, тесное ее взаимодействие с функцией сообщения информации, поскольку взаимодействие функций воздействия и информации связано с тем, что влияние на общественное мнение посредством языка опирается на словесно выраженную информацию об актуальных событиях, фактах текущей жизни – социальной, политической, культурной, духовной, научной, экономической [Максимов 2004].

В своей работе «Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект» К. В. Тулупова пишет, что:

«...публицистику следует рассматривать как вид творческой деятельности, связанной с активным воздействием на аудиторию по каналам СМИ. Именно поэтому следует говорить о существовании публицистических текстов, а не журналистских... Можно сказать определенно: представление о публицистическом тексте как о тексте, отличающемся специфическими приемами реализации авторской позиции, особым слогом, развернутой аргументацией, устарело» [Тулупова, 2008: 11]. Однако далее автор естественным образом выходит на понятие медиатекста: «Диалог автора и аудитории с помощью публицистического текста протекает в рамках массовой коммуникации, то есть через СМИ или медиа... Для обозначения такого рода текстов используется термин «медиатекст». Определяющим признаком отнесения какого-либо текста к медиатекстам является его трансляция по каналам массовой информации с целью воздействия на массовое сознание» [Там же: 13]. Кроме того, активно используется термин «медиадискурс» [Тулупова 2007]. Среди ведущих исследователей медиадискурса и языка СМИ можно назвать Г. Я. Солганика [Солганик 2000, 2012], В. В. Прозорова [Прозоров 2004, 2012], Т. Г. Добросклонскую [Добросклонская 2008, 2013], С. В. Иванову [Иванова 2008, 2018], В. И. Конькова [Коньков 2009, 2018], А. В. Полонского [Полонский 2009, 2015], Т. В. Шмелёву [Шмелёва 2010, 2015], М. А. Кормилицыну [Кормилицына 2007, 2011], О. Б. Сиротинину [Кормилицына, Сиротинина 2015], И. В. Анненкову [Анненкова 2011, 2017], Л. Р. Дускаеву [Дускаева 2011, 2019] и др.

Можно выделить несколько функций публицистического стиля. Для газеты таковыми являются: информационная, просветительская, воспитательная, организаторская, гедонистическая (развлекательная) [Riesel 1975]. Большинство лингвистов выделяет две основные взаимосвязанные функции газетной речи: воздействующую и информационную [Богатырева 2005; Sabban 1998; Костомаров 1994; Винокур 1982; Солганик 1996].

Так, информационная функция реализуется благодаря использованию общеязыковых средств и способов передачи сообщения, информации. Она

осуществляется через логико-понятийную сторону речи, которая в свою очередь отличается нейтральностью, точностью и объективностью выражения. Ее проявление в газете читатель наблюдает в использовании научной, официально-деловой, общественно-политической терминологии; специальной лексики разных областей знания и профессий; широком употреблении имен собственных – географических названий, наименований учреждений и организаций, газет и т. д.; привлечении крылатых слов и выражений, фразеологизмов, пословиц и поговорок (однако без ярко выраженной оценочной эмоции) [Кохтев 1980; Donalies 2009].

Осуществление воздействующей функции в текстах СМИ проявляется прежде всего в новизне значений, возникающей благодаря расширению лексической сочетаемости слов [Гайнанова 2008; Donalies 2009]. Н. В. Трибунская отмечает, что эта типичная черта для публицистического стиля связана неразрывно со стремлением броско и экспрессивно выразить мысль [Трибунская 2011].

Г. Я. Солганик указывает на такие характерные черты газеты, как поиски хлестких и метких оценок, требующих необычных лексических сочетаний; образное употребление слов: метафоры, метонимии, олицетворения. Особенно лингвист отмечает высокочастотные случаи обновления фразеологизмов, афоризмов, пословиц и поговорок в газете (по сравнению с другими функциональными стилями – официально-деловым, научным) [Солганик 1997].

Оригинальный подход в организации медиатекста, способы номинации, креативное представление способствуют достижению успеха СМИ на медийном рынке. Так, динамика языковых процессов внутри языка СМИ выдвигает на первый план значительную роль микротекстов. Характерными чертами микротекстов СМИ (газетные заголовки, названия передач, рекламные фразы) являются ограниченные синтаксические структуры, в которых заложена информативность и установка на актуализацию смыслов, заложенных в тексте статьи, а также их выразительность и экспрессия.

По замечанию А. С. Попова, микротексты СМИ выполняют, кроме прочих, рекламную функцию. Они обладают «особенной экспрессией, специфичностью и информативностью. Главной их функцией становится привлечение внимания читателя к обсуждаемой в статье проблеме, поскольку от заголовка во многом зависит, прочтет ли читатель публикацию» [Попов 1966: 105; Gréciano 1994: 203-218]. СМИ являются одним из инструментов идеологического воздействия, масс-медиа (например, пресса) активно знакомят читателя не только с политическими событиями, но и с событиями в стране и мире. Русско- и немецкоязычная пресса не являются исключением, постоянно привлекая фразеологизмы как в заголовочный комплекс, так и в собственно текст статей [Солганик 1997; Vuhofner 1989].

Фразеологические средства языка имеют ту или иную эмоциональную и стилистическую окраску и, соответственно, находят применение наряду с функциональными стилями художественной литературы, публицистики и в разговорном языке [Riesel 1975; Грибанская 2017].

Большая часть фразеологизмов обладает повышенной образностью и эмоционально-экспрессивной окраской, поэтому особенно выразительно сфера их употребления представлена в публицистическом стиле [Wimmer 1976]. Это обусловлено тем, что язык СМИ должен быть «коммуникативно общезначимым, то есть ясным и выразительным, точным и кратким» [Солганик 1996: 12].

Таким образом, публицистический стиль становится наиболее подходящей средой для фразеологизмов в целом, открывая возможности для творчества и способствуя привлечению внимания реципиента к содержанию материалов СМИ.

Выводы по главе 1

Фразеологизмы уникальны как явление в языке. Это особые сочетания слов, обладающие воспроизводимостью, устойчивостью композиции и

целостностью смысла. Русский и немецкий фразеологический фонды отличаются большим структурно-смысловым разнообразием и оригинальностью. Многие поколения лингвистов на протяжении нескольких десятилетий пытались определить такие признаки фразеологизмов, которые позволили бы каким-либо образом их систематизировать и классифицировать.

В силу широкого разнообразия языкового материала ФЕ в пределах одного языка и фразеологических корпусов других языков обсуждаемые вопросы в рамках теории фразеологии не получают однозначных ответов. Именно дискуссионный характер определения природы фразеологизмов обуславливает различные границы идиоматики, а также классификации ФЕ внутри этих границ. Многочисленные исследования фразеологического состава русского и немецкого языков показали, что классификации фразеологизмов основаны на определенных принципах, на которые опирается тот или иной ученый в своей работе.

Фразеологизмы возникли в языке непосредственно под влиянием культуры и истории народа. Подчеркивается, что обширный пласт фразеологии того или иного языка возникает на национальной основе, поэтому менталитет народа особенно выражается во фразеологии. Характерно также, что многие исследователи в области фразеологии указывают на очень тесную связь военной истории страны и ее отражение в языке, что позволяет им говорить о мотивации возникновения такой фразеологии с милитарным компонентом значения в русском и немецком языках. Знакомство с историей возникновения той или иной ФЕ в русской и немецкой фразеологии, с лежащим в ее основе образом помогает понять особенности ее функционирования в современном немецком и русском языках.

Однако раскрыть весь потенциал и роль фразеологизмов в немецком и русском языках видится возможным только при прагматическом рассмотрении, что подразумевает рассмотрение функционирования фразеологизмов в текстах СМИ.

Классификация типов контекстов осуществляется в зависимости от целей исследования и особенностей тематических областей по разным причинам. В лингвистике выделяются значительное количество типов контекстов. Наряду с лингвистическим контекстом рассматривается экстралингвистический, представляющий общее число факторов (особенности культуры, эпохи и места), способствующих правильной интерпретации. Существуют различные подходы по определению критериев классификации контекста, выделяются лингвистический и экстралингвистический; вербальный и невербальный контекст; микро- и макроконтраст; левосторонний и правосторонний контекст.

Для проводимого нами исследования были выбраны тексты СМИ. В условиях информационного рынка, жесткой конкуренции, борьбы за читателя СМИ стремятся преподнести информацию в наиболее яркой, характерной, запоминающейся форме. При составлении текстов СМИ необходимо подбирать яркие, броские, остроумные выражения, тем самым привлекая внимание читателей. Это влечет за собой широкое использование фразеологического материала, что представляет для нас интерес с точки зрения особенностей употребления фразеологизмов в языке современных СМИ.

Наиболее выразительными и информативными в газете становятся заголовки. От заголовка во многом зависит, обратит ли читатель внимание публикацию. В заголовке ФЕ помогают наиболее точно отразить содержание статьи, привлечь внимание читателя, так как многие ФЕ могут вызвать ассоциации с образами, заложенными во фразеологизмах, и заинтересовать читателя на дальнейшее ознакомление с текстом статьи. Однако для семантизации фразеологизма в контексте необходимо наличие таких внутриконтекстных элементов, при анализе функционирования в нем фразеологизмов, как его фразеологический актуализатор (слово, словосочетание, предложение или группа предложений, семантически связанные с употребляющимся в лингвистическом контексте фразеологизмом,

вводящий фразеологизм в речь при узуальном использовании) и окказиональный актуализатор (при окказиональном использовании, когда фразеологизм употребляется в модифицированном виде).

С целью усиления оказываемого на читателя эффекта, эмоционального воздействия, привлечения внимания фразеологизмы в ходе их употребления подвергаются разного рода модификациям. В связи с этим были подробно рассмотрены различные существующие классификации трансформаций, а также подробно представлены особенности данных классификаций, определены особенности трансформаций, их виды и подвиды. Все классификации были рассмотрены с позиций разных авторов. Несмотря на это, можно обнаружить некоторые общие черты. Это затрагивает общее структурное деление классификаций, наименования основных приемов модификаций. Однако стоит также отметить, что внутри данных классификаций существуют и некоторые различия, например, выделение более точных и конкретных приемов модификаций фразеологизмов, вариативное наименование модификаций одних и тех же типов различными терминами, синонимичными друг другу.

ГЛАВА 2 ВЛИЯНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА НА СЕМАНТИКУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С МИЛИТАРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

2.1 Характеристика фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языках

2.1.1 Фразеологизмы с милитарным компонентом в русском языке

Фразеологический фонд любого языка можно по праву назвать уникальным фрагментом языковой картины мира, поскольку он передает не только особенности восприятия носителями языка окружающей действительности, но и отражает специфику развития культуры этноса. Д. Г. Мальцева справедливо отмечает взаимовлияние семантики фразеологизмов и различных сфер деятельности человека, в которых отражается весь исторический, культурный опыт носителей языка [Мальцева 1991: 5]. Преимущественно уникальность и самобытность склада мышления этноса проявляется именно в национальной фразеологии [Корнилов 2003; Ковшова 2016; Burger 2007]. Во фразеологии русского языка имеется значительное количество фразеологизмов, при употреблении которых мы не задумываемся над их военным происхождением: *не понюхать пороху* – «не быть на войне; не испытать военных тягот, лишений»; *тяжелая артиллерия* – «о малоподвижных, тяжелых на подъем людях; о наиболее авторитетных и неоспоримых аргументах, доводах, положениях, к которым прибегают, когда в споре исчерпаны собственные доказательства»; *взять на мушку* – «сосредоточивать на ком-л. , чём-л. своё внимание».

Фразеологизмы с милитарным компонентом в русском языке, описывающие реалии военной сферы, отражают не только особенности мировоззрения представителей этнической общности, но и историческое прошлое этноса, национально-культурную специфику.

Как справедливо отмечает В. Н. Телия, образы, закрепленные во фразеологии, выступают как средство накопления и отражения

отличительных черт мировидения народа-носителя языка, свидетельствуя о его национальных традициях [Телия 1996]. Немецкие и русские фразеологизмы с милитарным компонентом достаточно широко используются в речи, представляя собой особенную подсистему языка, источником возникновения которой выступают военно-политические отношения, военное дело, события военной истории.

В результате сопоставительного анализа фразеологизмов военной сферы немецкого и русского языков было установлено, что культурные смыслы, заложенные в основе образов фразеологизмов военной сферы, маркируются лингвокультурными кодами [Ахметсагирова 2010]. Л. И. Ахметсагирова разграничивает в своей работе три лингвокультурных кода для обоих языков: антропоморфный, квантитативный и объектный. Антропоморфный лингвокультурный код состоит из нескольких субкодов: «народы», «имена исторических личностей», «соматизмы». В квантитативный код включены наименования войсковых подразделений, а также компоненты-соматизмы, представляющие собой уникальные образы в основе фразеологизмов военной сферы русского языка. В немецком и русском языках объектный лингвокультурный код наиболее представлен субкодами «оружие», «военная техника», а также «принадлежности вооружения» [Ахметсагирова 2010: 17 – 18].

Данные субкоды позволяют выделить две группы ФЕ с милитарным компонентом, а именно, ФЕ с милитарным компонентом, в которых образ представлен имплицитно и требует этимологических разысканий, и эксплицитно. Примеров ФЕ с милитарным компонентом, представленным эксплицитно, довольно много, например, субстантивные фразеологизмы *братья по оружию* – «единомышленники, близкие, много вместе испытавшие люди» [Телия 2009]; *бомба замедленного действия* – «о чем-либо, таящем в себе опасность в будущем» [Баранов, Добровольский 2007]; глагольные *вставить фитиль/ фитиля* – «наказать, отругать» [Баранов, Добровольский 2007]; *под дулом автомата* – «заставлять (принуждение, насилие)» [Телия

2009]; *ломать/поломать копы* – «упорно отстаивать свои взгляды» [Телия 2009]; *скрестить мечи/ шпаги/ клинки* – «вступить в открытый бой, спор» [Баранов, Добровольский 2007]; *сложить оружие* – «прекращать вооружённое сопротивление, признавая своё поражение; отказываться от каких-либо действий, от борьбы» [Баранов, Добровольский 2007]; *взять на мушку* – «прицеливаться в кого-, что-л.; сосредоточивать на ком-, чем-л. свое внимание, брать под наблюдение» [Баранов, Добровольский 2007]; *поднимать на щит / поднять на щит* – «превозносить, восхвалять» [Телия 2009]; *на прицеле, держать на прицеле* – «иметь что-либо в виду, на примете»; *стрелять из пушек по воробьям* – «тратить много сил по пустякам» [Телия 2009]; адъективные *страшнее атомной войны; страшна как Третья мировая (война)* [Баранов, Добровольский 2007]; *вооруженный до зубов* [Баранов, Добровольский 2007]; адвербиальные *бить смертным боем* – «сильно, беспощадно (избивать кого-либо)» [Баранов, Добровольский 2007].

Рассмотрим подробнее несколько фразеологизмов внутри этой группы. Фразеологизм *в штыки встречать (принимать)* – «принимать, встречать с крайней враждебностью» [Телия 2009]. Как видно из этого примера, ключевым компонентом в исходном фразеологизме является единица «штык». Как известно, штык представляет собой колющее оружие, примыкающее к стволу ружья или винтовки, автомата, карабина, что позволяло использовать его в качестве копы во время штыкового боя [Телия 2009].

Фразеологизм *второй эшелон* с компонентом «эшелон» пришло из французского языка, означает «часть боевого порядка войск, часть общей колонны или поезд специального назначения для массовых перевозок», значение ФЕ трактуется в словарях как «второстепенные по степени значимости, влиянию правящие органы, государственные структуры, лица» [Мокиенко 2003: 149].

Опорный компонент «бомба» среди ФЕ с милитарным компонентом в русском языке представлен немногочисленно: *бомба замедленного действия*

– «о том, что таит в себе опасность в будущем», *влететь бомбой, как бомба* – «стремительно войти, вбежать»; *настоящая бомба* – «то, что может произвести сенсацию» [Баранов, Добровольский 2007].

Фразеологизмы с компонентом «пушка» содержат компонент, относящийся к военной технике, пушка является типом артиллерийского орудия: *пушечное мясо* – «солдаты, обреченные на бессмысленную гибель», *пушкой не поднять* – «о пьяном или крепко спящем человеке», *пушкой не прошибешь* – «о тесно стоящей толпе, о большом скоплении людей», *стрелять из пушек по воробьям* – «тратить много сил по пустякам» [Телия 2009].

Существительное “порох” (“метательное взрывчатое вещество, применяемое для изготовления патронов и снарядов” [Ожегов: 1992]) является стержневым компонентом целого ряда ФЕ в русском языке.

В качестве примера фразеологизмов с компонентом “порох” можно привести фразеологизмы: *(сидеть) на пороховой бочке/ на пороховом погреб* – «быть, находиться в крайне рискованном положении, в постоянном ожидании опасности, неприятностей», *пороховая, пороховой погреб* – «взрывоопасная ситуация, обстановка»; *пахнёт/ запахло порохом* – «близится, назревает война»; *пороха/ пороху не выдумает* – «не отличается способностями; совершенно посредственный»; *есть ещё порох в пороховницах!* – «о способности совершить еще немало, о крепком здоровье, хорошем самочувствии или большом потенциале человека способного на многие значительные дела, хотя окружающие этого от него уже и не ждут»; *как порох вспыхнуть; с порохом кто-л.* – «перен. о вспыльчивом или очень пылком человеке»; *у кого-л. пороху не хватает / хватило* – «не хватает сил, настойчивости для чего-н., смелости» [Баранов, Добровольский 2007].

Для выделяемой нами второй подгруппы характерно имплицитное включение военного компонента, происхождение фразеологизмов данной

подгруппы восходит к событиям и образам военной сферы и военной лексики, например, военных событий, истории, речи солдат.

ФЕ *тихой сапой* – «действовать, добиваться чего-л. незаметно» [Телия 2009] требует в данном случае этимологической справки. Само выражение пришло из речи военных, а именно, «сапер» (военнослужащий инженерных войск, разминирующий местность, устанавливающий минные заграждения и т.д.) в переводе с французского языка означает «вести сапы, подкапываться» (пришло в русский язык в эпоху правления Петра I, когда специалисты с Запада привезли с собой кроме новых знаний это новое слово, заимствованное в русский практически без изменений). Таким образом, ФЕ *тихой сапой* означает «сделать что-то не привлекая внимания, втихомолку, не спеша».

Фразеологизм *лезть на стенку*, описывающий эмоции человека – возмущение, негодование, гнев, возник среди воинов во времена старой Руси. Города в те времена были укреплены высокими деревянными или каменными стенами и брать штурмом такие сооружения было крайне опасно. В атакующих такие стены сверху стреляли, кидали камнями, обливали смолой и кипящей водой, поэтому необходимо было проявить отвагу для штурма и атаки таких сооружений. В настоящее время фразеологизм приобрел несколько иное значение – «приходить в крайнее раздражение, иступление» [Ожегов 1992].

Фразеологизм *заводиться с пол-оборота/ полуоборота* – «быстро приходить в состояние возбуждения, эмоционального напряжения; будучи несдержанным, остро и болезненно реагировать на замечания, критику, сердиться из-за пустяков» [Мокиенко 2007] возник в годы Великой Отечественной войны в речи механиков, летчиков, и употребляли его, если говорили о быстро заводившемся моторе самолета.

Таким образом, в результате осуществленного нами анализа, в русском языке наиболее представлены фразеологизмы с военным компонентом, представленным эксплицитно, в которых объектный лингвокультурный код

выражен субкодами «оружие», «военная техника», а также «принадлежности вооружения».

2.1.2 Фразеологизмы с милитарным компонентом в немецком языке

Фразеологизмы с милитарным компонентом достаточно широко представлены в немецком языке, представляя особенную подсистему языка, источником возникновения которой выступают военно-политические отношения, военное дело, события военной истории, например, глагольные *zum Schwert greifen* – «взяться за меч»; *das Schwert (gern) in die Scheide stecken* – «закончить мирно спор»; *Dolche blicken* – «метать гневные взгляды»; *Dolche sprechen* – «метать громы и молнии»; *jmdn. Pulver und Blei verurteilen* – «приговорить кого-л. к расстрелу»; *jmdm. vor die Flinte kommen* – «попадать кому-л. на мушку»; *jmdn. in Harnisch bringen* – «приводить в бешенство (в ярость) кого-л.» (букв. «поместить кого-л. в доспехи»); *mit Kanonen auf (nach) Spatzen schießen* – «стрелять из пушек по воробьям»; *alle Minen springen lassen* – «использовать все для достижения цели» (букв. «взрывать все мины»); адъективные *keinen Schuß Pulver wert sein* – «гроша ломаного не стоить»; *wie ein Spieß hinter der Tür sein* – «быть всегда наготове (букв. «как копьё за дверью»); *fest gegen Hieb und Stich sein* – «быть неуязвимым»; *etw. ist hieb- und stichfest* – «к чему-л. не подкопаться» [Duden 2008]; адвербиальные *wie aus der Kanone geschossen* – «мгновенно, с быстротой молнии (употребляется по отношению к быстрому ответу, реплике)»; *wie aus der Pistole geschossen* – «мгновенно, молниеносно (употребляется по отношению к быстрому (остроумному) ответу)» [Duden 2008]; междометные *Da schlage eine Bombe drein!* – «выражение сильного недовольства и удивления» [Duden 2008].

В немецком языке фразеологизмы с милитарным компонентом можно разделить на две подгруппы как и в русском языке.

Приведем несколько фразеологизмов с эксплицитным образом: *etw. mit dem Schwerte teilen* – «делить при помощи меча; решать что-л. силой»; *zwischen*

zwei Schwerten stehen – букв. «стоять между двумя мечами; находиться между двумя опасностями; между двумя огнями»; *das Pulver trocken auf der Pfanne haben* – «быть наготове; быть в боевой готовности» (букв. «держат порошок сухим на полке кремневого замка»); *kein Pulver riechen können* – «труситься (о солдатах)» (букв. «не выносить запаха пороха»); *Pulver gerochen haben* – «понюхать пороху»; *für jmdn., etw. eine Lanze brechen* (реже: *einlegen*) – «решительно вступаться за кого-л.; встать на защиту кого-л., чего-л. (букв. «сломать копье за кого-л., что-л.»)».

В конце XIII века на Западе швейцарская пехота создает баталию (*Haufen* – «отряд»), благодаря ударной силе которой швейцарская пехота приобрела большую известность. Сама тактика ведения боя баталией появилась в XV–XVI веках среди ландскнехтов.

В современном немецком языке существует несколько фразеологизмов со стержневым компонентом *Haufen*. Опорное слово *Haufen* встречается в ФЕ: *ein verlorener Haufen* – «ист. отряд (ландскнехтов), начинающий сражение»; *zum alten Haufen fahren* – «отправляться к старой гвардии, отправляться на тот свет»; *wieder beim Haufen* (auch: *bei der Bande*) *sein* – «вернуться в строй»; *der große Haufen* – «армия». Фразеологизм – *in hellen Haufen kommen* – «валить толпой» – возник в результате дальнейшего расширения первоначального значения прототипа» [Мальцева 1991].

Отдельным источником, благодаря которому в немецком языке возник целый ряд фразеологизмов с милитарным компонентом, стало проведение средневековых рыцарских турниров с колющим и режущим оружием (*Hieb- und Stichwaffen*).

Одним из древних видов колющего оружия был меч (*Dolch*). С XIII столетия использовался как оружие. В то же за кинжалом закрепилась коварного убийства из-за угла. В немецком языке мы целый ряд со компонентом *Dolch* (меч): *jmdm. einen Dolchstoß versetzen* – «поразить кого-л. в сердце, нанести коварный удар»; *jmdm. den Dolch auf die Brust setzen* – «брать за горло кого-л., на горло кому-л. наступить»; *ein Dolchstoß in den Rücken* –

«нож (удар ножом) в спину; удар (обычно тот, от кого не ждут)»; *er blickt Dolche* – «он мечет гневные взгляды»; *er spricht Dolche* – «он мечет громы и молнии».

Еще одной функцией кинжала было нанесение рыцарю решающего удара, иными словами «Gnadenstoß». Фразеологизм *jmdm. den Gnadenstoß geben* ассоциируется с этой функцией кинжала как боевого оружия *jmdm. den Gnadenstoß geben* имеет два значения: 1) «добить, прикончить кого-л.»; 2) «покончить с кем-л. наиболее милостивым способом».

Древнейшим колющим и рубящим оружием ближнего боя является также меч (*Schwert*). Данная разновидность холодного оружия применялась в древности и в средние века в пехоте и в коннице.

Меч же у многих народов был символом власти, законности и правосудия. Но в то же время он оставался символом войны. Эти функции меча отражены в следующих фразеологизмах: *zum Schwert greifen* – «букв. взяться за меч; вступить в спор»; *etw. mit dem Schwerte teilen* – «решать что-л. силой»; *zwischen zwei Schwertern stehen* – «находиться между двумя опасностями; между двумя огнями»; *das Schwert (gern) in die Scheide stecken* – «закончить мирно спор».

Целью рыцарских турниров в Европе в эпоху Средневековья было показать боевые навыки рыцарей. Одним из важных качеств, которым должны были обладать рыцари было владение холодным оружием. Такую особенность можно видеть во ФЕ *eine scharfe Klinge führen [schlagen], den Degen führen [tragen], die Klingen kreuzen* – «скрестить шпаги» [Мальцева 1991].

Можно встретить целый ряд фразеологизмов с компонентом «Pulver» (порох) в немецком языке. Рассмотрим некоторые примеры, например, фразеологизм *er hat das Pulver nicht erfunden* – «о недалеком человеке». Фразеологизм *das Pulver trocken auf der Pfanne haben* – «букв. держать порох сухим на полке кремневого замка» напоминает о важном условии, которое необходимо соблюдать при для огнестрельного оружия, чтобы порох оставался сухим. Вот еще несколько ФЕ с этим стержневым компонентом: *kein*

Pulver riechen können – «букв. не выносить запаха пороха»; *Pulver gerochen haben* – «понюхать пороху»; *jmdn. zu Pulver und Blei verurteilen* – «приговорить кого-л. к расстрелу»; *keinen Schuß Pulver wert sein* – «гроша ломаного не стоить»; *(all) sein Pulver verschossen haben* – «истощить запас аргументов (букв. расстрелять свой порох)».

Рассмотрим несколько фразеологизмов с милитарным компонентом, с имплицитным образом в основе. Фразеологизм *hieb- und stichfest sein* – букв. «быть прочным, выдерживать колющие и рубящие удары противника; быть неуязвимым, неопровержимым».

Фразеологизм восходит к средневековью, когда рыцари защищали себя доспехами и отражали атаки мечей, клинков и другого оружия противников и происходит от *fest gegen Hieb- und Stichwaffen*. Во ФЕ *auf jmdn. geladen sein* – «злиться, разъяриться, букв. быть заряженным» – имплицитно заложен образ огнестрельного оружия (*Schußwaffe*), которое может выстрелить в любой момент; *etw. Revue passieren lassen* – букв. «принимать парад войск; перебирать в уме (в памяти)». Этот фразеологизм возник из милитарной лексики и заимствования из французского языка «*revoir*» – встреча. Компонент «*passieren lassen*» первоначально описывал процесс шествия марширующих армий [Duden 2008]. К данной подгруппе относится и фразеологизм *am Boden zerstört sein*, буквально означает «быть уничтоженным на земле», однако в рассматриваемой ФЕ заложен образ самолета, и он также представлен имплицитно. Фразеологизм возник во времена Второй мировой войны, когда самолеты могли быть уничтожены еще до взлета, на земле.

Примечательно в этой связи наличие межъязыковых образных соответствий ФЕ с милитарным компонентом в сопоставляемых языках: рус. *с открытым забралом, выступать/ выступить с открытым забралом* – нем. *mit offenem Visier kämpfen [fechten]*; рус. *бряцать оружием* – нем. *mit dem Säbel rasseln, mit dem Degen rasseln*; рус. *вложить меч в ножны* – нем. *das Schwert in die Scheide stecken* и др. В процессе общения представители обеих

лингвокультур смогут без труда понять такие фразеологизмы с милитарным компонентом, поскольку совпадают заложенные в них образы.

Стоит отметить, что подгруппа фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языках, в которых образ представлен имплицитно, количественно меньше подгруппы фразеологизмов с эксплицитным милитарным компонентом.

Универсальные образы фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языке свидетельствуют о том, что лингвокультура вбирает в себя опыт и знания культурного наследия в процессе номинации и познания мира. Таким образом, совпадение образов фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языках связано со схожестью объективного источника, которым является внешний мир.

2.2. Языковой контекст как ведущая среда для функционирования ФЕ

Как уже было отмечено, исследование проводилось на базе интернет-ресурсов. За основу были взяты электронные версии газет – их заголовочный комплекс и основной текст статьи.

Обращение к текстам СМИ в работе объясняется несколькими причинами: 1) тексты СМИ быстрее других текстов реагируют на происходящие в мире события; 2) тексты периодических изданий должны находить отклик у читателей, т. е. они ориентированы именно на реципиента – среднестатистического носителя немецкого и русского языков; 3) выборка из региональных изданий также представляется необходимым источником актуализирующих контекстов, поскольку эти газеты ближе к той среде и языку, которым пользуются обычные носители обоих языков, что позволяет рассмотреть употребление фразеологизмов в их современном функционировании в контексте, расширить объем источников и более глубоко рассмотреть материал исследования.

Необходимо отметить, что под употреблением в этой части работы понимается использование фразеологизма в лингвистическом контексте.

В ходе анализа было зафиксировано меньшее число употреблений фразеологизмов в текстах СМИ, чем было выявлено в процессе выборки из лексикографических источников. Это объясняется тем, что некоторые фразеологизмы в текстах СМИ не были встречены.

Появление фразеологизмов с милитарным компонентом в заголовочном комплексе и в тексте статьи можно представить в виде диаграммы (Рисунок 1), которая показывает частотность употребления фразеологизмов в заголовочном комплексе газетной статьи и непосредственно в самом тексте:

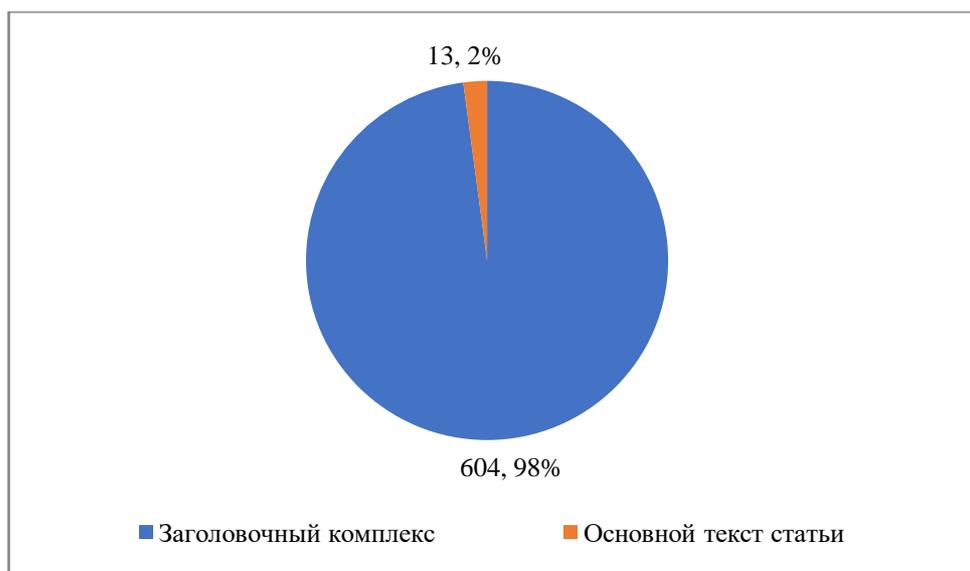

Рисунок 1 – Расположение ФЕ в контексте

Из диаграммы очевидно, что число употреблений фразеологизмов с милитарным компонентом в заголовочном комплексе значительно превышает число употреблений в самом тексте статьи и составляет 98 % (604 контекста). Это свидетельствует о том, что наибольшей популярностью фразеологизмы с

милитарным компонентом в немецком и русском языках пользуются в заголовках газетной публицистики.

Фразеологизмы с милитарным компонентом в узуальном или модифицированном виде в качестве заголовков служат для обозначения темы повествования, тем самым они аккумулируют внимание реципиента, а контекст актуализирует и поддерживает значение фразеологизма посредством включения внутриконтекстных элементов со сходной семантикой, присущей ключевым компонентам семантики фразеологизма.

Это можно объяснить тем, что язык СМИ имеет свою функционально-стилистическую задачу. Отбор языковых средств в текстах СМИ, совмещающих в себе функции номинации и оценки, обусловлен необходимостью воздействия на массового реципиента и периодичностью осуществления коммуникации, ее оперативностью, что предопределяет две главные взаимосвязанные функции СМИ: *воздействующая и информационная*.

Так, одной из форм реализации информационной функции является оперативное освещение происходящих событий, актуальность и лаконичность подачи материала.

Осуществление воздействующей функции в газетной статье направлено на мнение людей, на создание образа того иного лица, предмета, явления, события, на формирование определенного отношения к происходящим внешним и внутренним общественно-политическим, социальным, экономическим проблемам. Привлечение фразеологизмов с милитарным компонентом в заголовочный комплекс продиктовано стремлением сделать язык газеты коммуникативно общезначимым, то есть ясным и выразительным, точным и кратким.

Выборка материала в текстах СМИ производилась вне зависимости от тематики газетной статьи. Однако было замечено, что употребление фразеологизмов с милитарным компонентом в немецких текстах СМИ встречается, в основном, в таком разделе газеты, как «внутренняя политика» –

45 % (146 употреблений), «внутренняя политика» – 25 % (81 употребление), иногда «экономика» – 15 % (48 употреблений) и «спорт» – 10 % (32 употребления), реже «социальная жизнь» – 5 % (16 употреблений).

В российских текстах СМИ употребление фразеологизмов с милитарным компонентом характерно в разделах: «внешняя политика» – 45 % (132 употребления), «внутренняя политика» – 20 % (59 употреблений), «экономика» – 20 % (58 употреблений), «спорт» – 10 % (29 употреблений) и «социальная жизнь» – 5 % (14 употреблений).

В статьях, освещающих внутреннюю и внешнюю политику Германии и России, узуальное и окказиональное употребление фразеологизмов характерно в заголовочном комплексе. Это можно объяснить тем, что авторы статей стремятся броско и метко выразить происходящие события, привлечь внимание читателя к публикации. Среди модификаций фразеологизмов с милитарным компонентом, встреченных в текстах СМИ в русском и немецком языках, встречается замена компонента и расширение компонентного состава фразеологизма в заголовочном комплексе.

2.2.1 Актуализирующий объем контекста

2.2.1.1 Актуализирующий объем контекста в русском языке

Исследование процессов актуализации фразеологизмов в языковом контексте показало, что для семантизации фразеологизма необходимо два условия, а именно достаточный объем контекста для расположения в нем актуализирующих элементов и сами актуализирующие элементы с такими компонентами семантики, которые совпадают полностью или частично с ключевыми компонентами семантики фразеологизма (далее – актуализаторы).

В ходе анализа нами было установлено, что для актуализации семантики фразеологизмов с милитарным компонентом в лингвистическом контексте в русском и немецком языках преобладает развернутый контекст 95 % (586 контекстов), состоящий из ряда предложений, абзаца или нескольких абзацев,

а макроконтекст, представляющий весь объем текста газетной статьи, необходимый для актуализации семантики фразеологизма, составляет 5 % (31 контекст).

В рамках развернутого контекста, в приведенном примере представлен отрывок текста статьи, необходимый для актуализации семантики фразеологизма *под дулом пистолета*:

Под дулом пистолета. Маск отказался блокировать российские СМИ.

Американский предприниматель Илон Маск заявил: «Правительства некоторых стран (не Украины) попросили Starlink заблокировать российские новостные источники. Мы сделали бы это, если бы нас поставили в жесткие рамки, применили методы воздействия, что, в свою очередь, невозможно. Извините, но я сторонник абсолютной свободы слова», – написал он на своей странице в Twitter (НовР 4.03.22).

Для правильного понимания ФЕ *под дулом пистолета* необходим объем лингвистического контекста, представленный предложениями, то есть развернутый контекст.

Значение ФЕ *под дулом пистолета* – «подчиняясь грубому насилию» реализуется в данном примере с помощью контекста. Наиболее значимые семантические компоненты значения фразеологизма «под дулом пистолета» «подчинение», «насилие», «грубость» актуализируются с помощью ключевых лексем контекста, имеющих те же семантические компоненты, например, «воздействие» (глагол. воздействовать – оказав влияние, добиться (-иваться) необходимого результата). Интересно, что одним из актуализаторов значения рассматриваемой в данном примере ФЕ является другое устойчивое выражение *поставить в жесткие рамки* со сходными семантическими компонентами – «принуждение», «отсутствие свободы действия».

Макроконтекст в русском языке представлен целыми текстами статей, необходимыми для актуализации семантики фразеологизмов с милитарным компонентом, что демонстрирует приводимый ниже пример с фразеологизмом *есть еще порох в пороховницах!* Известно, что пороховницы

– это небольшие ёмкости для хранения и переноски небольшого количества пороха. Если порох в них ещё остался, то воин мог продолжать битву. Отсюда значение фразеологизма сводится к обозначению силы, мужества, отваги, крепкого здоровья. Это и желание идти до конца, использовать все свои силы для достижения результата, способность на свершение значительных дел, когда окружающие уже не ожидают.

В тексте фразеологизм употребляется в заголовке: ***Есть еще порох в пороховницах!** Настоящих ветеранов, участников Великой Отечественной, осталось не так уж и много. Прошедшая акция «Крымской инициативы» так была важна и нужна троем не просто участникам войны, но непосредственно принимавшим участие в освобождении Симферополя... Организаторы постарались сделать праздник для ветеранов... И праздник удался! Да и ветераны показали себя удалыми кавалерами! Освободители Симферополя и блокадницы делились воспоминаниями, пели фронтовые песни, а потом пустились в пляс! Они «приняли» свои боевые «сто грамм» и стали танцевать и показывать, что они еще готовы на многое. – Все дальше эхо отгремевшей войны, все меньше остается тех, кто эту войну вынес на своих плечах, и так хочется их порадовать, услышать их рассказы, такие простые и поэтому такие пронзительные! Низкий вам поклон, родные! Живите долго, будьте здоровы! Вам еще молодежи обо всем нужно рассказать, обратилась к ветеранам одна из организаторов. – Вот это люди! Нам так не жить. Крепкое поколение! – отмечали другие (СпбВ 07.05.16).*

На данном примере употребления фразеологизма макроконтекст представлен рядом предложений, выходящим за рамки абзаца в текст.

В приведенном примере для верной интерпретации значения фразеологизма, несмотря на значительное число внутриконтекстных актуализаторов, необходим весь объем текста, сочетания предложений, что связано с невозможностью понять смысл использованного фразеологизма из отдельно взятых из контекста актуализаторов.

Выделяя семантические компоненты значения фразеологизма *есть еще порох в пороховницах!* – «сила», «отвага», «волевое поведение», «удальство», в контексте можно встретить актуализирующие лексемы, имеющие схожие семантические компоненты, например, *удалыми кавалерами* – (удалой – «преисполненный отваги») и *крепкое поколение* (крепкий – «не подверженный разрушению»), а также два устойчивых выражения – *пуститься в пляс* (танцевать без устали – «удальство») в предложении *Освободители Симферополя и блокадницы делились воспоминаниями, пели фронтовые песни, а потом пустились в пляс!* и *быть готовым на многое* (о человеке, решившемся преодолеть все трудности – «волевой характер») в предложении *Они «приняли» свои боевые «сто грамм» и стали танцевать и показывать, что они еще готовы на многое.*

На материале русского языка были зафиксированы как развернутый контекст, так и макроконтэкст. Актуализация семантики фразеологизмов с милитарным компонентом в русском языке происходит, в основном, в рамках развернутого контекста.

2.2.1.2 Актуализирующий объем контекста в немецком языке

В немецком языке в процессе контекстуального анализа было выявлено, что при актуализации значения фразеологизма с милитарным компонентом, как и в русском языке, преобладает развернутый контекст. Данный вид контекста представлен рядом предложений, одним абзацем или несколькими абзацами.

Приводимый отрывок текста представляет развернутый тип контекста, так как представлен несколькими предложениями, необходимыми для актуализации и правильного понимания фразеологизма *das (sein) Pulver trockenhalten* – «разг. держать сухим; быть в боевой готовности», напоминает об обязательном для огнестрельного оружия, порох сухим.

С этого фразеологизма мы в заголовке: *Wir müssen das **Pulver trocken halten**. Nach Ansicht vieler sollte die Bundesregierung mehr investieren. Finanzminister Jens Spahn kommentiert die aktuelle Situation jedoch so, dass es Schwierigkeiten gibt und man in«Kampfbereitschaft» sein muss, der Staat kein Geld mehr geben kann, jetzt ist es wichtig, alle Schulden zu tilgen und dies mit Zukunftsperspektive zu tun* (НВ, 20.01.17). Заместитель финансов Йенс Шпан сложившуюся таким образом, что есть и быть в«боевой» готовности, не может отдавать деньги, важно все и это с перспективой на будущее. Таким образом, для актуализации значения ФЕ необходим развернутый контекст, сочетания предложений внутри абзаца, внутри которых расположен внутриконтекстный актуализатор, выражение *in «Kampfbereitschaft» sein* («Bereitschaft zum Kämpfen») имеющее тот же семантически сходный компонент, как и у фразеологизма *das (sein) Pulver trockenhalten* – «боевая готовность».

В современном немецком языке мы встречаем употребление фразеологизма с опорным словом *Visier* – «прицел, визир»: *jmdn. ins Visier nehmen* – «разг. внимательно за кем-л., наблюдать за кем-л. (букв. взять на прицел)». Например, в заголовке статьи: *Verfassungsschutz soll «Reichsbürger» ins Visier nehmen. Nach den tödlichen Schüssen eines «Reichsbürgers» auf Polizisten soll der Inlandsgeheimdienst die radikale Gruppierung genauer beobachten. Man müsse alle Unterlagen der vergangenen Jahre aufheben, um die Folgen genauer darzustellen. Der innenpolitische Sprecher der CDU/CSU-Bundestagsfraktion, Stephan Mayer, will die Bewachung der zersplitterten Organisation durch das Bundesamt für Verfassungsschutz prüfen lassen. Es ist wichtig, das Geschehene sehr genau zu untersuchen. Anlass ist der Angriff eines 49-jährigen «Reichsbürgers» auf vier Polizisten in Franken, bei dem ein Beamter starb. Wir müssen dieses Thema sehr ernst nehmen. «Der Fall muss Konsequenzen haben. Es ist sinnvoll, kleine Details nicht zu ignorieren», sagte Mayer* (TZ, 21.10.16). Ведомство по охране конституции должно следить за рейхсбюргерами. До настоящего момента правоэкстремистское движение – рейхсбюргеры были вне поля ведомства, однако теперь стоило бы поменять

отношение к ним, так как в ходе обыска 49-летнего мужчины у входа в здание муниципалитета в коммуне Георгенсгмюнд была открыта стрельба, в которой четверо полицейских получили ранения. В настоящий момент стрелок задержан. Полиция подчеркивает, что мужчина является участником правоэкстремистского движения Reichsbürger (граждане рейха):

Для верного понимания значения ФЕ задействован развернутый контекст, завершённый в смысловом содержании абзац текста, включающий ряд предложений с рядом актуализирующих внутриконтекстных актуализаторов:

genauer beobachten («über eine gewisse Zeit aufmerksam, genau betrachten, mit den Augen verfolgen») – (пристальнее наблюдать);

die Folgen genauer darzustellen («aufmerksam; mit den Augen verfolgen») – (более точно представить последствия);

das Geschehene sehr genau zu untersuchen («aufmerksam; mit den Augen verfolgen») – («детально расследовать произошедшее»);

dieses Thema sehr ernst nehmen; («von Ernst [und Nachdenklichkeit] erfüllt; nicht sorglos-heiter, nicht lachend») – («всерьез воспринимать тему»), среди которых можно выделить ключевые лексемы контекста со сходными семантическими компонентами, например, «пристальное наблюдение», «контроль», «настороженность».

Таким образом, объем контекста, задействованного при актуализации семантики фразеологизма с милитарным компонентом, чаще представлен словосочетаниями, предложениями, обычно составляя абзац текста. Для актуализации семантики фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком и русском языках обычно достаточно развернутого контекста, абзаца из всего текста газетной статьи, в котором расположены актуализаторы значения семантики фразеологизма, использованного в тексте статьи.

2.3. Структурные особенности актуализирующих контекстов значение фразеологизма

2.3.1 Структурные особенности актуализаторов значения фразеологизмов

Процесс актуализации значения фразеологизма не ограничивается, естественно, только объемом контекста. Объем контекста вторичен по отношению к конкретным языковым элементам, обеспечивающим реализацию значения ФЕ. Он необходим для расположения в нем собственно этих указывающих элементов – актуализаторов.

В своей работе мы придерживаемся определения, предложенного А. В. Куниным, который под актуализатором понимает слово, словосочетание, предложение или группу предложений, семантически связанных с употребляющимися в данных контекстах фразеологизмами, вводящих их в речь при узуальном или окказиональном использовании (см. п. 1.3.2).

Актуализирующие значение фразеологизма внутриконтекстные элементы, актуализаторы представлены языковыми единицами различных объемов – от слова до нескольких предложений, что позволяет разделить их на цельнооформленные и раздельнооформленные. Воздействие всех актуализаторов в контексте направлено на значение фразеологизма, независимо от его узуального или окказионального употребления.

2.3.1.1 Структура актуализаторов в русском языке

Обращает на себя внимание высокая частотность употребления ряда фразеологизмов в русскоязычной прессе. В ходе контекстуального анализа примеров употребления ФЕ русского языка в контекстах (294 употребления), общее число актуализаторов составило 521 единицу.

Фразеологизм *пороховая бочка* неоднократно встречается в текстах и заголовках, особенно характерно его употребление в статьях о политических

и военных событиях. Однако употребление ФЕ *пороховая бочка* встречается не только в связи политическими и военными сюжетами на страницах газет, но и для описания ситуаций повседневной жизни.

В Казани загорелось крупное предприятие по производству краски недалеко от жилого поселка: *Мы живем на пороховой бочке! Пожар в Казани едва не стер с лица земли забытый всеми поселок. Крупный пожар случился 14 мая на предприятии по производству краски. Цистерны с десятками тонн ацетона, толуола и изобутанола горели в непосредственной близости к жилому поселку. Как рассказали местные жители, пожар начался с серии взрывов. На месте происшествия журналист оказался одновременно с первыми пожарными расчетами и следил за ходом тушения огня с самого начала. ... Мы живем здесь как на пороховой бочке. Жителей не эвакуируют. Растекающаяся жидкость грозила спалить деревянные постройки. Угроза сохранялась даже когда пожарные полностью справились с огнем. Поэтому местные жители схватились за лопаты, чтобы соорудить защитный вал и не дать химикатам оказаться на участке (МК, 01.10.20).* Значение фразеологизма с наиболее значимыми семантическими компонентами «напряженность», «опасность», «разрушение» раскрывается благодаря контекстным актуализирующим значением ФЕ элементам разной структуры и объема с семантическими компонентами значения лексем, сходными с ключевыми семантическими компонентами фразеологизма *пороховая бочка*: цельнооформленному актуализатору – слову *угроза* – «заключать в себе опасность», раздельнооформленным актуализаторам в виде устойчивого выражения:

едва не стер с лица земли – «уничтожение», «разрушение до основания»;
и предложений:

...горели в непосредственной близости к жилому поселку – (глагол. гореть – «поддаваться действию огня, уничтожаться огнем») «уничтожение»;

пожар начался с серии взрывов – (глагол. взрывать – «разрушать что-л. взрывом») «разрушение»;

растекающаяся жидкость грозила спалить деревянные постройки – (глагол. грозить – «внушать опасения», «предвещать беду») – «опасность».

Как было отмечено выше, преобладающим типом актуализаторов значения ФЕ в русском языке выступают раздельнооформленные актуализаторы. В ходе анализа лингвистических контекстов было установлено, что наибольшее число актуализаторов в русском языке составляют предложения 63 % (330 единицы) и словосочетания 35 % (181 единица).

Рассмотрим возможности контекстной реализации ФЕ данной тематической группы и раздельнооформленные типы актуализаторов значения фразеологизма в тексте русскоязычной публицистики.

В газетных заголовках и в текстах статей, посвященных вопросам политики, встречается ФЕ *тихой сапой*. Получившая реализацию в контексте ФЕ хорошо подходит для ситуации вокруг политических и экономических событий, связанных с Украиной, Россией, НАТО и другими странами: *В переговоры по Косово тихой сапой вклиниваются США* (НГ, 19.02.22); *Тихой сапой. Как на Украине могут появиться иностранные военные базы* (К, 16.04.21); *Китай тихой сапой скупает Украину* (К, 28.01.17); *Тихой сапой. Команда Зеленского готовится к местным выборам* (МК, 27.11.19); *Новая стратегия США на руинах Украины–операция «Тихой сапой»* (И, 23.04.19).

Рассмотрим контексты употребления данного фразеологизма с имплицитным милитарным образом в основе на примере текста:

*В переговоры по Косово **тихой сапой** вклиниваются США. [...] Запад замалчивает свои цели и использует Украину, злоупотребляя своим влиянием на неё [...] чтобы втянуть Сербию в НАТО и отдалить от России* (НГ, 19.02.22).

В лингвистическом контексте употребления данной ФЕ, ключевыми компонентами семантики которой являются «скрытность», «незаметность», актуализаторы значения ФЕ представлены рядом предложений:

...Запад замалчивает свои цели и использует Украину, злоупотребляя своим влиянием на неё... (глагол. замалчивать – «умышленно не упоминать о ком-л., чем-л., скрывать»);

... Но Запад подкупал и финансировал албанский сепаратизм в Косово..., чтобы затем, контролируя эту горячую точку, оказывать на нас различное давление.. (глагол. подкупать – привлекать, преклонять тайно на свою сторону подарками, деньгами, прикармливать, задабривать);

...чтобы втянуть Сербию в НАТО и отдалить от России, удалось негласно выстроить своего рода «глубинное государство» в Сербии – негласно – «тайно», «секретно».

Актуализаторами значения ФЕ *тихой сапой* – «сделать что-то не привлекая внимания, втихомолку, не спеша» стали раздельнооформленные актуализаторы, выраженные рядом предложений и находящиеся в постпозиции по отношению к ФЕ. Такое расположение актуализаторов в постпозиции к ФЕ выполняет разъяснительную функцию, раскрывая намерение автора усилить эффект от использованной в контексте ФЕ.

В данном примере контекста можно наблюдать ФЕ *под дулом пистолета* – «подчиняясь грубому насилию»: *США готовы к дипломатическому урегулированию на Украине» речь идет о развернувшихся событиях на Украине, скептическом отношении США к положительному исходу переговоров между Россией и Украиной. Автор приводит речь официального представителя госдепартамента США Неда Прайса о развитии дипломатических отношений между Россией, США, Украиной и европейскими союзниками: «...–Дипломатия **под дулом пистолета**, стволем пушки – это не настоящая дипломатия. Вряд ли она принесет результаты в разгар конфронтации»,– сказал Прайс» (КП, 01.03.22).*

Семантические компоненты значения фразеологизма *под дулом пистолета* – «подчинение», «насилие», «грубость» актуализируются с помощью имеющих те же семантические компоненты «принуждение», «противостояние» раздельнооформленных актуализаторов в постпозиции,

выраженных словосочетаниями, указывая, таким образом, на невозможность дипломатических переговоров в момент проведения военной операции на территории Украины:

под стволем пушки – контекстуальный синонимом фразеологизма с семантическим компонентом «принуждение»;

в разгар конфронтации – (конфронтация – «жёсткое противостояние, противоборство, столкновение взглядов, принципов»);

Привлекает внимание авторов газетных публикаций в российских СМИ ФЕ *поднять на щит* – «восхвалять, превозносить» и активно помещается в заголовочный комплекс. Рассмотрим некоторые типичные факты контекстной реализации ФЕ *поднять на щит*.

В статье речь идет о проекте собрания сочинений Петра Николаевича Краснова, присланном самарскому поэту и журналисту Владимиру Клименко: *Кто поднимает на щит предателя атамана Краснова?» В станице Еланской Шолоховского района Ростовской области открыли мемориальный комплекс, посвященный памяти донских казаков, погибших в борьбе с большевиками, в том числе на стороне Гитлера. В центре мемориала в знак признания – бронзовая фигура большого писателя, талантливого государственного, военного и общественного деятеля Петра Краснова... Об украинских фашистских прихвостнях, к примеру Бандере и Шухевиче, буржуазные СМИ говорят с гневом, а доморощенные готовы поднять на пьедестал... Вот и Краснова издают под надоевший уже скульпж о поруганной России и «кровожадных» большевиках... (П, 04.05.20).* Актуализаторами значения ФЕ в тексте выступают разъясняющие особый статус «героя» публикации словосочетания, имеющие сходные ключевые семантические компоненты фразеологизма *поднять на щит* – «давать высокую оценку», «слава», «похвала»: *большого писателя, талантливого государственного, военного и общественного деятеля* и предложение:

Таким образом, автор связывает заголовочный комплекс с критическим взглядом писателя на рекламируемое событие. Включение в текст

контекстуального синонима способствует более точно выраженному отношению автора к обсуждаемому событию. В анализируемом тексте таким дополнительным средством выразительности стала ФЕ *поднять на пьедестал*, характеризующая воздействие провокационных публикаций ряда СМИ, превозносящих «героев» Бандеру и Шухевича.

Использование ФЕ в заголовке направлено на ответную реакцию читателя, так как ФЕ, особенно в заголовочном комплексе статьи, предельно узнаваемы. Осуществление одной из основных функций газеты – воздействующей – наиболее актуально в ходе политической борьбы, что и можно наблюдать на примере актуализации ФЕ *пускать пулю в лоб* – «покончить жизнь самоубийством» в следующем заголовке: ***Пулю в лоб пустить. ...Эксперт назвал достойное наказание за ложь США о вмешательстве РФ...раньше за такие провинности люди могли и расстаться с жизнью... Сразу на память приходит 19 век, когда настоящие мужчины стрелялись, пускали себе пулю в лоб, когда были неправы (И, 10.10.20)***. В статье речь идет о том, что конгресс США признал отсутствие связи между Россией и Трампом перед выборами, факт о приеме допинга российскими спортсменами также не подтвердился. Для правильного понимания ФЕ «пустить пулю в лоб» актуализаторами ее выступают предложения с лексемами, с семантическими компонентами фразеологизма «лишиться жизни», «убить»: *расстаться с жизнью* – «умереть», *стрелялись* – «убить» (глагол. стреляться – «убивать выстрелом; устар. драться с противником на дуэли») и повтор фразеологизма *пускали себе пулю в лоб*.

С употреблением ФЕ *стрелять из пушек по воробьям* мы встречаемся не единожды. В качестве примера рассмотрим текст статьи о введении поправок в конституцию об ограничении владения недвижимостью за границей Российской Федерации российскими чиновниками: *... Запреты и ограничения для публично-должностных лиц ни в одной стране не включаются в конституцию – это «то же самое, что стрелять из пушек по воробьям ...Запрет на владение иностранной недвижимостью не вошел в проект*

поправок в Конституцию [...] законодателям не предоставили достаточных оснований для ее запрета. Большую роль сыграло и то, что у части депутатов и их семей есть такая недвижимость...Поэтому это будет стоить больших усилий, однако, на данный момент не принесет желаемого результата (РГ, 11.03.20). Актуализация значения ФЕ осуществляется путем включения в текст раздельнооформленных актуализаторов семантически совпадающих с компонентами значения фразеологизма *стрелять из пушек по воробьям* – «несоразмерность потраченных усилий», стоящих в постпозиции:

стоит больших усилий и не принесет желаемого результата в предложении: *...Поэтому это будет стоить больших усилий, однако, на данный момент не принесет желаемого результата.*

Использование фразеологизмов с милитарным компонентом также встречается в текстах статей, посвященных спортивной тематике. Фразеологизм *бомба замедленного действия* – «то, что таит опасность в будущем» употребляется в качестве заголовка и в тексте.

Нами было отмечено, что многие ФЕ встречаются в употреблении неоднократно. Так, ФЕ *бомба замедленного действия* в данном примере в данном примере употребление ФЕ в заголовке связано с описанием ситуации в экономике страны: ***Бомба замедленного действия: Россияне набрали и просрочили рекордный объем долгов. ...Россияне продолжают набирать кредиты в банках и МФО, наращивая долговую нагрузку при падающих доходах, обрекая себя на полное банкротство в будущем.... Вместе с долгом растет просрочка, что в перспективе представляет явную угрозу для заемщиков.... Уже через год-два рынок может отреагировать на нынешнюю ситуацию первым российским ипотечным кризисом...***(К, 10.10.20). Актуализация значения ФЕ *бомба замедленного действия* с семантическим компонентом «опасность» возможна благодаря раздельнооформленным актуализаторам в постпозиции, это предложения с ключевыми лексемами контекста со сходными семантическими компонентами:

«неизбежная участь» – обрекая себя на полное банкротство в будущем в предложении *Россияне продолжают набирать кредиты в банках и МФО, наращивая долговую нагрузку при падающих доходах, обрекая себя на полное банкротство в будущем...*;

«опасность» – в перспективе представляет явную угрозу для заемщиков в предложении *...Вместе с долгом растет просрочка, что в перспективе представляет явную угрозу для заемщиков.*

Наиболее частотными, как и в немецком языке, с позиции структуры и количества актуализаторов семантики фразеологизмов с милитарным компонентом стали словосочетания – 35 % (181 словосочетание) и предложения – 63 % (330 предложений) в постпозиции.

Цельнооформленные актуализаторы, также как и было выявлено при анализе лингвистических контекстов немецкого языка, распространены значительно меньше в процессе разъяснения фразеологизма.

В ходе анализа актуализирующих свойств контекста в русском языке было выявлено 10 слов, выполняющих функции актуализаторов, что составляет 2 % от общего числа зафиксированных контекстных актуализаторов в русском языке.

2.3.1.2 Структура актуализаторов в немецком языке

Как отмечалось выше, в немецком языке было проанализировано 323 контекста, что позволило выделить актуализаторы значения ФЕ, всего общее число актуализаторов составило 582 единицы.

Так, в нижеприведенном контексте слово *ein Schreckensszenario* выполняет функцию актуализатора значения фразеологизма *wie eine Bombe eingeschlagen* – «как разорваться; производить впечатление разорвавшейся бомбы». Сложное слово как актуализатор для словосочетания фразеологического типа встречается только в сочетании с раздельнооформленными актуализаторами – словосочетаниями и

предложениями. Это объясняется тем, что данный тип цельнооформленных актуализаторов не всегда может отразить значение фразеологизма, его объема недостаточно.

В приведенном ниже контексте для описания пожара в Калифорнии в 2017 году, автор в качестве заголовка к статье использует фразеологизм *wie eine Bombe eingeschlagen* – «как разорваться; производить впечатление разорвавшейся бомбы»: ***Wie eine Bombe eingeschlagen hätte***. *Was viele Kalifornier bei der Rückkehr in die Brandgebiete vorfinden, ist ein Schreckensszenario. Brad Hoffman steht vor dem Nichts, doch seinen Humor hat er noch nicht verloren... Dabei blickt er auf eine graue Mondlandschaft aus verbogenem Metall, Aschebergen und verkohlten Holzbalken. «Es ist schwer, überhaupt noch etwas zu erkennen, alles ist plötzlich verschwunden», meint der Hobby-Musiker. Ein Paar war nicht zuhause, als die Feuerwalze in der Nacht zum Montag die Nachbarschaft am Rande der Kleinstadt Santa Rosa überrollte. Erst am Dienstag können sie sich ein Bild von der totalen Verwüstung machen. Soweit der Blick reicht ist das Coffey-Park-Viertel mit Hunderten Häusern dem Erdboden gleichgemacht (SWP, 02.05.20).*

Полностью раскрывают основные семантические значения «непоправимость действия», «неожиданность случившегося» фразеологического сравнения *wie eine Bombe eingeschlagen* актуализирующие узуальное значение фразеологизма элементы с близкими компонентами семантики, описывающие последствия пожара, цельнооформленный актуализатор:

ein Schreckensszenario – сценарий ужасов («von Entsetzen und Angst bestimmtes, sehr belastendes, quälendes und oft lähmendes Gefühl») (ужас – «чувство, приводящее в состояние оцепенения; сильное негодование как реакция на что-л., безвыходность»),

раздельнооформленные актуализаторы, выраженные словосочетаниями и предложениями:

...*vor dem Nichts stehen, alles ist plötzlich verschwunden* («плötzlich, durch einen bestimmten Umstand mittellos geworden sein, allen Besitz verloren haben») (...стоять перед руинами, все исчезло внезапно) – «полное разрушение», «неожиданность, непредвиденность события»;

...*eine graue Mondlandschaft aus verbogenem Metall* («kahle, vegetationslose, mit ihren oft ungewöhnlichen Formationen an die Mondoberfläche erinnernde Landschaft») (...серый лунный пейзаж из изогнутого металла) – «полное разрушение»;

...*es ist schwer, überhaupt noch etwas zu erkennen* – (...сложно вообще хоть что-то опознать) и...*Aschebergen und verkohlten Holzbalken* («staubig-pulveriger Rückstand verbrannter Materie») (...горы пепла и обугленные деревянные балки) – последствия пожара, «невозможность исправить»;

...*die Feuerwalze überrollte die Nachbarschaft am Rande der Kleinstadt Santa* («lang gezogene Feuerfront bei einem Flächenband, z. B. einem Buschfeuer») (...шквал огня смел всю окрестность на окраине городка Санта) – «полное разрушение»;

...*ein Bild von der totalen Verwüstung* («(etwas) so zerstören, dass es anschließend einem Chaos gleicht, sich in einem wüsten Zustand befindet; verheeren») (...картина полного разорения) – (глагол. разорять – «разрушать, опустошать») – «разрушение»;

...*das Coffey-Park-Viertel ist mit Hunderten Häusern dem Erdboden gleichgemacht* («völlig zerstören: die Stadt wurde dem Erdboden gleichgemacht») – «сравнять с землей» – «полное разрушение».

В статье про уничтожение лесов Амазонии золотоискателями представлен фразеологизм *die Vorhut bilden* – «находиться в первых рядах, в ведущей части какой-л. общественной группы; букв. образовывать авангард» с основными компонентами семантики «самый лучший», «передовой», актуализируются благодаря отдельнооформленным актуализаторам – предложениям с компонентами семантики «передовой», «мужество», «смелость»: *die Vorhut der großflächigen Vernichtung des Dschungels* –

(«...авангард широкомасштабного уничтожения джунглей») (авангард – «отряд войска, флота, находящийся впереди главных сил (воен.); перен. передовая часть какой-нибудь общественной группы, ведущая за собой массы») – «передовой»; *die Goldsucher sind Helden* – («durch große und kühne Taten besonders in Kampf und Krieg sich auszeichnender Mann edler Abkunft») (герой – «мужественный, бесстрашный человек, который, рискуя своей жизнью, совершает смелые, необычные по своей храбрости поступки») – «мужество», «смелость», стоящим в постпозиции.

Из контекста становится очевидным использование данного фразеологизма, ведь золотоискатели в Бразилии стали основной причиной вымирания лесов из-за методов добычи золота на рудниках, одним из которых является ртуть, которая вместе с грязевыми потоками стекает в Амазонку. Как видно из значения фразеологизма, он не содержит отрицательных коннотаций, однако в контексте статьи иронично используется автором в заголовке: *Zerstörung des Amazonaswaldes: Brasiliens Goldsucher bilden die Vorhut. Auf der Suche nach Gold roden sie Amazonaswald, reißen den Boden auf, verseuchen das Wasser mit Quecksilber. Sie sind die Vorhut der großflächigen Vernichtung des Dschungels. Für Brasiliens Präsidenten Jair Bolsonaro sind die Goldsucher Helden...*(Z, 01.09.20). Автор иронично называет их *die Vorhut der großflächigen Vernichtung des Dschungels*, в связи с тем, что президент Бразилии ставит их в первые ряды и называет героями *die Goldsucher sind Helden*.

Рассмотрим контекстную реализацию ФЕ *die alte Garde sein* на примере текста о парламентских выборах в Албании: *Gefahr für die alte Garde der UÇK: «Die alte Garde der UÇK hat nicht nur wegen des Gerichtshofs Angst, die Macht zu verlieren», sagt der TV-Journalist Birol Uncam. Zum ersten Mal werde bei dieser Wahl eine Generation an die Wahl gehen, die nach dem Krieg geboren wurde. Über 60 Prozent der Bevölkerung Kosovos sei unter 30 Jahre alt. Sie seien zu 70 Prozent arbeitslos und hätten die «Schnauze voll von diesen ehemaligen Kriegshelden» die den Staat als ihr Eigentum betrachteten* (TAZ, 09.02.20). Актуализация

конвенционального значения ФЕ *die alte Garde sein* – «старшее поколение» осуществляется за счет такой ключевой лексемы контекста, с такой же семантикой «старик», «ветеран», указывающей на значение ФЕ, как раздельнооформленный актуализатор, выраженный словосочетанием, который берет на себя функцию разъяснения находясь в постпозиции относительно ФЕ:

diese ehemalige Kriegerhelden – («durch große und kühne Taten besonders in Kampf und Krieg sich auszeichnender Mann edler Abkunft») («бывшие герои войны»).

Тексты большого объема в отличие от текстов среднего и малого объема позволяют употребить значительно большее количество раздельнооформленных актуализаторов и тем самым раскрыть значение ФЕ и мотивировать ее использование автором в качестве заголовка.

Фразеологизм *eine Lanze brechen* используется неоднократно в текстах немецкоязычной прессы. Например, в заголовке статьи, посвященной критике, которой подвергся Запад и его отношение к Владимиру Путину со стороны бывшего канцлера Германии Герхарда Шрёдера: *Er ist mein Freund. Schröder bricht eine Lanze für Putin*: «Wenn Gerhard Schröder über den russischen Präsidenten Wladimir Putin spricht, dann wird er emotional – denn er spricht über einen guten Freund. Entsprechend nimmt er ihn vor dem Westen in Schutz. Er erkennt aber auch Leistungen der Bundesregierung an. Altkanzler Gerhard Schröder hat den Umgang des Westens mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin kritisiert. «Es gibt bestimmte Ängste in Russland, auf die ein russischer Präsident reagieren muss. Deswegen ist die Art und Weise, wie der Westen mit Russland umgeht, nicht immer richtig», sagte Schröder der «Bild-Zeitung». Auf die Frage, ob er Putin auch heute noch als seinen Freund bezeichnen würde, antwortete er mit: «Ja, sicher» (BZ, 19.05.15). Актуализация значения ФЕ «вступаться за кого-л.» возможна благодаря контекстным актуализаторам, выраженным предложениями в постпозиции:

... denn er spricht über einen guten Freund... Entsprechend nimmt er ihn vor dem Westen in Schutz... («jemanden gegen [jemandes] Angriffe, Kritik o. Ä. verteidigen») («...потому что он говорит о хорошем друге... Соответственно, он берет его под защиту от Запада...») – брать под защиту «не давать в обиду», «заступаться»;

...Altkanzler Gerhard Schröder hat den Umgang des Westens mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin kritisiert... («mit einer Person oder Sache nicht einverstanden sein, weil sie bestimmten Maßstäben nicht entspricht, und dies in tadelnden Worten zum Ausdruck bringen») («...Герхард Шредер раскритиковал отношение Запада к президенту России Владимиру Путину...») – раскритиковать (глагол. критиковать – «подвергать критике, указывать недостатки кого-нибудь, чего-нибудь») – «осуждение»;

...Auf die Frage, ob er Putin auch heute noch als seinen Freund bezeichnen würde, antwortete er mit: «Ja, sicher»... («männliche Person, die etwas besonders unterstützt oder fördert») («...Когда его спросили, считает ли он Путина своим другом даже сегодня, он ответил: «Да, конечно»...») – лексема «друг» («тот, кто тесно связан с кем-либо дружбой; защитник чьих-либо интересов, взглядов; сторонник кого-либо») – «защищать», «быть на стороне кого-л.».

ФЕ *mit dem Säbeln rasseln* все чаще встречается в текстах СМИ, описывающих отношения между НАТО и Россией, которые находятся в кризисе с момента включения украинского полуострова Крым в состав российской государственной территории весной 2014 года. В июле на саммите НАТО в Варшаве было принято решение о размещении одного батальона до тысячи солдат в каждом из трех стран Балтии, а также в Польше. Россия, в свою очередь, в октябре разместила ракеты малой дальности «Искандер» с ядерным оружием в российском анклав Калининград между Польшей и Литвой. Употребление фразеологизма в заголовке *Neues atomares Wettrüsten? Putin rasselt mit dem Säbel*» точно описывает действия президента России относительно политических событий. В тексте статьи представлен ряд актуализаторов значения ФЕ, имеющих те же семантические компоненты

«демонстрация силы», «власть», «угроза»: *Und Russlands Präsident Putin bringt sein Land in Position. Syrien war ein ideales Testfeld für Waffensysteme. Das Militär werde nun weiter aufgerüstet. Russlands Präsident Wladimir Putin hat eine Verstärkung der militärischen Atomkapazitäten seines Landes, die Modernisierung der Rüstung und erhöhte Wachsamkeit an den Grenzen angekündigt. Der designierte US-Präsident Donald Trump kündigte Vergleichbares für sein Land an. Die Stärkung des atomaren Militärpotenzials müsse insbesondere durch Raketensysteme erfolgen, sagte Putin laut russischen Nachrichtenagenturen... Pläne zur «Neutralisierung der Gefahren für unser Land» müssten rasch ausgearbeitet werden... Putin sagte bei dem Treffen, Russland sei «heute mächtiger als irgend ein möglicher Angreifer (BZ, 22.12.16).* Стоящие в постпозиции к использованной ФЕ раздельнооформленные актуализаторы подробно раскрывают значение фразеологизма, представлены рядом предложений:

...Russlands Präsident Wladimir Putin hat eine Verstärkung der militärischen Atomkapazitäten seines Landes, die Modernisierung des Rüstungs und erhöhte Wachsamkeit an den Grenzen angekündigt... («...Президент России Владимир Путин объявил об усилении военного ядерного потенциала своей страны, модернизации вооружений и повышении бдительности на границах...») с лексемами *die Verstärkung* – («Erhöhung der Intensität») «усиление» (глагол. «усиливать, увеличивать силу, мощь кого-л., чего-л.; повышать боеспособность, делая могущественным кого-л., что-л.») – «сила», «мощь»; *das Rüsten* – («Gesamtheit aller militärischen Maßnahmen und Mittel zur Verteidigung eines Landes oder zur Vorbereitung eines kriegerischen Angriffs») – «оружие, вооружение» (глагол. вооружать (-ить) – «снабжать оружием, восстанавливать вражду к кому-н.») – «конфликт», «недоброжелательные отношения»;

...Die Stärkung des atomaren Militärpotenzials müsse insbesondere durch Raketensysteme erfolgen... («...Укрепление ядерного военного потенциала должно осуществляться, в частности, с помощью ракетных систем...»). Лексема *die Stärkung* – («Erhöhung der Intensität», «stark machen; kräftigen; die

körperlichen Kräfte wiederherstellen») с семантическим компонентом «усиление»;

...*Pläne zur«Neutralisierung der Gefahren für unser Land» müssten rasch ausgearbeitet werden...* («... Планы по«нейтрализации опасностей для нашей страны» должны быть быстро разработаны...»). Лексема *die Gefahren* – «опасности» («Möglichkeit, dass jemandem etwas zustößt, dass ein Schaden eintritt; drohendes Unheil») – с ключевым семантическим компонентом «угроза»;

...*Putin sagte bei dem Treffen, Russland sei«heute mächtiger als irgend ein möglicher Angreifer...* («...Путин сказал на встрече, что Россия«сегодня более могущественна, чем любой возможный агрессор...»): лексемы – *mächtig* «могущественный» и *der Angreifer* – «агрессор» («in feindlicher Absicht den Kampf gegen jemanden, etwas beginnen») – со сходными семантическими компонентами «мощь», «сила», «власть», «нападение», «угроза», «доминирование», как у фразеологизма «демонстрация силы», «угроза», «власть».

В статье о демонстрации военной мощи России в заголовке был также использован фразеологизм *mit dem Säbel rasseln*, означающий «бряцать оружием, угрожать войной»: *Putin rasselt mit dem Säbel. Der russische Präsident führt der Ukraine seine militärische Macht vor. Gegen einen Krieg sprechen aber immer noch die potentiell hohen Kosten für den Kreml. Dass ein Land von drei Seiten eingekreist wird, hat es in Europa schon länger nicht mehr gegeben. Mit seinem Manöver in Belarus, dem Truppenaufmarsch an der eigenen Grenze zur Ukraine und der Sperrung großer Seegebiete im Schwarzen Meer führt Putin dem Nachbarland seine militärische Macht vor. Es war seit ein paar Wochen absehbar, dass so etwas passieren würde, aber die psychologische Wirkung auf die Ukraine und die politische Klasse im Westen dürfte trotzdem erheblich sein. Der NATO-Generalsekretär spricht von einem «gefährlichen Moment», der französische Außenminister von einer «Geste großer Gewalt»... Das macht es den Regierungen in Europa und Washington nicht leichter, die kleinen Signale der*

Gesprächsbereitschaft einzuordnen, die es von russischer Seite zuletzt beim Besuch Macrons im Kreml gab. Rasselt Putin nur mit dem Säbel, um seine Verhandlungsposition zu verbessern, oder bereitet er doch den Einmarsch vor? Gegen Letzteres sprechen immer noch die hohen Kosten, die ihm nicht nur die in Aussicht gestellten westlichen Sanktionen auferlegen würden, sondern auch der Krieg selbst (FAZ, 10.02.22). Наиболее значимые семантические компоненты значения фразеологизма *mit dem Säbel rasseln* – «демонстрация силы», «власть», «угроза» поддерживаются лингвистическим контекстом и актуализируются с помощью предложений с ключевыми лексемами контекста, имеющих сходные семантические компоненты, например:

... Der russische Präsident führt der Ukraine seine militärische Macht vor... («... Президент России представляет Украине свою военную мощь...») – die Macht («мощь») – («Gesamtheit der Mittel und Kräfte, die jemandem oder einer Sache andern gegenüber zur Verfügung stehen; Einfluss») – «власть», «могущество», «сила» и *militärisch* («военный») – «вооружение», «сила»;

...Mit seinem Manöver in Belarus, dem Truppenaufmarsch an der eigenen Grenze zur Ukraine und der Sperrung großer Seegebiete im Schwarzen Meer führt Putin dem Nachbarland seine militärische Macht vor... («... Своим маневром в Беларуси, продвижением войск на собственной границе с Украиной и блокированием крупных морских районов в Черном море Путин демонстрирует свою военную мощь соседней стране...»): *der Truppenaufmarsch* («войско») («Aufmarsch von Truppen») – «вооружение», «угроза», «сила», *die Sperrung* (глагол. sperren – загроаживать, баррикадировать в целях защиты) – («den Zugang, Durchgang, die Zufahrt, Durchfahrt verbieten, verwehren, [mittels einer Barriere o. Ä.] unmöglich machen») – «защищаться при возникновении угрозы» и повтор словосочетания *militärische Macht* – «власть», «могущество», «сила»; семантические компоненты «опасность» – *der gefährliche Moment* («eine Gefahr bildend, Gefahr[en] enthaltend, [mit sich] bringend») и *die große Gewalt* («Macht, Befugnis, das Recht und die Mittel, über

jemanden, etwas zu bestimmen, zu herrschen») – «применение силы», «власть», «угроза»;

... *Rasselt Putin nur mit dem Säbel, um seine Verhandlungsposition zu verbessern, oder bereitet er doch den Einmarsch vor...*(«... Путин угрожает войной, чтобы улучшить свою позицию в переговорах, или он все же готовится к вторжению...») лексема *der Einmarsch* («вступление, вторжение») («*Attacke, Besetzung, Eingriff, Einnahme*») с семантическими компонентами «применение силы», «насильственно врываться куда-л.»

Изучение функционирования фразеологизмов с милитарным компонентом в немецкоязычной публицистике и проделанный контекстуальный анализ позволили выделить следующие характеристики актуализирующих значение фразеологизма элементов: тип актуализатора и структура актуализатора и его расположение по отношению к ФЕ. В связи с этим, вполне закономерной видится классификация по их структуре и количественному использованию в контексте.

Актуализирующие значение фразеологизма внутриконтекстные элементы, актуализаторы, представлены языковыми единицами различных объемов: от слова до ряда предложений. Цельнооформленные актуализаторы в меньшей мере задействованы в процессе разъяснения фразеологизма.

В ходе анализа актуализирующих свойств контекста было выявлено 4 слова, выполняющих функции актуализаторов, что составляет 1 % процент от общего числа зафиксированных контекстных актуализаторов в немецком языке.

Преобладающим типом актуализаторов значения ФЕ выступают раздельнооформленные актуализаторы. В ходе анализа лингвистических контекстов было установлено, что наибольшее число актуализаторов составляют предложения 50 % (292 предложения) и словосочетания 49 % (286 словосочетаний).

2.3.2 Позиционные закономерности расположения актуализаторов

2.3.2.1 Позиция актуализаторов в русском языке

Расположение актуализаторов значения ФЕ рассматривается с точки зрения препозиции и постпозиции относительно употребленной ФЕ в тексте. Исследование функционирования фразеологизмов с милитарным компонентом, а также актуализаторов значения ФЕ в контексте показало, что внутриконтекстные элементы значения фразеологизма располагаются, в основном, в тексте после фразеологизма, то есть располагаются в постпозиции. Данную закономерность можно объяснить тем, что наиболее частотным употреблением фразеологизмов с милитарным компонентом выступает заголовочный комплекс, а актуализирующие значение фразеологизма элементы располагаются в самом тексте после заголовка.

ФЕ *встать на тропу войны* встречается неоднократно на страницах русскоязычных СМИ. В связи с введенными санкциями в отношении сферы российского образования после начала спецоперации России на Украине, фразеологизм используется в заголовке газетной статьи: *Западные учёные встали на «тропу войны» с российскими коллегами. Ф. Альтбах, бывший профессор Бостонского университета, и его коллеги, соавторы, понимают острый характер санкций и призывают научное сообщество прекратить какие-либо контакты с российскими коллегами, особенно, если те находятся в оппозиции к государственным интересам. Ф. Альтбах и его коллеги с Запада говорят о «новой холодной войне» после публикации обращения Российского союза ректоров в поддержку действий российской армии по демилитаризации и денацификации Украины: «Альтбах и его соавторы...советуют коллегам разорвать все неформальные связи с российскими учёными...Какие риски несёт такое сотрудничество? Утечка конфиденциальной информации и переманивание «мозгов»... Спустя неделю в авторитетном международном издании по вопросам высшего образования University World News вышла статья, которая, пожалуй, выражает позицию*

научного мейнстрима Запада по отношению к сотрудничеству с российскими коллегами в условиях «новой холодной войны» (как они это называют). Для Альтбаха (он 1941 года рождения) и его коллег холодная война с распадом СССР не закончилась. Девяностые годы прошлого века лишь открыли её новую фазу, по сути капитуляционную с российской стороны. Сегодня страна вновь обретает самостоятельность, и они рекомендуют своим западным коллегам отменить «все официальные отношения с российским правительством по программам сотрудничества и обмена» и заморозить «формальные отношения с российскими институтами». Украинским учёным Запад открывает режим наибольшего благоприятствования при эмиграции... (АиФ, 22.03.22).

Значение ФЕ *встать (выйти) на тропу войны* «встать в позицию прямого противостояния» с ключевыми компонентами семантики «борьба», «война», «сопротивление», «конфронтация» раскрывается благодаря раздельнооформленным актуализаторам в постпозиции, выраженным рядом предложений:

...советуют коллегам разорвать все неформальные связи с российскими учёными...с лексемой разорвать («разъединить что-л. соединенное, прекратить отношения») «расторжение», «прекращение».

Интересно, что среди актуализирующих внутриконтекстных элементов в контексте встречается устойчивое выражение *холодная война* (состояние военно-политической конфронтации государств и групп государств, при которой ведется гонка вооружений, применяются экономические меры давления), со сходными семантическими компонентами «идеологическая борьба», «противоречия между государствами», «напряженность», «вооруженный конфликт» в предложениях *...вышла статья, которая, пожалуй, выражает позицию научного мейнстрима Запада по отношению к сотрудничеству с российскими коллегами в условиях зародившейся вновь «холодной войны» (как они это называют)[...] Для Альтбаха (он 1941 года рождения) и его коллег холодная война с распадом СССР не закончилась...*

В предложении...они рекомендуют своим западным коллегам отменить «все официальные отношения с российским правительством по программам сотрудничества и обмена» и заморозить «формальные отношения с российскими институтами... встречаются две лексемы отменять («уничтожать, упразднить что-либо существовавшее; не утверждать») и заморозить («охладить; задержать, приостановить ход, развитие чего-л.») также имеют компоненты семантики «признание недействительным», «расторжение», «лишение законной силы» частично совпадающие с компонентами семантики фразеологизма.

Несмотря на развернувшиеся на политической арене события последних месяцев, разногласия и споры вокруг политической ситуации между Россией и Западом были и ранее. Так, Н. С. Михалков в своем выступлении открыто говорит о русофобии, критикует действия В. Познера, чему посвящена статья с заголовком: *Михалков встал на тропу войны с прозападным русофобским меньшинством* (И, 25.06.20).

Семантические компоненты значения фразеологизма *встать на тропу войны* «борьба», «сопротивление», «конфронтация» актуализируются при помощи раздельнооформленных актуализаторов, стоящих в постпозиции к ФЕ и включающих ключевые лексемы контекста, например, *русофобская общественность* (русофобия – «предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к русскому народу, России, русскому языку, русским») с семантическими компонентами «враждебность», «неприязнь»: «Михалков подчеркнул, что *вся реакция русофобской «прогрессивной общественности» – от модных блогеров до троллей – сводится к одному – «старик кукухой поехал»...; закабаление капиталом* (глагол. закабалить – «лишить свободы действий, поставить в зависимое положение; поработить») – «лишение воли»: *...То есть к высмеиванию и унижению человека, посмевшегося вслух высказать то, что в «приличном обществе» замалчивается, но что волнует миллионы людей, в том числе и в США – о закабалении транснациональным капиталом народа под предлогом кризисов и эпидемий...; вести борьбу, рвать всякие*

связи «активное противостояние»: ...*Прослушав всё это, складывается ощущение, что Никита Сергеевич Михалков встает на путь большого сопротивления, ведет борьбу с прозападным русофобским меньшинством и рвёт с ним всякие связи...* (И, 25.06.20).

Усиливает эффект от использования ФЕ *встать на тропу войны* ее контекстуальный синоним *встает на путь большого сопротивления*, который также является актуализирующим раздельнооформленным элементом контекста с семантическим компонентом «противодействие насилию», указывая на противостояние русофобским прозападным представителям.

Фразеологизм *пороховая бочка* также неоднократно встречается в заголовках, особенно часто его употребление можно встретить в статьях о политических и военных событиях.

В качестве примера рассмотрим статью о конфликте на Балканах, в которой ФЕ *пороховая бочка* располагается в заголовочном комплексе: *Россия вновь не дала взорваться «пороховой бочке» в Европе. США, НАТО и ЕС наращивают усилия по дальнейшему «освоению» Балкан, требуя от руководства этих стран сделать сложный выбор: или с Москвой, или с Вашингтоном и Брюсселем. При этом следует помнить, что именно Балканы снискали себе славу «пороховой бочки» Европы [...] Нынешняя политическая конфигурация полуострова не является окончательной, и могут произойти новые конфликты, в том числе и военные. ...* (МК, 30.10.20).

Анализируя контекстное окружение данной ФЕ, которым поддерживаются основные семантические компоненты значения фразеологизма «напряженность», «опасность», «разрушение» возможно выделить актуализирующие элементы лингвистического контекста, раздельнооформленные актуализаторы в постпозиции:

требуя (от глаг. требовать – «настаивать на чём-либо, просить чего-либо в жёсткой, категорической форме») «принуждение» в предложении *...требуя от руководства этих стран сделать сложный выбор...;*

пороховая бочка Европы – «напряженность», «опасность» в предложении...*Балканы снискали себе славу«пороховой бочки» Европы...*;

огонь конфликта – «столкновение», «вражда» в предложении ...*весь Балканский полуостров был бы брошен в огонь конфликта...*,

и словосочетание:

...новые военные конфликты– «напряженность», «опасность».

В статье о политических событиях, именно о США, Дональде Трампе и его попытках втянуть Россию в гонку вооружений, ФЕ *пороховая бочка* также располагается в заголовке: *Америка на «пороховой бочке»*. Трамп пытается втянуть Россию в ядерную гонку. ...Президент США Дональд Трамп пообещал, что США будут наращивать ядерный арсенал и будут в полной готовности к ядерной войне... Непосредственно Вашингтон собирается выйти из соглашения, обвинив Москву в его несоблюдении....Это (выход из договора РСМД) не только характеризует США как ненадежного партнера, это создает угрозу международному миру и безопасности... (РГ, 19.01.20). Таким образом, значение фразеологизма *пороховая бочка* – «взрывоопасная ситуация, напряженная обстановка, которая может привести к каким-л. столкновениям» с компонентами семантики «опасность», «угроза», «конфликт», «накаленная атмосфера», актуализируется благодаря ряду раздельнооформленных актуализаторов значения ФЕ *пороховая бочка* с семантически схожими компонентами значения, выраженных словосочетанием: ...*ядерная гонка* – «противостояние»; а также предложениями: ...*будут наращивать ядерный арсенал и будут в полной готовности к ядерной войне* – «военный конфликт», «угроза»; ...*это создает угрозу международному миру и безопасности* – «создание риска безопасности»; ...*это (выход из договора РСМД) не только характеризует США как ненадежного партнера* – «вызывающий опасения», стоящие в постпозиции по отношению к ФЕ, что помогает выполнить разъясняющую функцию в тексте.

Использование ФЕ с милитарным компонентом *бить смертным боем* в качестве заголовка к статье описывает сюжет расправы отца и шестнадцатилетнего сына над должником в Закарпатье: ***Били смертным боем: В Закарпатье отец с 16-летним сыном зверски расправились с должником. Они жестоко избili мужчину... Во время конфликта 30-летний мужчина получил тяжкие телесные повреждения.... с тяжелыми травмами головы доставили 30-летнего жителя с. Новоселица Виноградовского района*** (МК, 15.06.20).

Актуализация значения «сильно, беспощадно (избивать кого-л.)» с компонентами семантики «не давая пощады», «безжалостно» ФЕ *бить смертным боем* осуществляется посредством включения в текст статьи актуализаторов, выраженных раздельнооформленными актуализаторами, стоящих в постпозиции к ФЕ. Семантические компоненты актуализаторов совпадают с основными компонентами семантики фразеологизма «не давая пощады», «безжалостно»:

зверски расправились – «безжалостно» в предложении *...В Закарпатье отец с 16-летним сыном зверски расправились с должником...*

жестоко избili – «безжалостно» в предложении *...Они жестоко избili мужчину...*

В приводимом ниже примере представлен отрывок текста с ФЕ *встречать (принимать) в штыки* – «крайне враждебно»: ***Бандитов встретили в штыки. В Харькове отбито нападение на воинскую часть. Вчера в Харькове при нападении на караул воинской части погиб 20-летний рядовой Владимир Березюк. Еще двое военнослужащих ранены. Убив солдата, налетчики тут же попытались снять с него автомат Калашникова, но им помешали Олег Гурин и Игорь Шило, которые бросились на бандитов. При этом Игорь Шило не дал налетчику воспользоваться обрезом, выбив у него из рук оружие. В это же время Олег Гурин выхватил табельный пистолет Макарова и застрелил одного из нападавших. Второго военнослужащие связали ремнем и удерживали до приезда милиции...*** (К, 23.03.12).

Так, актуализаторами, осуществляющими функцию указания на значение ФЕ *встречать (принимать) в штыки* – «крайне враждебно» с компонентами семантики «агрессия», «вражда», «угроза» стали раздельнооформленные актуализаторы, выраженные рядом предложений, и стоящие в постпозиции к использованной ФЕ:

Бросились на бандитов – «атака» в предложении *...им помешали Олег Гурин и Игорь Шило, которые бросились на бандитов...;*

застрелил нападавшего – «убийство», «агрессия», «угроза» в предложении *...В это же время Олег Гурин выхватил табельный пистолет Макарова и застрелил одного из нападавших...;*

связали ремнем и удерживали – «ограничение свободы» также в предложении *...Второго военнослужащие связали ремнем и удерживали до приезда милиции...;*

В связи с последними событиями в стране и мире, с пандемией коронавирусной инфекции, особенно актуальным видится использование фразеологизмов данной тематической группы в текстах СМИ. Примером может послужить употребление фразеологизма *бомба замедленного действия*, выбранного автором статьи в качестве заголовка. Рассмотрим подробнее контекстное окружение данного фразеологизма: *Врач назвал переболевших коронавирусом бомбой замедленного действия. ...тысячи людей, которые переболели COVID-19 и перенесли повреждение легких, в будущем находятся в зоне риска. Их уровень смертности превышает прогнозы по многим видам рака. ... Это точка невозврата. Это прогрессирующее заболевание, которое грозит тем, что человек может чувствовать себя хорошо, переносить бессимптомно, но фиброз становится все жестче и жестче... Повреждение легких, вызванное фиброзом, не может быть восстановлено... (АиФ, 13.12.20).*

В данном контексте актуализаторами значения ФЕ *бомба замедленного действия* с семантическими компонентами «будущая опасность», «угроза» стали раздельнооформленные актуализаторы, а именно, простые и сложные

предложения с ключевыми лексемами контекста, актуализирующими семантикуфразеологизма, в постпозиции относительно анализируемой ФЕ:

риск (глагол. рисковать подвергать кого-л., себя опасности) с компонентами семантики «опасность», «угроза» в предложении...*тысячи людей в будущем находятся в зоне риска...*;

грозить «угроза» в предложении...*это прогрессирующее заболевание, которое грозит тем, что человек может чувствовать себя хорошо, но фиброз становится все жестче и жестче...*

В анализируемой статье речь пойдет о хоккее, а конкретно о юношеских и юниорских турнирах, которые были вынужденно отменены в связи с мерами предотвращения распространения коронавирусной инфекции и о неизбежных последствиях из-за введения мер в ходе игр в будущем.

Статья начинается со слов: *Российский хоккей может лишиться большого пласта игроков. ...Не знаю, кто принял такое жесткое решение об отмене открытого первенства Москвы. ... Вред тоже не виден – пока не виден! Но если ничего не изменится, то он обязательно вылезет уже через пару лет на юниорских чемпионатах мира 2022 и 2023 годов, а потом и у молодежи. Этот дешевый популизм надоел: у провала конкретной команды всегда есть не менее конкретные причины.... Хочу рассказать об актуальнейшей проблеме, которая может аукнуться на крупных турнирах. Это бомба замедленного действия!* (К, 12.01.21).

Наиболее значимый семантический компонент значения «будущая опасность», «скрытая угроза» фразеологизма *бомба замедленного действия* актуализируется с помощью раздельнооформленных актуализаторов, имеющих тот же семантический компонент, что и фразеологизм, а именно:

...вред тоже не виден – пока не виден!;

...но если ничего не изменится, то он обязательно вылезет уже через пару лет на юниорских чемпионатах мира 2022 и 2023 годов, а потом и у молодежи;

...актуальнейшая проблема, которая может аукнуться на крупных турнирах. Это бомба замедленного действия!

Как видно из приведенного примера, фразеологизм *бомба замедленного действия* располагается в конце текста статьи. Расположенные в препозиции контекстные актуализаторы значения фразеологизма, описывающие последствия, которые пока скрыты, с ключевыми компонентами семантики, сходными с компонентами семантики фразеологизма «будущая опасность», «скрытая угроза», выступают как предпосылки к появлению фразеологизма в тексте.

2.3.2.2 Позиция актуализаторов в немецком языке

В заголовке газетной статьи, посвященной футбольному матчу, мы встречаем фразеологизм *den Spieß umdrehen* – «перейти в наступление» с основными семантическими компонентами «проявлять активные действия», «решительно атаковать». Получившая реализацию в контексте ФЕ очень точно описывает сложившуюся ситуацию на матче между Вальдхоф Мангейм и Юрдинген за выход в третью лигу, в которой Мангейм переходит в наступление используя новых игроков: *Waldhof will den Spieß umdrehen. ...setzt Waldhof im Rückspiel auf frische Kräfte. ... Vor allem Meyer soll den in der Sturmspitze unsichtbaren Deville effektiver vertreten. ... Gegenüber Stefan Krämer erwartet von seiner Mannschaft ebenfalls eine Top-Leistung. ... -Wir können sie nicht einfach das Tor angreifen lassen!... (BM, 27.05.2018).*

Отличительной особенностью актуализаторов в контексте являются их сочетания, например, структура актуализаторов и их количество, или структурные особенности и расположение по отношению к ФЕ. На примере данного контекста можно наблюдать сочетание особенностей структуры актуализаторов и их расположения относительно ФЕ. Актуализаторами, реализующими функцию указания на значение ФЕ в рассматриваемом

контексте, выступают предложения с ключевыми лексемами, имеющими те же семантические компоненты как и фразеологизм:

die Sturmspitze («weit vorgeschobener, in vorderster Position spielender Stürmer») («нападающий») – «атака», «наступление» в предложении... *Vor allem Meyer soll den in der Sturmspitze unsichtbaren Deville effektiver vertreten...* («...Кроме того, Майер должен лучше защищать незаметного в позиции нападения Девиля...»); предложение *Wir können sie nicht einfach das Tor angreifen lassen!* («... Мы не можем просто позволить им атаковать ворота!...») с лексемой *angreifen* («in feindlicher Absicht den Kampf gegen jemanden, etwas beginnen») («атаковать») – «создавать угрозу». Актуализаторами значения фразеологизма *den Spieß umdrehen* стали раздельнооформленные актуализаторы, выраженные предложениями и находящиеся в постпозиции по отношению к использованной ФЕ. Все актуализаторы в анализируемом контексте направлены на значение ФЕ, что призвано усилить эффект от его использования и раскрыть коммуникативное намерение автора.

Рассмотрим еще один пример с фразеологизмом *den Spieß umdrehen*. Актуализаторы значения ФЕ расположены в постпозиции, актуализируя ключевые компоненты семантики фразеологизма – «проявлять активные действия», «решительно атаковать».

Министр сельского хозяйства и защиты прав потребителей Ильзе Айгнер резко критикует производителей корма Нижней Саксонии, которые примешивали в состав комбикорма диоксин. Дело в том, что сельскохозяйственные животные, употреблявшие в пищу корм с диоксином, потенциально опасны для людей: *Neuer Dioxin-Alarm – Aigner will den Spieß umdrehen. ... um Niedersachsen scharf zu kritisieren. ... Für Ilse Aigner bringt der neue Fall das Fass zum Überlaufen. ... wollte sich aber nicht festlegen, welche Köpfe nun rollen sollen. Im Visier hat sie ... Als sie in Oldenburg war, müsse schon bekannt gewesen sein, dass eine größere Zahl an Betrieben entschlossen angreifen und gesperrt werden mussten* (SZ, 15.01.2011). Элементами контекста,

направленными на реализацию значения ФЕ *den Spieß umdrehen* также стали раздельнооформленные актуализаторы – словосочетания:

scharf kritisieren («aggressiv; fachlich beurteilen, besprechen») («резко критиковать») – «подвергать сильному осуждению»;

Köpfe rollen sollen («(einen Körperteil o. Ä.) drehend hin und her, im Kreis bewegen») («срубить головы») – «подвергать наказанию»;

im Visier haben («sein Augenmerk [mit einer bestimmten Zielsetzung] auf jemanden, etwas richten; jemanden, etwas kritisieren») («целенаправленно смотреть») – «внимательно наблюдать»;

entschlossen angreifen («in feindlicher Absicht den Kampf gegen jemanden, etwas beginnen») («решительно атаковать») – «предпринимать атаку с целью уничтожения» и *sperren* («den Zugang, Durchgang, die Zufahrt, Durchfahrt verbieten, verwehren, [mittels einer Barriere o. Ä.] unmöglich machen») (блокировать) – «подвергать блокаде» в предложении *eine größere Zahl an Betrieben entschlossen angreifen und gesperrt werden mussten* в постпозиции по отношению к использованной ФЕ.

В статье, посвященной несправедливости в отношении граждан разных стран со стороны полиции и государства, вводится понятие «tipping point» – «критическая точка, переломный момент», когда случаи насилия в отношении не представляющих угрозы граждан становятся той «искрой в пороховой бочке», причиной беспорядков и восстаний, ФЕ *der Funke am Pulverfass* используется автором статьи в заголовке: ***Der Funke am Pulverfass. ... Wenn nichts mehr hilft, zünden Unruhen, dann ist der «Tipping Point» erreicht, der Tropfen, der das Fass zum Überlaufen bringt und Gesellschaften zur Rebellion treibt. Man kann die Luntten in Europa brennen sehen.... versammeln sich zahlreiche Demonstranten vor der örtlichen Polizeiwache... eskaliert die Situation: Autos brennen; etliche Fensterscheiben gehen zu Bruch; plündernde Randalierer ziehen durch die Straßen. Durch die bis dahin in Apathie versunkene indische Gesellschaft geht ein Ruck, und sie verleiht ihrer aufgestauten Wut, ihrem Ärger,***

ihrer Verzweiflung und ihrem Mitgefühl auf den Straßen machtvoll Ausdruck (FAZ, 16.07.20).

Текст статьи предлагает достаточное количество актуализирующих значение ФЕ элементов контекста в постпозиции, описывающих беспорядки и восстания людей, полностью раскрывающих значение ФЕ *der Funke am Pulverfass* – «провокационные действия», «состояние срыва» «конфликт», «опасность» – ряд предложений:

Unruhen zünden – («in Brand setzen, entzünden; den Verbrennungsprozess eines Gasgemischs o. Ä. einleiten; das Explodieren eines Sprengstoffs bewirken») («разжигать беспорядки») – «провокационные действия» в предложении ... *Wenn nichts mehr hilft, zünden Unruhen*;

Gesellschaften zur Rebellion treiben – («Aufstand, offene Auflehnung einer kleineren Gruppe») («побуждать общество к восстанию») – «конфликт» и устойчивое выражение *der Tropfen, der das Fass zum Überlaufen bringt* («незначительное воздействие, повлекшее серьезные последствия») – «кризисное положение», «напряжение» в предложении *der Tropfen, der das Fass zum Überlaufen bringt und Gesellschaften zur Rebellion treibt* («...последняя капля, переполнившая чашу терпения, которая и подталкивает общества к восстанию...»);

zahlreiche Demonstranten – («Teilnehmer an einer Demonstration») («многочисленные протестующие») – «выражение несогласия» в предложении ... *versammeln sich zahlreiche Demonstranten vor der örtlichen Polizeiwache...* («...многочисленные протестующие собираются перед местным полицейским участком...»);

Wut, Ärger, Verzweiflung – («heftiger, unbeherrschter, durch Ärger o. Ä. hervorgerufener Gefühlsausbruch, der sich in Miene, Wort und Tat zeigt») – «враждебность», *plündernde Randalierer* (männliche Person, die randaliert) – «разбой», «насилие» в предложении *plündernde Randalierer ziehen durch die Straßen verleiht ihrer aufgestauten Wut, ihrem Ärger, ihrer Verzweiflung auf den Straßen machtvoll Ausdruck...* (...бродящие по улицам разбойники убедительно

выражают свой сдерживаемый гнев, злость, отчаяние на улицах...) «недоброжелательность».

Нередко в качестве особенностей актуализаторов ФЕ в контексте могут выступать не только структурные особенности и расположение по отношению к ФЕ, но и число актуализаторов.

В приводимом ниже отрывке текста содержится информация о том, что более 2600 предпринимателей в Германии подписали «Хартию разнообразия», и встречается ФЕ *für jmdn. eine Lanze brechen: Deutscher Diversity Tag: eine Lanze brechen für mehr Vielfalt. Franz & Wach unterschreibt Charta. Mehr als 2.600 Unternehmer in Deutschland haben sich gesichert und die Charta der Vielfalt bereits unterzeichnet. Sie begreifen Vielfalt als Teil der Unternehmenskultur und sehen darin positive Impulse für die Arbeitsatmosphäre... Die Charta der Vielfalt soll die Wertschätzung und Einbeziehung von Vielfalt in der Unternehmenskultur in Deutschland voranbringen. Schirmherrin der Unternehmensinitiative ist Bundeskanzlerin Angela Merkel* (НВ, 13.05.19).

Раздельнооформленными актуализаторами в постпозиции к ФЕ, реализующими функцию указания на значение ФЕ *für jmdn. eine Lanze brechen* «вставать на защиту кого-л., заступаться» выступают предложения с важными лексемами контекста с компонентами семантики «защита», «покровительство», «оказание поддержки»:

sich sichern – («sicher machen, vor einer Gefahr schützen») («заручиться») – «заблаговременно обеспечить себе поддержку» ...*haben sich gesichert und die Charta der Vielfalt bereits unterzeichnet...*(«...заручились поддержкой и уже подписали Хартию о разнообразии...»);

и словосочетание *Schirmherrin der Unternehmensinitiative* («weibliche Person, die offizielle Förderin, Betreuerin einer ihrem Schutz unterstehenden Institution, Veranstaltung usw. ist») – «защитник», «заступник» в предложении *Schirmherrin der Unternehmensinitiative ist Bundeskanzlerin Angela Merkel...* («...Покровителем корпоративной инициативы является канцлер Германии доктор Ангела Меркель»).

Получившая реализацию в заголовке газетной статьи ФЕ *für jmdn., etw. eine Lanze brechen* (реже: *einlegen*) – «вступаться за кого-л., вставить на защиту кого-л., чего-л.», точно отражает содержание всей статьи, в которой Ангела Меркель высказывается против запрета автомобилей на дизельном топливе. Аргументирует она это тем, что от этого запрета зависят многие рабочие места: *Angela Merkel bricht eine Lanze für Diesel. ... Man könne jetzt nicht einfach einen ganzen Bereich«für nicht mehr sinnvoll» erklären.«Ich bemühe mich schon, Hilfe zu leisten, da hängen ja auch viele Arbeitsplätze dran.» Abschaltvorrichtungen dürfe es natürlich nicht geben.«Das muss total beseitigt werden* (BZ, 08.03.2018). Так, актуализаторами, осуществляющими функцию указания на значение ФЕ *eine Lanze brechen*, стали отдельно оформленные актуализаторы, выраженные рядом предложений, и стоящие в постпозиции к использованной ФЕ: *sich bemühen* – («sich Mühe geben, sich anstrengen, einer Aufgabe gerecht zu werden, sie zu bewältigen») («стараться изо всех сил, переживать, хлопотать») – «прикладывать усилия», «забота», «волнение» и *Hilfe leisten* («das Helfen; das Tätigwerden zu jemandes Unterstützung») («оказывать помощь») – «выводить из затруднения», «поддержка» в предложении...*Ich bemühe mich schon, Hilfe zu leisten, da hängen ja auch viele Arbeitsplätze dran...*(«...Я уже прилагаю все усилия, чтобы оказать помощь, ведь там так много рабочих мест...»); *...das muss total beseitigt werden...*(«entfernen, aus dem Weg räumen ermorden, umbringen») («...это должно быть полностью устранено...») – «заблаговременное устранение», «ликвидация».

Постпозиция актуализаторов имеет кроме своей основной функции актуализации значения ФЕ и разъясняющую задачу, направленную на содержательную сторону всего текста статьи.

Рассмотрим контекстную реализацию ФЕ *mit offenem Visier kämpfen* в статье с интервью исполнительного директора немецкого концерна Siemens AG Джо Кэзером о борьбе за управление между Continental и Schaeffler и последствиях для политики. Немецкий менеджер рассказал о падении цен

акций Siemens в последнее время и о готовности принять каждого нового инвестора в компанию, заинтересованного в стабильном ее развитии, однако немецкие корпорации требуют от покупателей компаний бороться в открытую: *Deutsche Konzerne fordern: Firmenkäufer sollen mit offenem Visier kämpfen. ... Deshalb müssen wir im Interesse unserer Eigentümer die Initiative ergreifen. Unser Ziel ist dabei, volle Transparenz zu schaffen. Das heißt aber nicht, dass wir uns gegen neue Investoren stellen. Es muss nur klare Spielregeln für alle geben.... Wir wollen nur gleiche Ausgangsvoraussetzungen für alle haben, und das erreichen wir mit vollständiger Transparenz....Die ursprünglichen Regelungen bei beiden Themen würden für deutsche Firmen zu einer deutlichen Wettbewerbsbenachteiligung führen...* (FP, 11.12.20). Фразеологизм

используется в заголовке, поэтому значение ФЕ – «бороться в открытую» с компонентами семантики «честно», «непредвзято» раскрывается благодаря раздельнооформленным актуализаторам, стоящим в постпозиции, выраженным словосочетаниями:

klare Spielregeln für alle («deutlich, genau erkennbar, unterscheidbar») («четкие правила игры для всех») – «ясность», «понятность», «открытость»;

gleiche Ausgangsvoraussetzungen für alle («einem anderen Menschen, einer anderen Sache gleichend») («одинаковые исходные требования для всех») – «равные условия»;

и рядом простых предложений:

...unser Ziel ist dabei, volle Transparenz zu schaffen... (das Durchscheinen; Durchsichtigkeit, [Licht]durchlässigkeit) («...наша цель – обеспечить полную прозрачность...») – «честность», «открытость»;

...das erreichen wir mit vollständiger Transparenz... («das Durchscheinen; Durchsichtigkeit, [Licht]durchlässigkeit») («...мы достигаем этого с полной прозрачностью...») – «честность», «открытость»;

...die ursprünglichen Regelungen bei beiden Themen würden für deutsche Firmen zu einer deutlichen Wettbewerbsbenachteiligung führen... («gut wahrnehmbar, scharf umrissen, klar, genau») («...первоначальные правила по

обоим темам привели бы к четкому конкурентному распределению для немецких фирм...») – «честность», «ясность».

В тексте статьи про звезду лыжного спорта и его серьезную травму перед предстоящими Олимпийскими играми был использован фразеологизм с имплицитным образом *am Boden zerstört sein* – «быть совершенно расстроенным; быть полностью сломленным» с компонентами семантики «полное отчаяние», «подавленность»: *Das Leben kann grausam sein... Die Enttäuschung ist deshalb riesig. «... Ist es Schicksal? Wer weiß. Ich hatte heute (Montag, Anm. d. Red.) die Operation und alles lief sehr gut. Jetzt werde ich mir die Zeit nehmen, diesen harten Schlag zu verdauen und wieder an die Arbeit zu gehen. Es ist wohl einer der schwierigsten Momente meiner Karriere. Das im Februar 2021 gerissene Kreuzband ist vor einer Woche bei einer Abfahrt wieder gerissen.» Warum, darüber rätselt der Franzose selbst. «Es ist schwer zu akzeptieren und zu verstehen, warum es bei so einem kleinen Ausrutscher wieder kaputt ging. Ich habe 1000 Prozent investiert, um dieses Jahr für die Olympischen Spiele in Form zu kommen. Ich bin **am Boden zerstört** (BZ, 5.02.22).*

Анализируемая ФЕ *am Boden zerstört sein* как нельзя лучше описывает внутреннее состояние спортсмена, так как он пережил повторный разрыв связок и перенес еще одну операцию, что стало причиной невозможности участия в Олимпийских играх.

Актуализация значения ФЕ *am Boden zerstört sein* – «быть совершенно расстроенным; быть полностью сломленным» с компонентом семантики «быть в полном отчаянии», осуществляется посредством включения в текст таких раздельнооформленных актуализаторов, выраженных словосочетаниями, с семантическими компонентами «затруднительное положение», «подавленность» «разочарование», «боль» – *einer der schwierigsten Momente* («viel Kraft, Mühe, große Anstrengung [und besondere Fähigkeiten] erforderlich») («один из самых тяжелых моментов»); *diesen harten Schlag verdauen* («Einsatz, der zu einer Niederlage, zur Vernichtung führt; etwas, was jemanden schwer trifft»)

(«переживать этот тяжелый удар») – «поражение» и предложениями ...*Die Enttäuschung ist deshalb riesig* – «отчаяние» («Nichterfüllung einer Hoffnung oder Erwartung, die jemanden unzufrieden o. ä. Stimmt») («Разочарование слишком велико»); ...*Ski-Star durchlebt eine schwierige Zeit* – «подавленность» («viel Kraft, Mühe, große Anstrengung [und besondere Fähigkeiten] erforderlich») (Звезда лыжного спорта переживает сложное время); *Aber das Leben kann manchmal grausam sein* («sehr schwer zu ertragen, sehr schlimm, hart») («Жизнь однако может быть жестокой») – «безжалостность» в препозиции повышают эффект от ее употребления, описывая все тягостные моменты, которые приходится переживать спортсмену.

Расположение контекстных актуализаторов в постпозиции относительно ФЕ связано с употреблением фразеологизмов с милитарным компонентом в заголовочном комплексе. Такая позиция актуализаторов позволяет актуализировать ключевой смысл фразеологизма, препозиция расположенных в контексте ключевых актуализирующих значение фразеологизма элементов направлена на прогнозирование его появления, активизацию его восприятия. Расположение фразеологизмов с милитарным компонентом в тексте статьи, а не в заголовке, в рассмотренных примерах употребления связано с цитированием выраженного мнения о сложившейся обстановке, оценки наблюдателей, не задействованных в развитии тех или иных описываемых событий, или непосредственно участников, поэтому препозиция актуализаторов как бы вводит фразеологизм в употребление в контексте, предвосхищая его появление. Помещая фразеологизм с милитарным компонентом в конце текста статьи, включив его в состав цитаты, особенно если смысл фразеологизма совпадает с основными интенциями текста, автор текста статьи делает это для придания оттенка объективности сообщаемой в тексте информации, что можно отметить в рассмотренных выше примерах с препозицией актуализаторов с семантическими компонентами значения, сходными с компонентами значения фразеологизма, помещенного в конце статьи в качестве цитаты.

2.3.3 Актуализация модифицированных фразеологизмов

При анализе употребления немецких и русских фразеологизмов с милитарным компонентом в текстах СМИ были выявлены структурно-семантические модификации.

В ходе работы были рассмотрены различные классификации трансформаций ФЕ, а также подробно представлены особенности данных классификаций, определены особенности модификаций, их виды и подвиды (см. п. 1.1.4).

При актуализации значения фразеологизмов с милитарным компонентом при окказиональном употреблении требуется наличие в контексте не только фразеологических актуализаторов, как при узуальном употреблении, но и дополнительных внутриконтекстных актуализаторов – окказиональных актуализаторов, поддерживающих модификации фразеологизмов с милитарным компонентом в лингвистическом контексте.

В ходе проделанного анализа было выявлено, что из 617 фактов употребления в текстах СМИ фразеологизмов с милитарным компонентом, 45 употреблений в обоих языках носит окказиональный характер, что составляет 7 % от общего числа употреблений фразеологизмов с милитарным компонентом в текстах СМИ. При контекстуальном анализе употребления фразеологизмов с милитарным компонентом среди модификаций выделяются расширение компонентного состава – 67 % и замена одного из компонентов фразеологизма, что составляет 33 %.

2.3.3.1 Актуализация модифицированных фразеологизмов в русском языке

Рассмотрим несколько примеров контекстов, в которых было зафиксировано расширение компонентного состава как один из видов модификаций фразеологизмов с милитарным компонентом в текстах российских СМИ.

По заявлению главы временной комиссии Совета Федерации по информационной политике Пушкова Алексея, в связи с тем, что сервис Youtube принадлежит американской компании Google, санкции коснулись и этого сервиса и вскоре он не сможет продолжить свою работу на территории России: *YouTube встал на тропу открытой войны с Россией. YouTube идёт на тропу открытой войны с российским государством и обществом, и, я думаю, до хорошего его это не доведёт. Моё личное мнение состоит в том, что YouTube когда-нибудь перейдёт ту грань, после которой он встретит явное сопротивление и не сможет работать на территории Российской Федерации»,*- заявил он журналистам. По словам сенатора, *YouTube публично «предался вакханалии» запретов на все новые российские информационные ресурсы. Ресурс не только не отменил прежние, но и добавил к ним такие явные, как блокировка российских телеканалов* (К, 31.03.22).

Актуализация значения ФЕ «встать в позицию прямого противостояния» с ключевыми компонентами семантики «борьба», «война», «сопротивление», «конфронтация» раскрывается благодаря раздельнооформленным актуализаторам в постпозиции, выраженным предложениями:

...YouTube идёт на тропу открытой войны с российским государством и обществом...;

...YouTube когда-нибудь перейдёт ту грань, после которой он встретит явное сопротивление и не сможет работать на территории Российской Федерации.

Кроме использования ФЕ в заголовке, компонентный состав ФЕ был расширен включением лексической единицы, определения *открытой войны*, что получает актуализацию благодаря предложениям:

...YouTube публично «предался вакханалии» запретов на все новые российские информационные ресурсы. Ресурс не только не отменил прежние, но и добавил к ним такие явные, как блокировка российских телеканалов».

С личностью Владимира Зеленского связано употребление фразеологизма *поднимать на щит* – «восхвалять, превозносить кого-л.» в заголовке: *Подняли на щит Европы... После начала специальной военной операции на Украине в западной прессе не утихают восторги по поводу президента Украины Владимира Зеленского, говоря что люди любят Зеленского не потому, что он представляет украинский народ, а потому что Зеленский именно тот лидер, которым они хотели бы быть. Европейцы восхищаются его мужеством... Однако из-за сообщений западных СМИ складывается абсолютно превратная картина событий. Пока Владимир Зеленский принимает похвалы от западных элит, украинские неонацисты, поддерживаемые в том числе США, истязают мирных жителей...* (МК, 20.03.22).

Наиболее значимые компоненты семантики фразеологизма – «давать высокую оценку», «слава», «похвала» актуализируются благодаря включению в контекст актуализаторов значения фразеологизма с семантическими компонентами – «восхищение», «любовь», «превознесение»:

восторг в предложении *...в западной прессе не утихают восторги по поводу президента Украины Владимира Зеленского...;*

любить в предложении *...люди любят Зеленского...;*

восхищаться в предложении *...Европейцы восхищаются его мужеством...;*

похвала в предложении *...Пока Владимир Зеленский принимает похвалы...*

Расширение компонентного состава фразеологизма *поднимать на щит* заключается во включении в его состав лексемы *Европа*, что также поддерживается контекстом и внутриконтекстными окказиональными актуализаторами, например, *западная пресса, европейцы, западные СМИ, западные элиты.*

Расширение компонентного состава фразеологизма в качестве модификаций в заголовках к статьям русскоязычной публицистики не столь частотны, как замена одного из компонентов фразеологизма.

Фразеологизм *под дулом пистолета* – «подчиняясь грубому насилию» встречается в употреблении в заголовке для описания ситуации на Украине: *Под дулом украинской демократии...Американский журналист Такер Карлсон честно сказал, что он думает об«украинской демократии». Он заметил, что западные СМИ врут своим зрителям о происходящем в стране. На самом деле на Украине нет свободы слова, а президент Зеленский может«заставить всех, кто жалуется, заткнуться под дулом пистолета». После начала специальной военной операции Владимира Зеленского называют по-настоящему мужественным и демократическим лидером. А Украину – редким примером страны, которая под внешним давлением стала ещё более«толерантной» и открытой...*(АиФ, 23.03.22).

Значение ФЕ *под дулом пистолета* – «подчиняясь грубому насилию» реализуется в данном примере с помощью контекста и внутриконтекстных актуализаторов. Наиболее значимые семантические компоненты значения фразеологизма *под дулом пистолета* – «подчинение», «насилие» актуализируются с помощью ключевых лексем контекста, имеющих те же семантические компоненты, например, *заставлять* (оказывать, производить давление на кого-л.) – «подчинение», «влияние» и повтор самого фразеологизма в тексте в предложении *...заставить всех, кто жалуется, заткнуться под дулом пистолета...* Фразеологизм употребляется в модифицированном виде – *...Под дулом украинской демократии...*, поэтому для актуализации замены компонента фразеологизма *пистолет* на *украинская* (относящийся к Украине или ее народу) *демократия* с семантическими компонентами «коллективное принятие решений», «равное воздействие» необходимы поддерживающие его дополненный смысл внутриконтекстные актуализаторы со сходными семантическими компонентами, например, «снисхождение», «терпимость», «наличие свободы», в предложениях с

лексемами *демократический лидер* в предложении *...Владимира Зеленского называют по-настоящему мужественным и демократическим лидером...* и *толерантная и открытая Украина* в предложении *...А Украину – редким примером страны, которая под внешним давлением стала ещё более «толерантной» и открытой...*

В статье для описания соревновательного характера вооруженной гонки между Россией и США, эксперт раскритиковал тест боевого лазера США. В заголовочном комплексе статьи автор подбирает фразеологизм *стрелять из пушки по воробьям* – «применять сильные, серьезные средства против чего-н. незначительного» с основными компонентами семантики «прикладывать много усилий», «тратить много сил по пустякам», однако заменяет лексему *пушка* во фразеологизме на *лазер*. Такая замена компонента требует дополнительных актуализирующих внутриконтекстных элементов, окказиональных актуализаторов, направленных на актуализацию такой модификации: ***Стрелять лазером по воробьям. ...Это же тоже самое, что стрелять из пушки по воробьям... Стрелять лазером по беспилотнику... Для чего против такой незначительной цели применять столь серьезную систему, как лазер? ...Поэтому все испытывается практически в идеальных условиях. Вот и последние испытания лазера – это своего рода такая демонстрация в максимально идеальных погодных условиях...*** (МК, 12.11.20).

Ключевые компоненты семантики фразеологизма «прикладывать много усилий», «тратить много сил по пустякам» актуализируются раздельнооформленными актуализаторами, например, включением этого же фразеологизма в его узуальном виде *стрелять из пушки по воробьям* в предложении *...Это же тоже самое, что стрелять из пушки по воробьям...*, а также словосочетаниями *незначительная цель* – «легкость», «несущественность» и *серьезная система* – «важность», «основательность» в предложении *...Для чего против такой незначительной цели применять столь серьезную систему, как лазер...*

В данном примере модификация в виде замены с легкостью поддерживается контекстным окружением, указывающим на применение лазера: *стрелять лазером по беспилотнику; серьезная система, как лазер; испытания лазера.*

В текстах российских СМИ употребление фразеологизмов с милитарным компонентом происходит как узуально, так и окказионально. Фразеологизмы с милитарным компонентом в текстах российских СМИ подвергаются модификациям, целью которых становится как усиление экспрессии, так и изменения содержательной стороны фразеологизма, с целью добавления дополнительного оттенка значения.

При контекстуальном анализе употреблений фразеологизмов с милитарным компонентом в русском языке число окказиональных употреблений составляет 5% (15 употреблений) от общего числа употреблений фразеологизмов в контексте (294 употребления). Среди окказиональных употреблений фразеологизмов в русскоязычной газетной публицистике расширение компонентного состава фразеологизма составляет 27% (4 употребления), замена одного из компонентов фразеологизма 73% (11 употреблений).

2.3.3.2 Актуализация модифицированных фразеологизмов в немецком языке

Фразеологизм *jmdm. die Pistole auf die Brust setzen* появляется в употреблении и с таким видом модификации, как расширение компонентного состава за счет присоединения определения к существительному. Так, в тексте газетной статьи, посвященной событиям в США, избранию Дональда президентом и последовавшими за этим событиями, мы встречаем такое употребление фразеологизма *jmdm. die Pistole auf die Brust setzen* – «разг. кого-л. (определенное) решение; за горло кого-л.»: *USA setzen Pistole auf die europäische Brust. Aus sanften Druck wird ernste Drohung: Es sind Zeiten der Verunsicherung für die europäischen Nato-*

Länder. Zuerst verstörte Donald Trump sie mit der Aussage, das westliche Verteidigungsbündnis sei «obsolet». Danach ruderte der neue US-Präsident zwar etwas zurück und versicherte den Alliierten die Treue. Und nun der nächste Schock: Der neue US-Verteidigungsminister James Mattis setzt den Bündnispartnern bei seinem ersten Besuch bei der Nato in drastischer Form die Pistole auf die Brust und stellt Ultimatum—entweder ihr zahlt mehr, oder wir fahren unser Engagement zurück, lautet seine Drohung (TZ, 15.02.17).

Актуализация ключевых семантических компонентов фразеологизма «подчинение», «насилие», «грубость» осуществляется благодаря предложениям: ...*Aus sanften Druck wird ernste Drohung...* («Druck – gewaltsame, zwanghafte, jemanden bedrängende Einwirkung von außen; Drohung – drohende Äußerung, Geste o. Ä») («... От мягкого давления исходит серьезная угроза: наступили времена смуты для европейских стран НАТО...») с семантическими компонентами – «опасность», «принуждение» и ...*Der neue US-Verteidigungsminister James Mattis setzt den Bündnispartnern bei seinem ersten Besuch bei der Nato in drastischer Form die Pistole auf die Brust und stellt Ultimatum...* («Ultimatum – Aufforderung, eine schwebende Angelegenheit befriedigend zu lösen unter Androhung harter Gegenmaßnahmen, falls der andere nicht Folge leistet») («...Новый министр обороны США Джеймс Мэттис принуждает своих партнеров по альянсу во время своего первого визита в НАТО принять решение, выдвигая в грубой форме ультиматум...») – «категоричность», «принуждение».

Благодаря расширению компонентного состава фразеологизма, включением лексемы *europäisch* к существительному, можно выделить основную мысль статьи – настали сложные времена для европейских стран-участников НАТО, в контексте окказиональным актуализатором выступает предложение: ...*Es sind Zeiten der Verunsicherung für die europäischen Nato-Länder...* (...Это времена смуты для европейских стран НАТО...).

В тексте о введенных санкциях против России и влиянии этих санкций на подачу газа в Европу употребляется фразеологизм *ein*

zweischneidiges Schwert со значением «преимущества и недостатки». Как считает российское правительство, что скорейшее решение этой проблемы отвечает интересам Европы, так как введение санкций против России как видимое преимущество обернулось для Европы огромным недостатком, так как Канада в конечном итоге блокирует поставки газа в Германию: **Russlands Gas – ein zweischneidiges europäisches Schwert. ... Die kanadischen Behörden verhandeln mit Deutschland über Turbinen für die russische Nord Stream-Gaspipeline. Die russische Regierung glaubt, dass eine baldige Lösung dieses Problems im Interesse Europas liegt, da die Einführung von Sanktionen gegen Russland als sichtbarer Vorteil für Europa zu einem großen Nachteil geworden ist. Kanada ist durch seine Sanktionen verwirrt, da Kanada schließlich Gaslieferungen nach Deutschland blockiert** (FAZ, 11.12.20).

Значение фразеологизма с компонентом семантики «преимущества и недостатки» актуализируется благодаря предложению с ключевыми лексемами контекста *ein sichtbarer Vorteil, ein großer Nachteil* (*Vorteil* – «etwas (Umstand, Lage, Eigenschaft o. Ä.), was sich für jemanden gegenüber anderen günstig auswirkt, ihm Nutzen, Gewinn bringt»; *Nachteil* – «etwas (Umstand, Lage, Eigenschaft o. Ä.), was sich für jemanden gegenüber anderen negativ auswirkt, ihn beeinträchtigt, ihm schadet» с аналогичным компонентом семантики «преимущества и недостатки»: *...die Einführung von Sanktionen gegen Russland als sichtbarer Vorteil für Europa zu einem großen Nachteil geworden ist...* («...введение санкций против России в качестве видимого преимущества для Европы стало серьезным недостатком...»). Актуализация лексемы *europäisch*, за счет которой был расширен компонентный состав фразеологизма, происходит благодаря включению в текст лексем *Europa, Deutschland*.

Замена компонента встречается реже расширения компонентного состава фразеологизма в немецком языке. В употреблении фразеологизм *ein alter Haudegen* («старый вояка») – «давний компаньон; товарищ; партнер» с компонентами семантики «партнерство», «дружба» подвергся модификации.

Статья посвящена такому событию, как день рождения Принца Филиппа, ему исполняется 95 лет, герцога Эдинбургского, супруга королевы Великобритании Елизаветы II: *Happy Birthday, unsichtbarer Haudegen. Heute wird Prinz Philip 95 Jahre alt. Selbst an seinem Geburtstag steht er hinter der Queen zurück. Würdigung eines Mannes, der immer im Schatten seiner Frau lebte.*

...So lange man denken kann, sah man ihn immer zwei Schritte hinter seiner Frau Elisabeth, ... zurückbleiben, ihr in der Öffentlichkeit den Vortritt und alle relevanten Entscheidungen ihr überlassen – zumindest nach außen. Während ihrer inzwischen bald 69 Jahre währenden Ehe ist er ein treuer Freund und Ehemann (FP, 10.06.16).

Основные компоненты семантики фразеологизма – «партнерство», «дружба» актуализируются благодаря словосочетанию с основными компонентами семантики «дружба», «верность» *...ein treuer Freund und Ehemann...* (treu – «zuverlässig, beständig in seiner Gesinnung ([einem] anderen, einer Sache gegenüber»); Freund – «männliche Person, die einer anderen Person in Freundschaft (a) verbunden ist, ihr nahesteht») («верный друг и муж») в предложении *...Während ihrer inzwischen bald 69 Jahre währenden Ehe ist er ein treuer Freund und Ehemann...* («...Всю супружескую жизнь, а это 69 лет, он был верным другом и мужем...»).

Актуализация семантики замененного определения в составе фразеологизма – *alter* («старый») на *unsichtbarer* («невидимый») с компонентами значения «неприметность», «скрытость» происходит благодаря окказиональным актуализаторам: *immer im Schatten seiner Frau leben* («Schatten – Bereich, der vom Licht der Sonne oder einer anderen Lichtquelle nicht unmittelbar erreicht wird und in dem deshalb nur gedämpfte Helligkeit, Halbdunkel [und zugleich Kühle] herrscht») («...всегда жить в тени своей жены») – «оставаться незамеченным»; *hinterher im Schatten der Queen stehen* («стоять позади королевы, находясь в ее тени») – «неприметность»; *immer zwei Schritte hinter seiner Frau stehen* («стоять на несколько шагов позади своей жены»).

Благодаря актуализирующим значение модифицированного фразеологизма единицам контекста, раздельнооформленным узуальным и окказиональным актуализаторам с компонентами семантики «дружба», «верность», «неприметность», «оставаться незамеченным», становится понятным, что статья посвящена чествованию мужчины, всегда находившегося в тени своей жены.

Рассмотрение особенностей функционирования фразеологизмов с милитарным компонентом в немецкоязычных СМИ позволило обнаружить такую тенденцию, что использование фразеологизмов с милитарным компонентом в модифицированном виде в немецкоязычной прессе выше, чем в текстах российских СМИ, и составляет 10 % (30 употреблений) от общего числа употреблений (323 употребления). Типичными видами модификаций фразеологизмов с милитарным компонентом в немецкоязычных СМИ выступают расширение компонентного состава – 87 % и замена одного из компонентов состава фразеологизма – 13 %.

В русско- и немецкоязычных СМИ оперативно проявляются происходящие в лексико-семантические изменения, к которым можно отнести структурно-семантические модификации фразеологизмов с милитарным компонентом. Модифицированные фразеологизмы с милитарным компонентом в заголовках способны создавать скрытые смыслы текста, привносить дополнительные семантические оттенки.

Употребление фразеологизмов с милитарным компонентом в модифицированном виде в заголовочном комплексе текстов СМИ закономерно, поскольку использование фразеологизмов и их модификаций в качестве заглавий – удобный прием привлечения к публикации читательского внимания.

Использование фразеологизмов и их модификаций в текстах СМИ является одним из приемов привлечения внимания читателя. Фразеологизмы с милитарным компонентом в модифицированном виде в текстах немецко- и

русскоязычных СМИ в ходе проделанного анализа были выявлены только в качестве заглавий к текстам газетных статей.

Как показал контекстуальный анализ, для уточнения значения модифицированной ФЕ требуется не только развернутый или макроконтекст, наличие узуальных актуализаторов семантики фразеологизма, но и поддерживающие модификацию фразеологизма окказиональные актуализаторы, разъясняющие дополнительный оттенок смысла фразеологизма, представленные раздельнооформленными актуализаторами в постпозиции.

Выводы по главе 2

Изучение особенностей функционирования фразеологизмов с милитарным компонентом в текстах немецко- и русскоязычных СМИ позволяет сделать вывод о том, что контекст обуславливает выбор фразеологической единицы, раскрывает ее семантику, играя важную роль при семантизации и идентификации значения ФЕ. Вне контекста изучение функционирования фразеологизмов с милитарным компонентом не даст полной картины их природы и значения.

Не менее важным аспектом становится изучение внутриконтекстных элементов – актуализаторов значения фразеологизма, выполняющих роль указания на его значение в лингвистическом контексте.

Так, в немецком языке было проанализировано 323 контекста, что позволило выделить 582 внутриконтекстных актуализатора. Прделанный анализ позволил выделить две группы актуализаторов значения ФЕ: цельнооформленные – слова, что составляет 1 % и раздельнооформленные – словосочетания (49 %) и предложения (50 %).

В ходе контекстуального анализа примеров употребления ФЕ русского языка в контекстах (294 употребления), общее число актуализаторов составило 521 единицу, среди которых значительное большинство также как

и в немецком языке, с позиции структуры актуализаторов значения ФЕ в контекстах разного объема занимают раздельнооформленные актуализаторы в постпозиции, выраженные словосочетанием (35 %) и предложением (63 %).

Цельнооформленные актуализаторы в русском языке, как и было выявлено при анализе лингвистических контекстов немецкого языка, распространены значительно меньше в процессе разъяснения фразеологизма и составляют 2 % от общего числа зафиксированных контекстных актуализаторов в русском языке.

При рассмотрении функционирования ФЕ в контексте и их контекстуальном анализе всего было выявлено в обоих языках 617 контекстов употребления, общее число внутриконтекстных элементов реализации значения фразеологизмов с милитарным компонентом составило 1103 цельно- и раздельнооформленных актуализаторов, среди которых слова (1 %), словосочетания (42 %), предложения (57 %) (Рисунок 2):

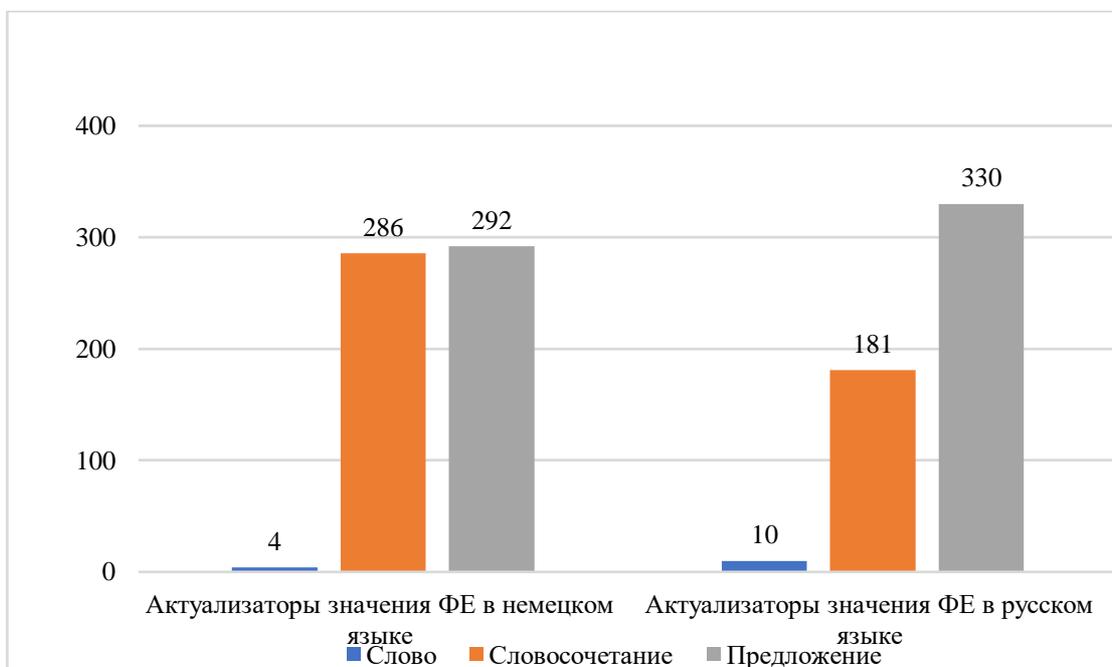

Рисунок 2 – Актуализаторы значения фразеологизмов с милитарным компонентом

Проделанный контекстуальный анализ актуализирующих значение ФЕ внутриконтекстных элементов лингвистического контекста в немецком и русском языках позволяет сделать вывод, что для актуализации значения ФЕ преобладает развернутый контекст (95 %)

Такое значительное преобладание раздельнооформленных актуализаторов в немецком и русском языках для актуализации значения ФЕ можно объяснить недостаточностью объема цельнооформленных актуализаторов, что не позволяет полностью раскрыть значение употребленного фразеологизма в тексте. В связи с этим, данный тип цельнооформленных актуализаторов – слов встречается в лингвистических контекстах немецкого и русского языков только в сочетании с раздельнооформленными актуализаторами, выраженными словосочетаниями и предложениями.

Подводя итог, можно сказать, что для актуализации значений фразеологизмов с милитарным компонентом необходим развернутый контекст (95 %) или макроконтекст (5 %), так как актуализация семантики фразеологизмов в немецких и русских текстах СМИ происходит, в основном, при помощи словосочетаний и ряда предложений, находящихся в рамках абзаца или всего текста статьи, стоящих в постпозиции, что о свидетельствует о преимуществе раздельнооформленных актуализаторов перед цельнооформленными, выраженными словом.

Таким образом, можно сделать вывод о преобладании развернутого контекста, с актуализирующими значение фразеологизма раздельнооформленными актуализаторами, представленными словосочетаниями, предложениями или их совместным включением в лингвистический контекст, в постпозиции.

При контекстуальном анализе употреблений фразеологизмов с милитарным компонентом в русском языке нами было установлено, что число модифицированных фразеологизмов составляет 5% (15 употреблений) от общего числа употреблений фразеологизмов с милитарным компонентом в

текстах русскоязычных СМИ (294 употребления). Среди модификаций анализируемых в русскоязычной газетной публицистике нами были определены: расширение компонентного состава фразеологизма, что составляет 27 % (4 употребления) и замена одного из компонентов фразеологизма – 73 % (11 употреблений). В немецкоязычных СМИ модифицированные фразеологизмы встречаются в 2 раза чаще, составив 10 % (30 употреблений) от общего числа употреблений фразеологизмов с милитарным компонентом в немецком языке (323 употребления). Среди модификаций нами были встречены расширение компонентного состава – 87 % (26 употреблений) и замена одного из компонентов состава фразеологизма – 13 % (4 употребления).

Как показал контекстуальный анализ, для семантизации значения модифицированной фразеологической единицы как в немецком языке, так и в русском требуется не только развернутый контекст или макроконтекст, наличие узуальных актуализаторов семантики фразеологизма, но и поддерживающие модификацию фразеологизма окказиональные актуализаторы разной структуры, задачей которых в контексте становится разъяснение дополнительного оттенка смысла модифицированного фразеологизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеологизмы зародились в языке непосредственно под влиянием культуры и истории народа. Подчеркивается, что большой пласт фразеологии того или иного языка возникает именно на национальной основе, поэтому ментальность народа особенно ярко проявляется во фразеологизмах. Характерным является также то, что многие ученые указывают на очень тесную связь военной истории страны и отражением ее в языке, поэтому можно говорить о мотивированности появления фразеологизмов с милитарным компонентом, которые прочно вошли во фразеологический фонд немецкого и русского языков.

Объектом данного диссертационного исследования является лингвистический контекст как средство актуализации семантики фразеологизмов с милитарным компонентом.

В современном мире велика воздействующая роль СМИ при освещении событий, связанных с политикой. Благодаря способности конструировать новые смыслы и оценки и транслировать их массовому адресату, СМИ осуществляет управление общественным мнением и поведением. Главным инструментом этого управления становятся средства речевого воздействия. Это можно объяснить тем, что газетная речь имеет свою функционально-стилистическую задачу. Отбор языковых средств в текстах СМИ, совмещающих в себе функции номинации и оценки, обусловлен необходимостью воздействия на массового реципиента и периодичностью осуществления коммуникации, ее оперативностью, что отображает воздействующую и информационную функции СМИ.

Одной из форм реализации информационной функции является оперативное освещение происходящих в стране и мире событий. Функция воздействия в газетной статье направлена на массового реципиента, на создание образа того иного лица, предмета, явления, события, на формирование определенного отношения к происходящим внешним и

внутренним общественно-политическим, социальным, экономическим проблемам. На выбор языковых средств, с помощью которых осуществляются воздействующая и информационная функции текстов СМИ в русском и немецком языках, влияют экстралингвистические факторы, среди которых особое значение занимают наличие или отсутствие военных конфликтов, связанных как с внутренней, так и внешней, международной политикой, также наличие или отсутствие политических заявлений среди глав государств и др.

Нами было установлено, что фразеологизмы с милитарным компонентом в немецких текстах СМИ встречаются, в основном, в таком разделе газеты, как «внутренняя политика» – 45 % (146 употреблений), «внутренняя политика» – 25 % (81 употребление), иногда «экономика» – 15 % (48 употреблений) и «спорт» – 10 % (32 употребления), реже «социальная жизнь» – 5 % (16 употреблений).

В российских текстах СМИ употребление фразеологизмов с милитарным компонентом характерно в разделах: «внешняя политика» – 45 % (132 употребления), «внутренняя политика» – 20 % (59 употреблений), «экономика» – 20 % (58 употреблений), «спорт» – 10 % (29 употреблений) и «социальная жизнь» – 5 % (14 употреблений).

Наибольшей популярностью фразеологизмы с милитарным компонентом в немецком и русском языках пользуются в заголовках газетной публицистики, среди которых число употреблений немецких и русских фразеологизмов с милитарным компонентом значительно превышает число употреблений в самом тексте статьи и составляет 98 % (604 употребления). Это свидетельствует о том, что привлечение фразеологизмов с милитарным компонентом в заголовочный комплекс продиктовано стремлением сделать язык газеты коммуникативно общезначимым, то есть ясным и выразительным, точным и кратким.

Фразеологизмы с милитарным компонентом в узуальном или модифицированном виде в качестве заголовков служат для обозначения темы повествования, тем самым они аккумулируют внимание реципиента.

Исследование процессов актуализации фразеологизмов в лингвистическом контексте показало, что для достижения результата, семантизации фразеологизма, необходимо два условия, а именно необходимый объем контекста для расположения в нем актуализирующих элементов и сами актуализирующие элементы с такими компонентами семантики, совпадающими полностью или частично с ключевыми компонентами семантики фразеологизма.

На основе существующих классификаций и анализа собственного материала нами были выделены структурные особенности контекста и актуализирующих внутриконтекстных элементов, актуализаторов семантики фразеологизмов с милитарным компонентом.

Актуализаторы представлены языковыми единицами различных объемов – от слова до нескольких предложений, что условно позволяет разделить их на цельнооформленные и раздельнооформленные. Расположение актуализаторов значения фразеологизмов рассматривается с точки зрения препозиции и постпозиции относительно употребленной фразеологической единицы в тексте. Исследование функционирования фразеологизмов с милитарным компонентом, а также актуализаторов значения ФЕ в контексте показало, что внутриконтекстные элементы значения фразеологизма располагаются, в основном, в тексте после ФЕ, то есть располагаются в постпозиции. Данную закономерность можно объяснить тем, что наиболее частотным употреблением ФЕ выступает заголовочный комплекс, а актуализирующие значение ФЕ элементы располагаются в самом тексте после заголовка. Такая позиция актуализаторов позволяет актуализировать ключевой смысл фразеологизма, препозиция расположенных в контексте ключевых актуализирующих значение фразеологизма элементов направлена на прогнозирование его появления, активизацию его восприятия. Расположение фразеологизмов с милитарным компонентом в тексте статьи, а не в заголовке, связано прежде всего с выражением мнения о сложившейся обстановке, оценки наблюдателей, не задействованных в развитии тех или

иных описываемых событий, или непосредственно участников, поэтому препозиция актуализаторов как бы вводит фразеологизм в употребление в контексте, предвосхищая его появление.

В текстах российских и немецких СМИ употребление фразеологизмов с милитарным компонентом происходит как узуально, так и окказионально. Фразеологизмы с милитарным компонентом в текстах СМИ подвергаются модификациям, целью которых становится как усиление экспрессии, так и изменения содержательной стороны фразеологизма, с целью добавления дополнительного оттенка значения. Среди модификаций, встреченных в текстах СМИ в русском и немецком языках, были зафиксированы замена компонента и расширение компонентного состава фразеологизма в заголовочном комплексе.

При актуализации значения фразеологизмов с милитарным компонентом при окказиональном употреблении требуется наличие в контексте не только фразеологических актуализаторов, как при узуальном употреблении, но и дополнительных внутриконтекстных актуализаторов – окказиональных актуализаторов, поддерживающих модификации фразеологизмов с милитарным компонентом в лингвистическом контексте.

Воздействие всех актуализаторов в контексте направлено на значение фразеологизма, независимо от его узуального или окказионального употребления.

В данной работе предпринята также попытка систематизации лингвистических средств актуализации семантики фразеологизмов с милитарным компонентом. Для выявления актуализаторов значения фразеологизмов с милитарным компонентом мы выделяли ключевые компоненты семантики фразеологизмов, среди которых самыми частыми стали «напряженность», «опасность», «разрушение», «скрытность», «незаметность», «демонстрация силы», «власть», «угроза», «борьба», «война», «сопротивление», «конфронтация», «конфликт», «накаленная атмосфера», «будущая опасность», «провокационные действия», «состояние срыва»,

«агрессия», «вражда», «полное отчаяние», «подавленность» «безжалостность», «подчинение», «насилие». За счёт использования в контекстном окружении фразеологизма с милитарным компонентом внутриконтекстных актуализаторов разной структуры со сходными семантическими компонентами, становится возможной актуализация ключевых сем значения фразеологизма.

В ходе исследования русскоязычных и немецкоязычных газетных статей с 2010 по 2022 гг. было выявлено, что большинство данных ключевых компонентов семантики фразеологизмов с милитарным компонентом являются универсальными при актуализации значения фразеологизмов исследуемой группы в текстах немецко- и русскоязычных СМИ.

Что касается перспектив данного исследования, то, безусловно, затронутые в данной диссертации проблемы требуют дальнейшего изучения. В частности, необходимо совершенствовать методику выделения внутриконтекстных актуализаторов значения фразеологизмов, а также привлекать к исследованию новый материал. Важное значение для исследования динамики использования фразеологизмов с милитарным компонентом при анализе газетных статей может иметь расширение временных рамок выборки материала в текстах СМИ для определения зависимости между экстралингвистическими факторами, например, ростом напряженности международной обстановки и уровнем интенсивности употребления фразеологизмов данной тематической группы. Необходимым, на наш взгляд, является и исследование фразеологизмов с милитарным компонентом в лингвистическом контексте в других жанрах в рамках медиадискурса, например, в социальных сетях, комментариях к статьям на интернет-сайтах и др.

Необходимо отметить, что актуальность и востребованность фразеологии как одной из тем научных исследований остается бесспорной, а фразеологизмы с милитарным компонентом значения продолжают употребляться в современном русском и немецком языках. Это означает, что

изучение фразеологизмов с милитарным компонентом, особенностей их употребления и функционирования в обоих языках, условий их взаимодействия с лингвистическим контекстом и последующей актуализацией их значения при помощи актуализаторов со сходными компонентами семантики остаются перспективной темой для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография. Белгород, 2008. – 150 с.
3. Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л. Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 472 с.
4. Алефиренко, Н. Ф., Семененко, Н. Н. Фразеология и паремиология: учеб. пос. для бак. уровня филол. образ. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
5. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Изд. ЛГУ, 1963. – 207 с.
6. Анненкова, И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ / И. В. Анненкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011. – 392 с.
7. Ануфриева, М. А. Некоторые системные отношения фразеологизмов с глагольным компонентом have // XVI Ломоносовские чтения: сб. ст. студ. и аспирантов по материалам науч. конф. Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – С. 29–31.
8. Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1417 с.
9. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М., 1990. – 300 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
11. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/wordocuments/_51.html (дата обращения 27.12.2021).

12. Ахметсагирова, Л. И. Образы фразеологии военной сферы в рамках культурных кодов (на матер. рус. и нем. яз.). –Т.: Грамота, 2010 №4/35. – С. 198–200.
13. Ахметсагирова, Л. И. Языковая картина мира сквозь призму фразеологии военной сферы : на материале русского и немецкого языков : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ахметсагирова Лейсан Исламовна; – Казань, 2010. – 22 с.
14. Бабкин, А. М. Русская фразеология: ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 262 с.
15. Бабкин, А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре. Современная русская лексикография, 1979. – 160 с.
16. Бажанов, В. А. О роли контекста в изучении немецкой фразеологии. // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. №02 (8). – С. 127–131.
17. Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Прогресс, 1961. – 394 с.
18. Баранов, А. Н. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов / А.Н. Баранов. - М., 1993. – 496 с.
19. Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
20. Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Идиома // Русский язык: Энциклопедия / ИРЯ РАН; Под общ. Ред. А.М. Молдована. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аст-Пресс-Школа, 2020. – С. 197–198.
21. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия / ИРЯ РАН; Под общ. Ред. А.М. Молдована. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аст-Пресс-Школа, 2020. – С. 198–199.
22. Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия / ИРЯ РАН; Под общ. Ред. А.М. Молдована. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Аст-Пресс-Школа, 2020. – С. 824–825.

23. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 656 с.
24. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Под редакцией Ярцевой, В.Н. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 451 с.
25. Бондаренко, В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи : автореферат дис. ... доктора филологич. наук : 10.02.01 / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – Москва, 1995. – 42 с.
26. Буслаев, Ф. И. Русские пословицы и поговорки /Ф.И. Буслаев. – М., 1854. – 37 с.
27. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
28. Введенская, Л. А. О взаимодействии антонимии и синонимии // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов-на-Дону, 1968. – С. 68–74.
29. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
30. Влавацкая, М. В. Понятие дистрибуции в отечественной и зарубежной лингвистике / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1. – с. 39–42.
31. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: (теория и методы). – М.: Изд-во Росс. Ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
32. Гаврилова, Ю. В. Антропология и лингвистика в теории Бронислава Малиновского. Значение его взглядов для истории языкознания // Вестник Финансового университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014 №3 (15). – С. 73–77.
33. Гаврилова, Ю. В. Системно-функциональное направление в лингвистике Майкла Халлидея // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. №3. – С. 16–21.

34. Гайнанова, И. Ф. Трансформации фразеологических единиц в современных газетных текстах. // Вестник Челябинского государственного университета. Вып.39. 2008. – С.154–162.
35. Гальперин, И. Р. О понятии «текст» / И.Р. Гальперин // Лингвистика текста: материалы науч. конф. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1974 – Ч. 1. – С. 67–72.
36. Гвоздарев, Ю. А. Функции фразеологических единиц в русской речи // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов. Ростов-на-Дону, 1989. – С. 12–19.
37. Гинзбург, Р. З. Лексикология английского языка. / Под ред. Р.З. Гинзбург. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. школа, 1979. – 269 с.
38. Городникова, М. Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1985. – 70 с.
39. Грибанская, Е. Э., Береснева, Л. Н. Русский язык и культура речи: уч.-практич. пос. – М., 2017. – 140 с.
40. Губарев, В. П. Оказиональная фразеологическая номинация в тексте (на материале немецкоязычной прессы) // Лексикон человека и речевая деятельность. – Сб. науч. тр. МГЛУ. – Вып. 378. – М., 1991. – С. 91-97.
41. Гумбольдт, В. О различии организмов человеческих языков и о влиянии этого развития на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. – 366 с.
42. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. избр. труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–298.
43. Гусева, Е. А. Лексикология. Современный немецкий язык / Е. А. Гусева, И. Г. Ольшанский. – М.: Академия, 2005. – 416 с.
44. Давлетбаева, Д. Н. Типологическая моделируемость фразеологических трансформаций (на материале русского, английского, французского и турецкого языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Чебоксары, 2012. – 42 с.

45. Данченко, Н. Н. Варьирование компонента фразеологизма в языке и речи / Н. Н. Данченко // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка: сб. науч. тр. под ред В.И. Агамджановой - Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 2009. – С. 55–61.
46. Добровольский, Д. О. Корпусный подход к исследованию фразеологии: новые результаты по данным параллельных корпусов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020, 17 (3). – С. 398–411.
47. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиа речи / Т. Г. Добросклонская. – М.: Макс Пресс, 2013. – 288 с.
48. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Наука, 2008. – 264 с.
49. Доминикан, А. И. Виды контекстов при разных научных подходах/ Вестник ТвГУ. Серия "Филология". 2017. №4. – С. 125-131.
50. Дубровина, К. Н. Особенности функционирования в языке фразеологических единиц // Функциональное описание русского языка: Сб. науч. тр. М., 1995. – С. 53–58.
51. Дускаева, Л. Р. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика. – 2019. – № 1. – Т. 6. – С. 4–18.
52. Дускаева, Л. Р. Медиастилистика в России : традиции и перспективы / Л. Р. Дускаева // Журналистика и культура речи. – 2011. – № 3. – С. 7–25.
53. Елисеева, В. В. Лексикология английского языка: учеб. пос. – СПб.: Изд-во филол. факультета СПбГУ, 2005. – 80 с.
54. Елькина, Е. Е., Кононова, О. В., Прокудин Д. Е. Типология контекстов и принципы контекстного подхода в междисциплинарных научных исследованиях // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. Т. 15, № 1. С. 141–153.

55. Ельцова, М. Н. Стилистика немецкого языка: учеб. пособие. Пермь: изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. – 80 с.
56. Жуков, В. П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
57. Зиндер, Л. Р. Современный немецкий язык / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – М.: Высшая школа, 1977. – 407 с.
58. Иванникова, Е. А. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М. : Л., 1966. – С. 69–95.
59. Иванова, С. В. Культурологическая модальность в политическом медиадискурсе / С. В. Иванова // Медиалингвистика. – 2018. – № 5 (2). – С. 199–209.
60. Иванова, С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 1. – С. 29–33.
61. Искоз, А. М. Лексикология немецкого языка для студентов педагогических институтов и факультетов иностранного языка/ А.М. Искоз, А.Ф. Ленкова.: Л.: Учпедгиз, 1963. – 296 с.
62. Канонич, С. И. Принципы типологии контекстных и грамматических категорий// Вопросы языкознания. 1955 № 3. – С. 18–27.
63. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
64. Карасик, В. И. Лингвоконцептология: учеб. пособие. – Волгоград : Перемена, 2014. – 103 с.
65. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
66. Касавин, И. Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. - М.: Канон+, 2008. – 437 с.
67. Кирсанова, Н. А. О некоторых семантических признаках ФЕ (К вопросу о многозначности и синонимике в сфере фразеологии) / Н.А. Кирсанова // Проблемы фразеологии. – М.: Наука, 1964 – С. 94–101.

68. Клименко, Т. Н. Типология иронических контекстов / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №20, V 49, 2007. – С. 65–70.
69. Клоков, В. Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода. // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 60–67.
70. Коваленко, В. В., Воронова, Е. М. Об одной продуктивной модели в деловой фразеологии // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. материалов IX Международ. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Ч.2 / гл. ред. С.А. Песоцкая. Томск: ТПУ, 2009. – С. 93–95.
71. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры /М. Л. Ковшова, Ин-т языкознания Рос. акад. наук. – М. : Ленанд Урсс, 2016. – 453 с.
72. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. –М.: Наука, 1980. – 149 с.
73. Коньков, В. И. Воздействующая речь в печатных средствах массовой информации / В. И. Коньков // Речевое общение: специализированный вестник. Сибирский федеральный университет. – 2009. – Вып. 10 – № 11. – С. 83 – 89.
74. Коньков, В. И. Лингвистические исследования политического медиадискурса / В. И. Коньков // Медиалингвистика. – 2018. – № 5 (2). – С. 138–161.
75. Кормилицына, М. А. Синтаксические способы дезавторизации информации в современных СМИ / М. А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – М. : Наука, 2007. – Вып. 9. – С. 243–249.
76. Кормилицына, М. А. Активные процессы в языке современной российской прессы / М. А. Кормилицына // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – Вып. 6. – Ч. 2. – С. 304 –308.

77. Кормилицына, М. А., Сиротинина, О. Б. Язык СМИ : учеб. пособие по курсу «Язык СМИ» для студентов I и II курсов подготовки бакалавров по направлению «Журналистика» / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина. – Саратов Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – 92 с.
78. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 3-е изд. испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
79. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе : Некоторые особенности языка соврем. газетной публицистики. - Москва, 1971. – 267 с.
80. Коряжкина, О. В. Роль вертикального контекста и различных типов интертекстуальности в лингвопоэтическом анализе художественного произведения. Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки №2 (34), 2019. – С.19–25.
81. Красных, В.В. Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания) // Жанры речи. 2017. № 2 (16). – С. 172–192.
82. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 144–238.
83. Кулешова, А. В. Категория контраста и оппозиции в лингвистическом анализе// Известия ВГПУ 2(87), 2013. – С. 4–7.
84. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Наука, 1972. – 288 с.
85. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: «Высшая школа», 1996. – 381 с.
86. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика : Введение / Дж. Лайонз; пер. с англ. В. В. Морозова, И. Б. Шатуновского; под общ. ред. И.Б. Шатуновского. – М.: Яз. славян. культуры, 2003. – 397 с.
87. Ломакина, О. В. Способы раскрытия смыслового содержания фразеологизма в тексте (на примере художественных произведений и писем Л.Н. Толстого) / О. В. Ломакина // Грамматические категории и

- единицы: синтагматический аспект: К 100-летию профессора Анатолия Михайловича Иорданского. Материалы VII Междунар. конф. – Владимир: ВГПУ, 2007. – С. 171–174.
88. Ломакина, О. В. Проблематика исследований функционирования фразеоресурсов языка в контексте / О.В. Ломакина // Язык в слове, фразеологизме, тексте: коллект. монография. – Орел: ОГУ, 2015. – С. 148–154.
89. Ломакина, О. В. Роль фразеологических актуализаторов в смысловой реализации фразеологизмов и пословиц в тексте (на материале языка Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2015. – № 2. – С. 7–13.
90. Ломакина, О. В. Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации / О.В. Ломакина // «Филология и культура. Philology and Culture». – 2015. – № 4. – С. 92–97.
91. Ломакина, О. В. Понятие контекста в современной лингвистике / О. В.Ломакина // Юбилейный сб. науч. тр., посвящённый 165-летию преподавания русского языка в Венгрии. – Печ, 2015. Т.1. – С. 94–98.
92. Ломакина, О.В. Роль фразеологических актуализаторов в формировании семантики фразеологизмов и пословиц / О.В. Ломакина // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Междунар. конф. (V Бодуэновские чтения): Труды и материалы. Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. – Казань, 2015. – С. 196–198.
93. Ломакина, О. В. Textoобразующий потенциал фразеологии и паремиологии / Ломакина О.В. // Диалог культур и обществ / научная редакция Beata Afeltowicz, Jolanta Miturska-Wojanowska, Harry Walter. – Szczecin, 2016. – С. 101–106.
94. Малышева, Н. В. Фразеологические трансформации в речевой деятельности и переводческой практике (на материале произведений

- В. Высоцкого и Л. Филатова): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Кемерово, 2008. – 21 с.
95. Мальцева, Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие., М.: Высшая школа, 1991. – 170 с.
96. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание: учебник для студ. филол. и лингв. фак. высших учебных заведений / Ю. С. Маслов. – 6-е изд., стер. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр: «Академия», 2007. – 272 с.
97. Мелерович, А. М. О структуре и функциях фразеологических символов // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 94–102.
98. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. – М.; Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах, Изд. группа «Прогресс», 1997. – 416 с.
99. Миллер, Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии / Е.Н. Миллер. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1990. – 221 с.
100. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: Учеб. пособ. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
101. Мощанская, Е. Ю. Роль невербального контекста в восприятии и понимании устного дискурса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 1 (9). – С. 29–36.
102. Мыркин, В. Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. № 1. – С. 95–100.
103. Нефедов, С. Т., Чернявская, В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020, (63). – С.83- 97.

104. Нещименко, Г. П. К постановке проблемы «язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. – С. 105–107.
105. Номинация и контекст : сб. науч. тр. / Кемеров. гос. ун-т ; [редкол.: С. П. Тиунова (отв. ред.) и др.]. – Кемерово : КГУ, 1985 (1986). – 127 с.
106. Ныркова, Л. М. Как делается газета: практич. пособие. М., 1998. – 68 с.
107. Ольшанский, И. Г. Лексикология: Современный немецкий язык: Учеб. для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева – М.: Академия, 2005. – 307 с.
108. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; отв. ред. канд. филол. наук М. Б. Раренко. – М., 2010. – 260 с.
109. Патрушев, А. И. Германская история / А. И. Патрушев. – М.: Весь мир. 2003. – 256 с.
110. Переверзева, Н. А. О разных подходах к изучению контекста в лингвистике. Вестник Вятского государственного университета, 2017. – С. 52–56.
111. Попов, А. С. Синтаксическая структура современных газетных заголовков и ее развитие // синтаксиса современного русского языка. М., 1966. – С. 95–127.
112. Потевня А.А. Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. – 200 с.
113. Прозоров, В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву : монография / В. В. Прозоров. – Саратов : Издательство Саратов. университета, 2004. – 237 с.
114. Прозоров, В. В. Власть и свобода журналистики : 2-е изд., переработ. / В. В. Прозоров. – М. : Наука – Флинта, 2012. – 240 с.
115. Реформатский, А. А. Введение в языкознание [Текст]: учебник для вузов / А.А. Реформатский. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 536 с.
116. Розен, Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е.В. Розен. - М.: Менеджер, 2000. – 192 с.

117. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1956. – 260 с.
118. Солганик, Г. Я. О новых аспектах изучения языка СМИ / Г. Я Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. – 2000. – № 3. – С. 31 – 38.
119. Солганик, Г. Я. Стилистический словарь публицистики : Около 6000 слов и выражений / Г. Я. Солганик; МГУ им. М. В. Ломоносова. - М. : Рус. слов., 2003. – 647 с.
120. Солганик, Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я Солганик. – М. : Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
121. Сотникова, С. И. Некоторые вопросы стилистики немецкого языка .Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2003. – 56 с.
122. Соколова, Н. К. Изучение разных уровней поэтического текста при контекстологическом анализе / Н.К. Соколова // Лингвистический анализ в школе и вузе: межвуз. сб. науч. тр. / Воронеж. гос. ун-т; отв. ред. И.П. Распопов. – Воронеж, 1983. – 157 с.
123. Солодилова, И. А. Вятчина, В. Е. Фразеологизмы со значением «время» в свете лингвокультурных исследований. // Вестник ОГУ, № 11, 2005. – С.172–176.
124. Степанова, М. Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка: учеб.пособие для студентов высш.учеб.заведений. – М., 2003. – 251 с.
125. Степанова, М. Д. Лексические и словообразовательные средства организации текста: на материале художественной литературы / М. Д. Степанова // Лингвистические проблемы текста / Сборник научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М, 1983. – Вып. 217. – С.107–114.
126. Стилистика русского языка: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050300

- Филологическое образование / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. - Москва : Наука, 2008. – 462 С.
127. Сюткина, Н. П. Функционирование междометных фразеологических единиц в ситуации каузации эмоциональной модификации // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков, 2020 (14). – С. 82–86
128. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
129. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
130. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 8–25.
131. Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–31.
132. Телия, В. Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В. Н. Телия. – 4 изд. – М.: Аст-Пресс-Книга, 2009. – 781 с.
133. Трибунская, Н. В. Взаимодействие экспрессии и стандарта во фразеологических единицах (на мат. газетных заголовков). Известия СГУ, 2011. Т.11. Сер. Филология. Журналистика, вып. 3. – С. 40–43.
134. Унагаев, В. С. Словообразование в лексике авиации и космоса (на материале немецкоязычной прессы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. – Вып.1. – С.140– 146.

135. Федуленкова, Т. Н. Эстетическая функция фразеологических единиц в речи // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания: Материалы межвуз. конф. Ростов-на-Дону, 1997. – С. 38-40.
136. Федуленкова, Т. Н. Функциональное развитие коммуникативных фразеологических единиц в современном английском языке // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: Материалы науч. конф. М., 1998. – С. 136–139.
137. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды. Т.1. – М.: Министерство просвещения РСФСР, 1956. – 472 с.
138. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1994. – 543 с.
139. Фразеологический объяснительный словарь русского языка : более 1000 идиом (2000 значений) / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского ; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Эксмо, 2009. – 700 с.
140. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.
141. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта; Наука, 2012. – 184 с.
142. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. – 328 с.
143. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Либроком, 2012. – 265 с.
144. Шарапова, И. В. Влияние гипотезы Сепира-Уорфа на развитие мировой лингвистики // Современные проблемы науки и образования. – 2015. №2. – С. 391–399.
145. Шафф, А. Введение в семантику [Текст] / А. Шафф; пер. с пол. М.Я. Головинской, Н.Г. Комлева, В.Ф. Коновой; ред. А.А. Якушева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 376 с.
146. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка. – М., 1941. – 620 с.

147. Шаховский, В. И. Методика лингвистических исследований : учебно-методическое пособие для соискателей, аспирантов, магистрантов / В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал ; Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО "Волгоградский гос. пед. ун-т", Каф. языкознания, Научно-исслед. лаб. "Язык и личность". – Волгоград : Перемена, 2008. – 122 с.
148. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 324 с.
149. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.; Л.: Наука, 1947. – 192 с.
150. Aschenberg, H. Kontexte in Texten. Umfeldtheorie und literarische Situationsaufbau. Tübingen, 1999. – 354 S.
151. Blommaert, J. Discourse: A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 299 p.
152. Buhofer, A. H., Burger, H. Gehören Redewendungen zum heutigen Deutsch? // Fremdsprachen Lehren und Lernen / hrsg. von G. Henrici, E. Zöfgen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992. – S. 11–32.
153. Buhofer, A. H. "Psycholinguistische Aspekte der Bildhaftigkeit von Phraseologismen". In: Gréciano, Gertrud (Hrsg.) Europhras 88. Phraséologie contrastive. Strasbourg: Université des Sciences Humaines. 1992. – S. 165–175.
154. Burger, H. "Neue Aspekte der Semantik und Pragmatik phraseologischer Wortverbindungen". In: Matesic, J. (Hg.): Phraséologie und ihre Aufgaben. Heidelberg, 1983. – S. 24–34.
155. Burger, H. Funktionen von Phraseologismen in den Massenmedien. In: Burger, H., Zett, R. (Hrsg.): Aktuelle Probleme der Phraséologie. Bern et al. 1987, – S. 11–28.
156. Burger, H. Bildhaft, übertragen, metaphorisch...!. Zur Konfusion um die semantischen Merkmale von Phraseologismen. In: Gréciano, G. (Hg.): Europhras 88. Phraséologie Contrastive. Strasbourg 1989, – S. 17–29.
157. Burger, H. Phraséologie und Intertextualität. In: Palm, C. (Hg.): Europhras 90. Uppsala 1991, S. 13–27.

158. Burger, H. Handbuch der Phraseologie / H. Burger, A. Buhofer, A. Sialm. – Berlin, New York : de Gruyter, 1992. – 433 S.
159. Burger, H. Phraseologie in Fernsehnachrichten. In: Baur, R./Chlosta, C./Piirainen, E. (Hrsg.) : Wörter in Bildern – Bilder in Wörtern. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis. Baltmannsweiler 1999, – S. 71–106.
160. Burger, H. Phraseologie, Eine Einführung am Beispiel des Deutschen, 3. neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2007. – 241 S.
161. Bühler, K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart, 1965. – 434 S.
162. Dimter, M. Textklassenkonzepte heutigere Alltagssprache. Kommunikationssituation, Textfunktion und Textinhalt als Kategorien alltagssprachlicher Textklassifikation. Tübingen, 1981. – 140 S.
163. Eurolatein. Das griechische und lateinische Erbe in den europäischen Sprachen /Kirkness A., Munske H.H. (Hrsg.) Tübingen: Niemeyer, 1996. – 560 S.
164. Dobrovol'skij, D. O. "Zur Dialektik des Begriffs der textbildenden Potenzen von Phraseologismen". In: Wissenschaftliche Zeitschrift der KarlMarx-Universität Leipzig, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe 33 (1980). – S. 690–700.
165. Dobrovol'skij, D. O. Idiome in der deutschen und russischen Presse – Aspekte der Variation. In: Jakobs, Eva-Maria/Rothkegel, Annely (Hrsg.): Perspektiven auf Stil. Tübingen: Niemeyer, 2001. – S. 247–265.
166. Dobrovol'skij, D. O. Phraseme aus kognitiver und kontrastiver Sicht // Stefan Engelberg/Heidrun Kämper/Petra Storjohann (Hrsg.): Wortshatz: Theorie, Empirie, Dokumentation. – Berlin: de Gruyter, 2018. – S. 151–170.
167. Dobrovol'skij, D./ Piirainen, E. Kognitive Grundlagen der Idiom-Motivation. In: Maurice Kauffer, Yvon Keromnes (Hrsg.). Theorie und empirie in der Phraseologie – Approches théoretiques et empiriques en phraséologie. Tübingen: Stauffenburg (=Eurogermanistik, 37), 2019. – S. 19–31.

168. Dobrovol'skij, D. O. Zur Theorie der Phraseologie: grundlegende Fragen und praktische Anwendungen // Teaching and learning phraseology in the XXI century – Phraseologie lehren und lernen im 21. Jahrhundert: Challenges for phraseodidactics and phraseotranslation Herausforderungen für Phraseodidaktik und Phraseoübersetzung. Edited by Florentina Mena Martínez and Carola Strohschen. Berlin etc.: Peter Lang, 2020, S. 17–51.
169. Donalies, E. Die Wortbildung des Deutschen. Ein Überblick. Tübingen, 2005. – 192 S.
170. Donalies, E. Basiswissen Deutsche Wortbildung. Tübingen: Francke, 2007. – 155 S.
171. Donalies, E. Basiswissen Deutsche Phraseologie. Tübingen: Francke, 2009. – 155 S.
172. Drescher, M. Für zukünftige Bewerbungen wünschen wir Ihnen mehr Erfolg. Zur Formelhaftigkeit von Absagebriefen. In: Deutsche Sprache 22 (1994). – S. 117–137.
173. Duden. Herkunftswörterbuch / Hrsg. u bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim, 2007. – 1103 S.
174. Duden. Synonymwörterbuch/ Hrsg. u bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim, 2007. – 1104 S.
175. Duden. Redewendungen/ Hrsg. u bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. Mannheim, 2008. – 955 S.
176. Duden. Das große Fremdwörterbuch / Hrsg. u bearb. vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. - Mannheim, 2007. – 1542 S.
177. Fedulenkova, T.N. Interaction among Lexical, Grammatical and Functional Features in Phraseological Units // Language and Literature. Vol. 6. Tumen, 1999. – P. 3–5.
178. Fedulenkova, T. English Phraseological Units and their Constant Functions // International Journal of Applied and Fundamental Research. № 2. 2013. – P. 66–75.

179. Fernandez Bravo, Nicole/ Behr, Irmtraud/ Rozier, Claire (Hrsg.): Phraseme und typisierte Rede. (Eurogermanistik 14). Tübingen : Stauffenburg, 1999. – 241 S.
180. Fix, U. “Zum Verhältnis von Syntax und Semantik im Wortgruppenlexem.” In: Linguistische Studien, Reihe A 56. Berlin, 1979. – S. 1–19.
181. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2. Aufl. Tübingen:Niemeyer, 1997. – 382 S.
182. Fleischer, W. Barz, I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Berlin/Boston: de Gruyter, 2012. – 484 S.
183. Frege, G. Über Sinn und Bedeutung // G. Patzig (Hg.) Funktion, Begriff, Bedeutung, Göttingen, 1980 (1892). – S. 40–65.
184. Gréciano, G. “Vorschungen zur Phraseologie” In: Zeitschrift für germanistische Linguistik 11, 1983. – S. 214 –243.
185. Gréciano, G. “Idiom und sprachspielerische Textkonstruktion” In: Kornhonen J. (Hrsg.) Beiträge zur allgemeinen und germanistischen Phraseologieforschung, 1987. – S. 193–206.
186. Gréciano, G. “Vorsicht, Phraseoaktivität!” In: Sandig, Barbara (Hrsg.) Europhras 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Bochum: Brockmeyer, 1994. – S. 203–218.
187. Gustafsson, U., Piirainen, L. Untersuchungen zur Phraseologie in Zeitungstexten der deutschsprachigen Länder. Vaasa: NA, 1985. – 174 S.
188. Halliday, M. The Notion of “Context” in Language Education // Text and Context in Functional Linguistics. Ed. by M. Ghadessy. Amsterdam/Philadelphia, 1999. – P. 1–24.
189. Handwerker, B. Phraseologismen und Kollokationen // Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Deutsch als Fremd= und Zweitsprache. Hrsg.von H.-J. Krumm u.a. 1. Hbd. B., N.Y., 2010. S. 246–255.
190. Henne, H. Wort und Wortschatz // Duden. Grammatik der deutschen gegenwartssprache. Hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim u.a., 1998. – S.557–608.

191. Hessky, R. Phraseologie: Vermittlungsinstanz zwischen Sprachsystem und Sprachverwendung In: Fernandez-Bravo, Nicole; Behr, Irmtraud; Rozier, Claire: Phraseme und typisierte Rede. Tübingen (Stauffenburg), 1999. – S. 233– 241.
192. Israel, J. Sprache und Erkenntnis. Zur logischen Tiefenstruktur der Alltagssprache. Frankfurt/N.Y., 1990. – S. 54–55.
193. Klappenbach, R. Feste Verbindungen in der deutschen Gegenwartssprache // Beitrage. Sonderband. E. Karg-Gasterstädt zum 75. Geburtstag am 9. Febr. 1961 gewidmet. Berlin, 1961. – S. 443–457.
194. Koller, W. Redensarten. Linguistische Aspekte, Vorkommensanalyse, Sprachspiel. Berlin: De Gruyter, 1977. – 299 s.
195. Kuk-Hyun Cho. Kommunikation und Textherstellung. Studien zum sprechakttheoretischen und funktional-kommunikativen Handlungskonzept. Dissertation. Universität Münster. 2000. – 258 s.
196. Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache / Götz D., Hänsch, G., Wellmann, H (Hrsg.). - Berlin, 2003. – 1050 s.
197. Lemnitzer, L., Zinsmeister, H. Korpuslinguistik. Eine Einführung. 3. Auflage. Tübingen: Narr Verlag, 2015. – 224 s.
198. Michel, G. Anliegen und Entwicklungsetappen der funktional-kommunikativen Sprachbeschreibung // Potsdamer Forschungen, Reihe A, H. 101, Potsdam, 1989. – 213 s.
199. Müller, P. O. Foreign word-formation in German // Müller P.O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.) Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin/Boston: de Gruyter, 2014. – 545 s.
200. Nübling, D. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwechsels. Tübingen: Narr. 2013. – 291 s.
201. Palm, Ch. Phraseologie – eine Einführung. Tübingen: Narr. 1997. – 310 s.
202. Pérennec, M.-H. (1999) Idiome in der politischen Rede. In: Bravo, N.F., Behr, I. & Rozier, C. (eds.) (1999) Phraseme und typisierte Rede. Tübingen: Stauffenburg, Pilz, K.D. (1981). – S. 133-145.

203. Polenz, P. Deutsche Sprachgeschichte von Spätmittelalter bis zur Gegenwart. 4 Bd. Berlin, New York: de Gruyter, 1994. – 498 s.
204. Reger, H. Metaphern und Idiome in szenischen Texten, in der Werbe- und Pressesprache. Hamburg: Buske, 1980. – 148 s.
205. Riesel, E. Deutsche Stilistik. / E. Riesel, E. Schendels. M., 1975. – 317 s.
206. Sabban, A. Okkasionelle Variationen sprachlicher Schematismen. Eine Analyse französischer und deutscher Presse- und Werbetexte. Tübingen: Narr., 1998. – 393 s.
207. Schippan, T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 1992. – 306 s.
208. Seiffert, A. Fremdwortbildung und Text // Fix U., Lerchner G., Schröder M., Wellmann H. (Hrsg.) – S. 263–275.
209. Seiler, F. Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts. 4 Bd. 4. Aufl. Vero Verlag, 2014. – 223 s.
210. Slama-Cazacy “Leistung und Grenzen des sozialen Kontextes sprachlichen Verhaltens” (Pragmatik). Internetdisziplinäre Beiträge zur Erforschung der sprachlichen Kommunikation. Hrsg. von S.J. Schmidt. München, 1974. – S.118–131.
211. Schmidt, S. J. Texttheorie. München, 1976. – 184 S.
212. Schmidt, W. (Hrg.). Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung. Leipzig, 1981. – 276 S.
213. Sprachkontrast und Mehrsprachigkeit: Wolf-Farré, Cantone-Altintas, Moraitis, Reimann (eds.) Linguistische Grundlagen, didaktische Implikationen und Desiderata/ Multilingualism and Language Teaching: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co., 2021. – S. 153–179.
214. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Sprache. Leipzig, Wien, Zürich, 1993. – 1111 S.
215. Wimmer, R., Berens F.-J. Wortbildung und Phraseologie. Tübingen: Narr, 1997. – 180 S.

216. Wirrer, Jan. Phraseologismen in der Argumentation.- In: Phraseologismen im Text und Kontext. Phrasemata I. (Hrsg- Jan Wirrer), Bielefeld, 1998. – S.97–120.
217. Wotjak, B. Verbale Phraseolexeme in System und Text. Tübingen: Niemeyer. – 178 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА

1. Российские газеты

- «Аргументы и факты» (АиФ) (<https://aif.ru/>)
- «Известия» (И) (<https://iz.ru/>)
- «Комсомольская правда» (КП) (<https://www.kp.ru/>)
- «Коммерсантъ» (К) (<https://www.kommersant.ru/>)
- «Московский комсомолец» (МК) (<https://www.mk.ru/>)
- «Новая газета» (НГ) (<https://novayagazeta.ru/>)
- «Новый регион» (НовР) (<https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html>)
- «Российская газета» (РГ) (<https://rg.ru/>)
- «Правда» (П) (<https://gazeta-pravda.ru/>)
- «Вечерняя Казань» (ВечК) (<https://www.evening-kazan.ru/>)
- «Санкт-Петербургские Ведомости» (СПбВ) (<https://spbvedomosti.ru/>)
- «Республика Татарстан» (РТ) (<https://rt-online.ru/>)
- «Волжская коммуна» (ВК) (<https://komunavolge.ru/>)
- «Новая Сибирь» (НС) (<https://newsib.net/>)
- «Рабочий путь» (РП) (<https://www.rabochy-put.ru/>)

2. Немецкоязычные газеты

- «Bild» (Bild) (www.bild.de)
- «Berliner Zeitung» (BZ) (<https://www.berliner-zeitung.de/>)
- «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ) (<https://www.faz.net/aktuell/>),
- «Handelsblatt» (HB) (<https://www.handelsblatt.com/>),
- «Die Tageszeitung» (TZ) (<https://taz.de/>),
- «Süddeutsche Zeitung» (SZ) (<https://www.sueddeutsche.de/>),
- «Neues Deutschland» (ND) (<https://www.nd-aktuell.de/>)
- «Die Zeit» (Z) (<https://www.zeit.de/>)
- «Junge Freiheit» (JF) (<https://jungefreiheit.de/>)

«Der Freitag» (F) (<https://www.freitag.de/>)
«Preußische Allgemeine Zeitung» (PAZ) (<https://paz.de/>)
«Aachener Zeitung» (AZ) (<http://www.az-web.de>)
«Augsburger Allgemeine» (AA) (<https://www.augsburger-allgemeine.de/>)
«Badische Neueste Nachrichten» (BNN) (<http://www.bnn.de/>)
«Berliner Morgenpost» (BM) (<https://www.morgenpost.de/>)
«Berliner Zeitung» (BZ) (<https://www.berliner-zeitung.de/>)
«Freie Presse» (FP) (<https://www.freiepresse.de/>)
«Frankfurter Rundschau» (FR) (<https://www.fr.de/>)
«Neue Ruhr Zeitung» (NRZ) (<https://www.derwesten.de/nrz/>)
«Neue Westfälische» (NW) (<http://www.nw.de/>)
«Nordwest-Zeitung» (NWZ) (<http://www.nwzonline.de/>)
«Rhein-Zeitung» (RZ) (<http://www.rhein-zeitung.de/>)
«Südwest-Presse» (SWP) (<https://www.swp.de/>)
«Westdeutsche Allgemeine Zeitung» (WAZ) (<https://www.waz.de/>)
«Westdeutsche Zeitung» (WZ) (<https://www.wz.de/>)
«Westfalen-Blatt» (WB) (<http://www.westfalen-blatt.de/>)
«Westfälische Rundschau» (WR) (<http://www.wr.de/>)

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СМИ – средства массовой информации;

ФЕ – фразеологическая единица.